

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

**РАЗВИТИЕ МЕТОДА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ
АКЦЕНТОЛОГИИ В ТРУДАХ ПОЛЯ ГАРДА
(на примере литовского языка)**

Дипломная работа

студента IV курса
отделения литовского языка и литературы
Галины Викторовны Васильевой

подпись

Научный руководитель
доц. А.В. Андронов

«___» _____ 20__ г.

подпись

Санкт-Петербург, 2011

Защита состоялась «__» _____ 200__ г.

Оценка _____

Члены комиссии: _____
_____
_____
_____
_____
_____

Содержание

Введение	4
Глава 1. Поль Гард и его книга «Ударение».....	5
Глава 2. Подходы к описанию свободного ударения	9
Глава 3. Описание литовского ударения	12
Заключение.....	14
Литература	15
Приложения	16
1. Перевод французского издания книги П. Гарда (Garde 1968).....	16
2. Перевод раздела о русском ударении из хорватского издания (Garde 1993: 97–102).....	16

Введение

Имя французского лингвиста Поля Гарда (род. в 1926 г.) хорошо известно не только русистам и славистам, но и специалистам по другим языкам. Спектр интересов П. Гарда широк: общее языкознание, славистика, русский язык, поэтика, перевод. Особое внимание в его работах уделяется акцентологии. Поль Гард подробно рассматривает вопросы теории морфологической акцентологии, ему принадлежит «едва ли не единственная развернутая попытка разработать теоретическую схему для морфонологической типологии акцентных языков» (Касевич 1986: 147).

Целью данной работы является описание теоретических положений морфологической акцентологии, выдвигаемых Гардом, и приложение их к материалу литовского языка.

Для достижения цели предполагается решить три задачи:

1) обзор содержания основного теоретического труда П. Гарда по акцентологии — книги «Ударение» [Garde 1968];

2) рассмотрение эволюции подхода П. Гарда к описанию свободного ударения в русском языке на основе версий, опубликованных в работах разного времени: [Garde 1968; 1976; 1978; 1980; 1993];

3) анализ описания литовской просодики, предложенного П. Гардом [Garde 1968: 160–167].

Вопросы теории морфологической акцентологии редко привлекают внимание исследователей (см. обзор В. Ринкявичюса [Rinkevičius 2010]), обычно та или иная версия её (без специального анализа) используется при изучении истории языков со свободным ударением. Обращением к теоретической проблематике морфологической акцентологии определяется актуальность и научная новизна данной работы.

Материалом для исследования, кроме основного источника — монографии П. Гарда «Ударение» [Garde 1968], служат современные описания русской и литовской акцентуации.

Структура работы соответствует сформулированным задачам, каждой из которых посвящена отдельная глава. В приложении к работе представлены 1) перевод книги П. Гарда «Ударение» [Garde 1968] на русский язык и 2) перевод раздела о русском ударении из хорватского издания 1993 г. [Garde 1993: 97–102] (выполнен А. В. Андроновым).

Глава 1.

Поль Гард и его книга «Ударение»

Краткие биографические сведения о Поле Гарде взяты с сайта www.bibliomonde.com, который представляет информацию об авторах разных стран и об их книгах (<http://www.bibliomonde.com/auteur/paul-garde-2581.html>).

Поль Гард, родившийся в 1926 г. в городе Авиньон, Франция, — лингвист, специалист по славянским языкам, в первую очередь русскому и сербохорватскому. Русскому языку посвящена его докторская диссертация «Употребление сослагательного наклонения и частицы *бы* в русском языке» («L'emploi du conditionnel et de la particulier *by* en russe», Aix-en-Provence, Ophrys, 1963 (364 p.)), которую он защитил в 1963 г. Он является автором объёмной «Русской грамматики» [Garde 1980; 1998] и литературных переводов с русского, в особенности произведений Федора Тютчева¹.

Поль Гард был профессором славянских языков и литературы в университете Прованса, а также в Йельском, Колумбийском и Женевском университетах. Он стал известен более широкой публике как специалист по югославскому кризису, опубликовав книгу «Жизнь и смерть Югославии» («*Vie et mort de la Yougoslavie*», Paris, 1992 (444 с.)). Поль Гард активно участвовал в работе Гаагского международного суда, написал несколько общественно-политических работ на балканскую тему. В 2005 г. Поль Гард был награжден медалью хорватского Ордена Утренней Звезды с изображением Марко Марулича² за заслуги в развитии культурных и прочих связей между Францией и Хорватией.

Наиболее известные работы П. Гарда в области общей лингвистики³ посвящены вопросам свободного (в частности, полиакцентного) ударения. Его описания акцентных свойств славянских морфем (диахрония и синхрония) и их сочетаемости внутри слова создают «грамматику ударения», которая открыла новую страницу в изучении этого вопроса. Эта «грамматика ударения» позволяет рассматривать акцентные и тональные системы других языков, которые лаконично охарактеризованы в книге «Ударение» (1968 г.).

«Ударение» Поля Гарда — один из главных трудов по теории акцентологии, и в частности по морфологической акцентологии. Теоретические

---

¹ F. Tioutchev. Poésies / traduites du russe par Paul Garde, préface et notes par Paul Garde, Lausanne: L'Âge d'homme, 1987. — 116 p.

² Орден Утренней Звезды занимает 13-е место в списке наград Хорватии, учрежден в 1995 г., делится на 7 категорий одинаковой важности. Медалью хорватского Ордена Утренней Звезды с изображением Марко Марулича (хорватского писателя и гуманиста, 1450–1524) награждаются граждане Хорватии и иностранные граждане за особые заслуги в области культуры и искусства (http://www.osrh.hr/data/medals_hr.asp).

³ Общая библиография учёного приведена в сборнике его работ [Garde 2006: 455–469].

положения автор проверяет на материале нескольких языков, в том числе русского и литовского.

Акцентологическая проблематика представляется П. Гардом как два комплекса вопросов, которые он называет «константами» и «переменными» ударения и в соответствии с которыми книга делится на две части. В первой части («константы») определяются понятия, необходимые для описания акцентологической системы любого языка: ударение, акцентное единство и акцентная единица⁴, анализируются функции ударения, обосновывается противопоставление акцентных и различительных признаков. Во второй части («переменные») рассматриваются представленные в конкретных языках варианты и особенности соотношения акцентного единства со словом и акцентной единицы со слогом, а также зависимость места ударения от границ слова (при фиксированном ударении) или его морфемной структуры (при свободном ударении).

Необходимо обратить внимание на следующие теоретические положения концепции П. Гарда.

Принципиальное различие в природе минимальных пар, создаваемых различием фонемного состава и места ударения. В первом случае фонологическая значимость определяется парадигматически (на основании противопоставления единиц, занимающих одну и ту же позицию), а во втором — синтагматически (на основании контраста соседствующих единиц) [Garde 1968: 10].

Синтагматическая природа акцентного контраста предполагает необходимость «предварительной операции» при изучении ударения, а именно необходимость «вычленения в речевой цепи двух типов сегментов, более протяжённых, чем фонема: 1) вычленение сегментов, контрастирующих между собой, или акцентных единиц; 2) вычленение сегментов, внутри которых создаются эти контрасты, или акцентных единств» [Garde 1968: 12].

При этом основной функцией ударения (как и фонемы) оказывается не дифференцирующая, а конституирующая: ударение создаёт акцентное единство, то есть, в общем случае, «вводит в речевую цепь дополнительное звено — звено слов» [Garde 1968: 22] (фонема же создаёт экспонент морфемы). Таким образом, П. Гард (вслед за А. Мартине) демонстрирует функциональное единство двух основных типов ударения: «разница между фиксированным и свободным ударением не так важна, как это иногда считают, и, в любом случае, она не касается самой функции ударения, которая одинакова для обоих типов языков» [Garde 1968: 9]. Противопоставляются же эти типы не за счёт различающихся функций ударения, а за счёт различных факторов, определяющих его место: «Определение места ударения в рамках предварительно вычлененного акцентного единства в одних языках зависит от фонологических критериев, это языки с фиксированным ударением; в других

---

⁴ Русские переводы терминов «*unité accentuelle*» и «*unité accentuable*» предложены проф. Ю. А. Клейнером [2002: 14].

— от грамматических критериев, это языки со свободным ударением» [Garde 1968: 21].

Внимание к конституирующей функции ударения позволяет П. Гарду постулировать организующую роль просодики для системы грамматических единиц языка: «роль ударения заключается в том, чтобы давать формальный признак грамматической единице — слову, — промежуточной между минимальной грамматической единицей — морфемой и максимальной грамматической единицей — фразой» [Garde 1968: 22].

Слово является частным случаем акцентного единства, определяемого исходя из анализа явлений ударения: акцентное единство может быть также длиннее или короче чем слово (литовские примеры: *pas ta'nè gi* ‘у меня же’; *'kėturias'dešimt* ‘сорок’). Стремление грамматически интерпретировать такие случаи приводит к необходимости введения понятия «акцентогенной синтагмы», — «группы морфем, имеющей свойство составлять акцентные единства» [Garde 1968: 19]. Организующим центром такой группы является акцентогенная морфема, причём в одних языках для создания акцентогенной синтагмы достаточно просто наличия в её составе акцентогенной морфемы (немецкий), а в других имеются дополнительные факторы, связанные с типом сочетания морфем внутри синтагмы (романские, славянские, балтийские) [Garde 1968: 68–69].

Релевантные звуковые признаки П. Гард классифицирует в зависимости от соотносимой с ними значимой единицы и этот критерий «позволяет отделить акцентный признак, свойство слова, от различительного признака, свойства морфемы, или от интонационного признака, свойства фразы» [Garde 1968: 31] при том, что фонетическое воплощение этих различий может быть сходным: «Решение этой проблемы нужно искать не в фонетических характеристиках применения этих признаков, — оно должно проистекать из функционального определения ударения» [Garde 1968: 31]. Так, подобно ситуации в чешском, противопоставление по долготе в литовском является различительным признаком фонемы, а не акцентным признаком слова: окончание Acc.Sg. существительных *a*-склонения всегда содержит долгий гласный, независимо от места ударения (*anā nāmą* [a'na: 'nama:] ‘тот дом’).

П. Гард выделяет два вида средств, отвечающих за создание акцентного контраста: «позитивные средства, добавляющие признак ударному слогу, и негативные средства, устраняющие признак в безударных слогах» [Garde 1968: 50]. Это различие П. Гард иллюстрирует примером из русского языка: «В слове [p'ɔ]э *поле*, им. пад. мн. ч. [pa]a *поля*, гласная корневой морфемы определяется как /o/ (незакрытое, непереднего ряда, среднее). Добавление к этой гласной признака „силы“ в слове [p'ɔ]э является позитивным акцентным средством, снятие признака „средняя степень открытости“ в слове [pa]a — отрицательным акцентным средством» [Gadre 1958: 50–51]. В качестве аналогичного примера из литовского языка может служить чередование долготы гласных нижнего подъёма в зависимости от ударения (*nāmo* [na:mo:] ‘дома’ (Gen.Sg.) — *namō* [na'mo:] ‘домой’): позитивным акцентным средством является „сила“ гласного корневой морфемы под ударением, отрицательным —

снятие признака „долгота“ в безударной позиции. Для фонологии важно, что «негативные средства обязательно действуют на признаки, входящие в перечень различительных признаков языка, а позитивные средства — на признаки, ему не свойственные» [Garde 1968: 51]. Таким образом, фонологические различия, связанные с ударением, не относятся исключительно к супрасегментным характеристикам («просодическим признакам» в терминологии П. Гарда), как зачастую считается: «Позитивные средства более очевидны и создают контрасты, заметные сразу же. Многие языки довольствуются этим и не имеют негативных средств. Но существуют также языки, в которых имеются лишь негативные средства, например, китайский, где ударный слог не более интенсивный, чем остальные, и не характеризуется чем-либо иным кроме сохранения тональных различий» [Garde 1968: 60].

В главе об акцентных средствах рассматривается явление отзвука ударения, определяемого исходя из места основного ударения и противопоставляемого на этом основании второстепенному ударению, определяемому морфологически [Garde 1968: 56]. Отзвук ударения проявляется, по-видимому, в первую очередь благодаря позитивным акцентным средствам.

Важно также основанное на примере финского языка наблюдение о возможности сосуществования двух акцентных систем в одном языке — ударения (в традиционном смысле) и гармонии гласных (интерпретируемой как негативное акцентное средство) [Garde 1968: 62–66].

Глава 2. Подходы к описанию свободного ударения

Основной областью применения методов морфологической акцентологии является описание языков со свободным ударением (хотя, как показал Гард, любое описание ударения связано с анализом грамматических критериев вычленения акцентных единств [Garde 1968: 20–21]).

Как уже отмечалось ранее, в языках со свободным ударением определение его места всегда предполагает исследование морфологической структуры слова, поэтому два слова с идентичной фонологической структурой могут иметь разные ударения, если они не состоят из одних и тех же морфем (ср. лит. *gálvos* ‘го́ловы’ и *galvõs* ‘голово́ы’, *gardis* ‘грядка (жердь, являющаяся частью каркаса кузова телеги)’ и *gaĩdis* ‘приятный вкус’). П. Гард обращает внимание на то, что «свободное ударение отличается от фиксированного тем фактом, что в некоторых случаях оно может помочь раскрыть морфологическую структуру слова, тогда как фиксированное ударение этого не может никогда» [Garde 1968: 109]. Это можно показать на примере литовских слов *pérėjimas* ‘переход’ и *perėjimas* ‘высиживание (яиц)’: в первом случае имеется глагольная приставка *per-*, всегда получающая ударение, во втором — глагольный суффикс *-ė-* также в большинстве случаев ударный.

Ударение, таким образом, «играет... роль идентификатора морфем... Отсюда видно, что в языках со свободным ударением у морфем есть то, что можно назвать акцентными свойствами, то есть способность оказывать влияние на место ударения» [Garde 1968: 110].

При этом правила, определяющие место ударения, действуют в рамках слова (а точнее, акцентного единства): «Акцентные свойства, которыми обладают морфемы в языках со свободным ударением, являются лишь потенциальными, реализующимися в форме ударения только в рамках слова» [Garde 1968: 111]. Таким образом, «изучить ударение в языке со свободным ударением, таком как балто-славянский, значит определить акцентные свойства разных классов морфем и сформулировать законы сочетания этих классов морфем между собой, позволяющие на основе акцентных свойств морфем вывести ударение всех слов» [Garde 1976: 14].

Этот общий принцип остаётся неизменным в работах П. Гарда и других представителей школы морфологической акцентологии (В. А. Дыбо, А. А. Зализняка, Б. Стунджи и др.), однако набор конкретных акцентных свойств морфем и формулировки законов их комбинирования с течением времени претерпевают изменения. К сожалению, причины изменения концепции одного автора или расхождения теорий разных авторов в работах по морфологической акцентологии анализируются редко. Так, в монографии по литовской акцентологии Б. Стунджа лишь констатирует разницу ранней и

поздней версии теории П. Гарда [Stundžia 1995: 4–5] и без специального анализа в общих чертах присоединяется к поздней. Новейшая работа В. Ринкявичюса [Rinkevičius 2010] является подробным, но также слишком беспристрастным обзором имеющихся концепций.

Аппарат акцентологического описания русского языка, используемый П. Гардом в монографии 1968 года уже ко времени издания «Истории славянской акцентуации» в 1976 году [Garde 1976: 5–14] был автором пересмотрен. Новая версия наиболее подробно представлена в статье 1978 года [Garde 1978] и в «Русской грамматике» [Garde 1980: 116–131; = 1998: 119–134], а в 1993 году в лаконичном изложении введена в хорватский перевод книги «Ударение» [Garde 1993]. В данной работе основное внимание уделено сопоставлению версий 1968 и 1993 гг.

Принципиальное различие версий состоит в том, что на начальном этапе П. Гард предполагал многоступенчатую иерархию морфем по акцентной силе — «способности морфемы навязывать диктуемое ею ударение словам, в состав которых она входит» [Garde 1968: 128]. Известен пример анализа слова *вытрезвитель*, позволяющий выделить в нем морфемы четырёх степеней акцентной силы: *вы₃-трезв₁-и₂-тель₄* [Garde 1968: 129–130]. Следует обратить внимание на то, что наиболее сильной является морфема не несущая ударения. Дело в том, что это преакцентная морфема, акцентологическое свойство которой состоит в том, что в рамках слова она привлекает ударение на предшествующий ей слог.

Позже П. Гард отказался от нескольких степеней силы и стал рассматривать производные слова по этапам, соответствующим шагам деривации. На каждом этапе выделяется доминантная морфема, которая и определяет акцентуацию всего слова. (Степень доминантности морфем, присоединяемых на разных этапах деривации не подлежит сравнению.) В рамках этой теории *вытрезвитель*, по-видимому, анализировалось бы следующим образом:

1. *трезвый* → *трезвить* — доминантная морфема *-и-* (автоакцентная)
2. *трезвить* → *вытрезвить* — доминантная морфема *вы-* (автоакцентная)
3. *вытрезвить* → *вытрезвитель* — доминантная морфема *-тель* (преакцентная)

К сожалению, сложность русской акцентной системы ставит перед исследователем труднопреодолимые проблемы. Так постулирование П. Гардом алломорфов морфем с разными акцентными свойствами [Garde 1968: 132–133]: ср. окончание прилагательных Nom.Sg.masc., имеющее автоакцентный алломорф *-ой* и преакцентный алломорф *-ый* (*слеп-ой* но *нóв-ый*) признаётся слабым местом концепции (ср. Rinkevičius 2010: 15 со ссылкой на Зализняк 1985: 37, сноска 13)

Литовский язык представляет гораздо более прозрачную систему, которая может быть описана при помощи более простого научного аппарата. В частности, место акцентуации (авто-, пре-, постацентные морфемы) может быть представлено как следствие сочетания морфем разной акцентной силы и не рассматриваться как отдельный признак классификации морфем. Место

ударения описывается простым контурным правилом: ударение получает первая морфема большей акцентной силы или первая среди равных по акцентной силе [Stundžia 1995: 6–7]. Вероятно, подобная прозрачная система была затемнена в русском языке из-за исчезновения слоговых интонаций и из-за аналогических изменений, что привело к необходимости введения дополнительных акцентных типов морфем.

Глава 3. Описание литовского ударения

Описывая просодику литовского языка необходимо охарактеризовать место ударения, характер акцентной единицы с точки зрения долготы и тип ударения на долгих слогах («слоговую интонацию»). Формулировка П. Гарда, выделяющего «три ударения» (восходящее $\sim$, нисходящее $\acute{}$ и краткое $\grave{}$ [Garde 1968: 150]), затемняет иерархическую организацию акцентных явлений: ударение может падать на любой слог (на слог любого состава), но на долгих слогах различается два типа ударения — нисходящий и восходящий (в последнее время, вслед за А. Гирдянисом, обычно называемые «резкий» и «длительный»).

В литовском языке наряду с морфологическими факторами (акцентными свойствами морфем и формативов) на место ударения влияют и фонологические факторы (количественные характеристики слогов, тип слоговой интонации). Интересно, что эти фонологические факторы увязаны между собой: долгие слоги с акутом противостоят долгим слогам, несущим циркумфлекс, причем последние ведут себя точно также как краткие слоги.

«Постановка ударения в литовском языке определяется двумя основными акцентологическими характеристиками морфем и соответствующими двумя основными принципами: 1) морфологическим [иначе называемым контурным правилом или основным правилом ударения — Г. В.]: ударение получает морфема большей акцентной силы или первая морфема в ряду равных по акцентной силе [Stundžia 1995: 6–7]; 2) (мор)фонологическим: ударение переходит с неаккутированного слога на следующий за ним аккутированный слог или слог с аттрактивной морфемы» [Андронов 1999: 5–6].

Современные описания литовской акцентуации, начиная с очерка в академической грамматике 1985 года [Гирдянис 1985], классифицируют морфемы по двум признакам — акцентной силе и доминантности. «Акцентологически слабыми являются те морфемы, которые могут получать ударение [по контурному правилу — Г. В.] только будучи на первом месте в слове. Акцентологически сильные морфемы всегда получают ударение в начале слова, но могут получать его, будучи и не в начале слова (в таком случае перед ними находятся слабые морфемы)» [Andronovas 1995: 97–98]. Свойством доминантных морфем является изменение акцентной силы соседних морфем или целых основ (относительно деталей интерпретации этого свойства мнения учёных расходятся).

Эта система восходит к очерку П. Гарда, который был переведен на литовский язык А. Гирдянисом [Girdenis 1971], отметившим и ряд неточностей в описании французского учёного. Как отмечает А. Гирдянис, «правильные принципиальные идеи [П. Гарда] с лихвой окупают довольно многочисленные

фактические неточности и некоторые не совсем точные интерпретации» [Girdenis 1971: 225]. К таким недочётам относятся, например:

- неудачный выбор примеров для иллюстрации нейтрализации количественных оппозиций в дифтонгах: *kỹla* : *kilti*, *šãla* : *šálti* [Garde 1968: 161] — долгота здесь связана с рефлексом инфикса (**kinla*, **šanla*), корректными примерами могли бы быть: *gýnè* : *gìnti*, *kélé* : *kélti*;
- представление о типичности чередования слоговых интонаций в формах глагола: *lēmia* : *lémti*, *žĩva* : *žĩti* — в обоих случаях циркумфлекс является не исходным: в первой паре он появляется в слабой позиции (гласные нижнего подъёма под ударением всегда получают циркумфлекс), во второй является рефлексом инфикса (инфиксальные формы всегда имеют циркумфлекс);
- попытка интерпретировать окончание Nom.Sg. о-склонения как акутированное в современном языке: *raĩk-* + *-á* = *rankà* [Garde 1968: 163] — бывшие фонологические признаки в современном языке стёрты (после действия закона Лескина) и реализуются как дополнительное акцентное свойство морфем — аттрактивность;

Литовский язык представляет очень благодарный материал для разработки метода морфологической акцентологии. Основываясь на этой более прозрачной системе проще осознать внутреннюю структуру более сложных систем (например русского ударения), сложившихся в результате морфологизации прежних фонологических различий.

Заключение

Оценивая роль акцентологических работ П. Гарда следует сказать, что более всего востребованным оказалась та часть его теории, которая связана с описанием свободного ударения, на остальные же вопросы до сих пор не обращено должного внимания. При этом монография 1968 года представляет цельную картину акцентологической проблематики и исключение отдельных элементов её приводит к той фрагментарности и хаотичности акцентологического описания, о которой предостерегал П. Гард [Garde 1968: 111–112]. Представляется, что до сих пор в полной мере не реализована и задача, формулируемая в конце книги П. Гарда: «Остается только убедиться, имеет ли, как есть основания ожидать, эта теория общее значение, а также учитывает ли она факты, которые не были рассмотрены при ее разработке» [Garde 1968: 167].

Литература

1. Андронов 1999 — Андронов А. В. Некоторые проблемы морфологической интерпретации ударения в литовском языке // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 1. Секция баллистики (2–4 марта 1999 г.). Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 1999. — с. 5–7.
2. Гирдянис 1985 — Гирдянис А. Акцентуация // Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985. — с. 61–68.
3. Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. Москва, 1985.
4. Касевич 1986 — Касевич В. Б. Морфонология. Ленинград, 1986.
5. Клейнер 2002 — Клейнер Ю. А. Проблемы просодики. Санкт-Петербург, 2002.
6. Andronovas 1995 — Andronovas A. Priešdėlinių veiksmažodžių kirčiavimas morfologinės akcentologijos požiūriu // Baltistica, XXX₍₁₎, Vilnius, 1995. — pp. 93–100.
7. Garde 1968 — Garde P. L'accent. Paris, 1968.
8. Garde 1976 — Garde P. Histoire de l'accentuation slave. T. 1. Paris, 1976.
9. Garde 1978 — Garde P. Modèle de description de l'accent russe // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, t. 73, f. 1. 1978. — p. 367–400 (= // Garde 2006: p. 158–176).
10. Garde 1980 — Garde P. Grammaire russe. T. 1: Phonologie, morphologie. Paris, 1980.
11. Garde 1993 — Garde P. Naglasak, Zagreb, 1993.
12. Garde 2006 — Garde P. Le mot, l'accent, la phrase. Paris, 2006.
13. Girdenis 1971 — Girdenis A. Lietuvių kalbos kirčiavimo sistema // Kalbotyra, XXII(1). 1971. — p. 93–96. (= // Lietuvių kalbos fonetikos skaitiniai. Vilnius, 1997. — p. 225–230).
14. Rinkevičius 2010 — Rinkevičius V. Kai kurie teoriniai morfologinės akcentologijos koncepcijos aspektai // Baltistika, XLV₍₁₎. 2010. — p. 9–43.
15. Stundžia 1995 — Stundžia B. Lietuvių bendrinės kalbos kirčiavimo sistema. Vilnius, 1995.

Приложения

1. Перевод французского издания книги П. Гарда (Garde 1968)

Перевод представлен в виде файла Garde1968.pdf.

2. Перевод раздела о русском ударении из хорватского издания (Garde 1993: 97–102)

Перевод с хорватского отличающихся от французской версии фрагментов (отмечены вертикальной линией вдоль левого поля) выполнен А. В. Андроновым и приводится с его согласия.

Е) Русский язык

В русском языке акцентные свойства морфем не зависят ни от их синтаксической природы, как в немецком языке, ни от их порядка, как в итальянском. Они непредсказуемы. Но если предположить, что они известны, то ударение в словах становится предсказуемым, как и в других рассматриваемых языках.

Каждая русская морфема характеризуется с точки зрения трех акцентных свойств: акцентность, место ударения и акцентная доминантность.

а) Акцентность. Существуют акцентные морфемы, которые привлекают ударение на определенное место по отношению к себе самим, и неакцентные морфемы, которые никогда не привлекают ударение на определенное место в слове по отношению к себе самим. Когда слово состоит только из неакцентных морфем, ударение падает на начальный слог: так, например, в слове *пр'о-да-л-и*, где все морфемы (приставка *про-*, корень *-да-*, суффикс прошедшего времени *-л-*, окончание множественного числа *-и*) принадлежат к группе неакцентных морфем.

б) Место ударения. Акцентные морфемы могут быть:

1) автоакцентными [ударными], привлекающими ударение на один из своих слогов, например, основа *медвед* в слове *медв'едь*, мн. ч. *медв'ед-и*;

2) постакцентными [предударными], привлекающими ударение на слог, который следует за ними, например, основа *корабл-* в слове *кор'абль*, мн. ч. *корабл'и*;

3) преакцентными [заударными], привлекающими ударение на слог, который предшествует им, например, суффикс *-ива-* (имперфективирующий), ср. *по-вор-'ач-ива-ть*.

с) Акцентная доминантность. Когда слово содержит доминантную морфему, ее акцентные свойства реализуются так, как если бы

она была единственной в слове. Таковым является имперфективирующий суффикс *-ва-*, автоакцентный и доминантный: все слова, в которых он содержится, имеют ударение на его гласном *а*: *про-да-в'а-ть*, *из-де-в'а-ть-ся*, *из-де-в'а-тель-ство* и т. д. Суффикс существительных — названий лиц *-ач-* является постакцентным доминантным, и все слова, в которых он содержится, имеют ударение за этой морфемой, то есть на следующем слоге (конечно, если он есть): *бород-'ач*, мн. ч. *бород-ач-'и*, *сил-'ач*, мн. ч. *сил-ач-'и*. Именной суффикс *-ень-* является неакцентным, но доминантным: все слова с ним имеют ударение на начальном слоге, например, *пр'о-леж-ень*, *пр'и-хвост-ень*, *'об-орот-ень* и т. д.

Когда слово состоит лишь из недоминантных морфем (акцентологически «слабых» морфем), место ударения определяется первой акцентной морфемой: автоакцентным окончанием *-а* в *про-да-л-'а*, постакцентным суффиксом *-(е)ц-* в *про-да-в-'ец*, мн. ч. *про-да-в-ц-'ы*, преакцентным суффиксом *-ж-* в *про-д'а-ж-а*. Автоакцентность суффикса женского рода *-иц-* реализуется в *волч-'иц-а*, имеющем неакцентную основу *волк-* но не в *медв'ед-иц-а*, где реализуется автоакцентность основы *медвед'-*.

При помощи этого набора правил можно предсказать место ударения в определенной форме, если известны акцентные свойства морфем, из которых она состоит. Сами акцентные свойства частично связаны с грамматической природой этих морфем несколькими внутренними закономерностями. Так:

— Только суффиксы могут быть акцентно доминантными (но не основы и не окончания).

— Основы, так как они находятся в начале слова, не могут быть преакцентными, но только постакцентными, автоакцентными или неакцентными (то есть не оказывать влияния на место ударения).

— Окончания, находясь в конце слова, не могут быть постакцентными, но лишь автоакцентными, преакцентными или неакцентными (не оказывать влияния на место ударения).

— Приставки являются неакцентными за единственным исключением приставки *вы-* у глаголов совершенного вида и производных от них слов, которая является автоакцентной (ударной): *в'ыдать*, *в'ыдача*, *в'ыехать*, *в'ыезд* и т. д. (ср. с другими приставками: *прод'ать*, *прод'ажка*, *проехать*, *проезд* и т. д.). Когда ударение падает на другую приставку (кроме *вы-*), его следует объяснять либо как влияние преакцентной морфемы (*пер'е-сл-анн-ый*, где суффикс причастия привлекает ударение на предшествующий ему слог), либо как результат того, что все морфемы в слове являются неакцентными (*пр'о-да-л-и*; см. объяснение в п. а).

— Только суффиксы, находящиеся в середине слова, могут относиться ко всем акцентным типам.

Акцентные свойства не являются чем-то, свойственным лишь слоговым морфемам, то есть морфемам, содержащим гласную. Морфемы, состоящие исключительно из согласных, имеют их также: например, две формы глагола *отдать* — прошедшее время *от-да-л* и инфинитив *от-д'а-ть* — имеют разное ударение, а различаются они только своими неслоговыми морфемами *-л* и *-ть*:

в слове *'от-да-л* наблюдается господство корня с рецессивной акцентуацией *да-*, а в слове *от-д'а-ть* — господство окончания инфинитива *-ть*, не являющегося, однако, слоговым. Таким же образом в слове *гол'ов-к-а* реализуется акцентуация (преакцентность) уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-*; при реализации же собственной акцентуации корня ударение оказывается на первом его слоге: *г'олов-у* (вин. пад.).

Нулевые морфемы также имеют акцентуацию. То же слово *голова* в род. пад. мн. ч. имеет форму *гол'ов*: ударение на втором слоге корня объясняется акцентными свойствами нулевого окончания род. пад. мн. ч., которые идентичны свойствам дат., предл., твор. пад. мн. ч.: окончание перетягивает ударение на самого себя в словах *гол'ов* (род. пад.), *голов'ам*, *голов'ах*, *голов'ами* (дат., предл., твор. пад.). В производных именах существительных женского рода типа *л'етопись*, *п'омощь*, *'оттепель* проявляется нулевой суффикс с рецессивной акцентуацией и очень большой акцентной силой, поскольку производные такого типа все, без исключения, имеют ударение на первом слоге во всех падежах.

Может показаться странным факт приписывания акцентных свойств морфемам, не стоящим в центре слога (не составляющим слога). Следует помнить, однако, что морфема и слог представляют собой две единицы разного плана. Слог, фонологический элемент, является акцентной единицей: он получает ударение. Морфема, сегмент первого членения, в языках со свободным ударением является определяющим фактом для установления места ударения. Ударение «вырабатывается» в морфемах, а реализуется на слогах. Превосходство, в смысле акцентуации, одной морфемы над другой реализуется в фонологическом плане через акцентный контраст одного слога с другим. Именно неразличение этих двух планов было, без сомнения, источником трудностей, которые долгое время препятствовали правильному описанию функционирования ударения в русском языке.

Предсказуемость места ударения основывается на постоянстве акцентных свойств морфем. Это постоянство не абсолютно: некоторые морфемы предстают в двух алломорфах, имеющих разные акцентные свойства. Однако свойства того и другого всегда могут быть точно описаны, и поэтому границы неопределенности могут быть существенно сужены.

Например, окончания настоящего времени, кроме окончания 1-го лица ед. ч., имеют два варианта, один автоакцентный, другой преакцентный: *говор'ит*, но *мол'от-ит*. Речь идет именно о реализации акцентуации окончаний, поскольку корень реализует свою собственную акцентуацию на первом слоге: *г'овор*, *м'олот*. То есть существуют два варианта окончания, выбор которых нельзя предугадать. Этот дублет отвечает за подвижное ударение и за ударение на окончании в настоящем времени глаголов.

Подобным образом суффикс абстрактных существительных *-ств-/-еств-* имеет вариант с ударным предшествующим слогом (например, *м'уж-еств-о*) и вариант с ударным последующим слогом (*бож-еств-'о*), но первый гораздо чаще. Сами чередования ввиду некоторой закономерности чаще всего касаются

морфем (суффиксов или окончаний), имеющих в качестве одного из вариантов ударение на предшествующем им слоге.

В именах прилагательных существуют два варианта полных окончаний: автоакцентное *-ой* и преакцентное *-ой* (пишется *-ый*) *слеп-ой*, но *н'ов-ый*; *времен-н-ой*, но *вр'емен-н-ый*. Здесь отмечается некоторая семантическая разница между двумя вариантами, причем автоакцентный (более редкий) вариант часто имеет уничижительное или техническое значение. Таким образом, речь идет не о двух вариантах одной морфемы, а о двух разных морфемах.

Подобные случаи являются источником самых труднопреодолимых препятствий в обучении русскому ударению. Они соответствуют также тем областям, в которых язык проявляет колебания или имеет дублеты (см. Kiparsky 1962). Поэтому правомерно рассматривать их отдельно. Метод, предложенный здесь, не полностью исключает область непредсказуемого, но значительно ее ограничивает.

Теперь мы можем показать, как этот метод позволяет описать ударение в некоторых морфологических категориях. В качестве примера выберем склонение существительных женского рода на *-а*. Совокупность имеющихся форм может быть представлена следующей таблицей (каждое существительное является представителем всех существительных того же типа, а каждое окончание — всех окончаний того же типа).

	1	2	3
Им. п. ед. ч.	<i>к'омнат-а</i>	<i>конур-а</i>	<i>сирот-а</i>
Вин. п. ед. ч.	<i>к'омнат-у</i>	<i>конур-у</i>	<i>сирот-у</i>
Им. п. мн. ч.	<i>к'омнат-ы</i>	<i>конур-ы</i>	<i>сир'от-ы</i>
Дат. п. мн. ч.	<i>к'омнат-ам</i>	<i>конур-ам</i>	<i>сир'от-ам</i>
	4	5	6
Им. п. ед. ч.	<i>голов-а</i>	<i>земл-я</i>	<i>борозд-а</i>
Вин. п. ед. ч.	<i>г'олов-у</i>	<i>з'емл-ю</i>	<i>борозд-у</i>
Им. п. мн. ч.	<i>г'олов-ы</i>	<i>з'емл-и</i>	<i>б'орозд-ы</i>
Дат. п. мн. ч.	<i>голов-ам</i>	<i>з'емл-ям</i>	<i>борозд-ам</i>

Морфемы в этой таблице группируются следующим образом:

а) Основы:

- автоакцентные: (1) *комнат-*
- постацентные: (2, 3) *сирот-*, *конур-*
- неакцентные: (4, 5, 6) *голов-*, *земл-*, *борозд-*

б) Окончания:

- автоакцентные: *-а*, *-ам*
- неакцентные: *-у*, *-ы*.

Совокупность этих основ и окончаний дает акцентные парадигмы 1, 2, 4:

1 (*комнат-а*) автоакцентная основа; постоянное ударение на основе

2 (*конур-а*) постацентная основа; постоянное ударение на окончании

4 (*голов-а*) неакцентная основа; ударение на окончании, если окончание акцентное (*-а, -ам*), или на начальном слоге, если окончание неакцентное (*-у, -ы*). Это широко перемещающееся ударение — между началом и концом слова.

с) Некоторые окончания имеют варианты с различными акцентными свойствами: окончания множественного числа *-ы* и *-ам* имеют преакцентный вариант и, следовательно, парадигму с узко перемещающимся ударением (между соседними слогами):

3 (*сирот-а*), которая отличается от 2 (*конура*) только ударением перед окончанием во множественном числе;

5 (*земл-я*), которая отличается от 4 (*голова*) только ударением перед окончанием во множественном числе;

6 (*борозд-а*), которая отличается от 4 (*голова*) только ударением на окончании в вин. п. ед. ч.

Мы по мере возможности выбрали примеры с двуслоговыми корнями, чтобы показать разницу между ударением, падающим на слог перед окончанием (*сир'оты, сир'отам*), и накоренным ударением (*г'олову, б'орозду*). Корень слова *земл-я* в большинстве падежей односложный, но в род. пад. мн. ч. он выступает в двусложной форме (*зем'ель*), и здесь видно, что ударение именно на слоге перед окончанием, а не на корне.

Вышеприведенная таблица полностью описывает склонение всех существительных на *-а*.

Для каждой морфологической категории можно начертить частные таблицы, а затем сгруппировать их в сводную таблицу для всей совокупности языка. Так можно определить акцентные свойства всех морфем и предсказать ударение в любом слове.

В русском языке, как и в немецком или английском, некоторые заимствованные морфемы имеют особенные акцентные свойства. Речь идет о суффиксах, выступающих в «европеизмах» (словах греческого, латинского, французского и т. п. происхождения). Когда несколько суффиксов такого рода следуют друг за другом, именно последний из них навязывает свою акцентуацию. Таким образом, серии слов *аспир'ант, аспирант'ура* или *интерв'ент, интерв'енция, интервенци'онный, интервенцион'ист* представляют собой то же явление господства морфемы, стоящей последней, что и серии итальянских слов *f'uso, fus'ello, fusell'ato, fusellat'ura*. Здесь, как и в немецком или английском языке, одновременно с морфемами был заимствован и принцип романской акцентуации.

Трудность русской акцентной системы в глазах иностранца состоит в том, что ни один из ориентиров, помогающих определить ударение в других языках, не работает в русском: нельзя опереться ни на границу слова, являющуюся релевантной в языках с фиксированным ударением, ни на синтаксическую природу морфем, определяющую ударение в германских языках, ни на последовательность, играющую важную роль в большинстве романских языков. Здесь мы имеем дело со свободным взаимодействием акцентных свойств морфем.

Такой тип акцентуации свойственен не только русскому языку, — он без каких-либо изменений обнаруживается почти во всех славянских языках со свободным ударением, например, в белорусском, украинском, болгарском и сербохорватском с их различными диалектами. Только словенский язык имеет несколько отличную систему. Мы не можем еще проанализировать акцентные системы сербохорватского или словенского языка, потому что в этих языках, кроме прочего, встают проблемы вычленения акцентной единицы (слога или моры), которые будут проанализированы в главе VI. Но мы можем уже отметить, что германской системе (с логическим ударением) и романской системе (с господством последней акцентной морфемы) противопоставляется славянская система акцентуации (со свободной конкуренцией акцентных свойств морфем).

Поль Гард

УДАРЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основном, формы приведены в современной орфографии или, для языков, не использующих латинский или греческий алфавит, в наиболее употребительной транслитерации*.

В случае необходимости, использовалась фонетическая транскрипция по системе МФА, с некоторой свободой, показавшейся нам уместной в отношении объекта настоящей книги.

Ударение (как в формах, переданных в современной орфографии, так и в транскрибированных формах) отмечается значком ', стоящим перед ударной гласной. Например: ит. *c'antano*, рус. *вод'a* или [вад'a], нем. *Str'assenb'ahn*. Там, где нам показалось необходимым привлечь внимание читателя к разнице в силе, существующей между двумя соседними ударениями, более сильное из них отмечалось значком ": нем. *Str"assenb'ahn*.

При этом в языках, где обозначение ударения принято в орфографии или осуществляется по общепринятым правилам (греческий, сербохорватский языки и т. д.) эти традиции были соблюдены.

О транскрипции английского языка, см. сноску 1 на с. 51.

Мы хотим выразить нашу признательность г-ну Андре Мартине, профессору университета Сорбонны, который вдохновил нас написать эту книгу и согласился принять ее в серию, которой он руководит, а также г-ну профессору М. Ромпортлу и г-же доктору Я. Ондрачковой, которые любезно предоставили в наше распоряжение многочисленные источники из документационного отдела фонетической лаборатории Института чешского языка в Праге.

---

* В настоящем издании примеры из языков, пользующихся кириллицей (русский, белорусский, македонский), приведены в традиционном написании (Прим. перев.).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОНСТАНТЫ УДАРЕНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФУНКЦИЯ УДАРЕНИЯ

I. — КОНТРАСТИВНАЯ ФУНКЦИЯ УДАРЕНИЯ

Явление, изучаемое здесь, в обиходном французском языке наиболее часто известно под именем **тонического ударения**; лингвисты же зовут его проще — **ударением**. Француз, не чувствуя сам существования ударения в собственном языке, открывает его в основном при изучении языка иностранного. Например, итальянское слово *bravo* произносится совершенно иначе, нежели французское *bravo*, которое, тем не менее, от него происходит. И разница состоит не только в сумме особенностей пяти фонем этих слов (например, [r] апикальное или «раскатистое» в итальянском языке, [ʀ] увулярное или «картавое» во французском и т. д.). Она основывается, прежде всего, на разнице распределения силы выдоха между двумя слогами слова. Итальянское слово требует значительно большей интенсивности, а также большей музыкальной высоты на слоге *bra*, что совершенно непривычно и тяжело воспроизвести французам. Французское слово предполагает определенное

усиление интенсивности на слоге *vo*, что напоминает итальянцам их форму *bravò* ‘он бравировал’. Инструментальный анализ подтверждает реальное существование таких различий, слышимых ухом. Считается, что ит. *bravo* имеет ударение на первом слоге (*br'avo*), а фр. *bravo* на втором (*brav'o*). Аналогичная разница наблюдается между фр. *docke[r]* [dɔk'ɛr] и англ. *docker* [d'ɔkə] или между фр. *spoutn'ik* и рус. *sp'utnik*.

Для носителей некоторых других языков ударение представляет собой осознанное явление в практике родного языка. Итальянец осознает разницу, разделяющую в его языке слова *bravo* ‘храбрый; bravo’ и *bravò* ‘он бравировал’, он точно чувствует разницу в месте усиления высоты и интенсивности, то есть ударение. То же самое мы видим в русском языке между такими словами, как *м'ука* и *мук'a*. В слове *м'ука* слог *му* одновременно более интенсивный, более высокий и более долгий, нежели слог *ка*. На основании фактов такого рода, имеющих во многих языках, специалисты в области грамматики уже давно рассмотрели феномен ударения, трактуемого как выделение одного слога в каждом слове, и составили более или менее полный список правил, определяющих место ударения. В этой области мы особенно обязаны александрийским ученым-грамматикам за их очень полные сведения о греческой акцентуации того времени. Их учение легло в основу теорий, которые были разработаны для большинства современных европейских языков.

Однако акцентология, созданная грамматиками для удовлетворения практических потребностей, плохо вписывалась в возродившуюся лингвистическую науку современности. Фонология в начале своего развития использовала для описания языка методы, которые неизбежно должны были привести к затемнению проблем ударения.

С точки зрения фонологии, в ее самой распространенной концепции, основной функцией всех лингвистических фактов является их различительная функция. Прежде всего лингвиста интересуют те фонетические особенности, изменение которых меняет смысловую нагрузку сообщения. Такое утверждение ведет к вычленению в речевой цепи минимальных линейных единиц, фонем, и минимальных нелинейных единиц,

различительных признаков. Считается, что единственный консонантный сегмент французского слова *ami* 'друг' есть фонема /m/, которая характеризуется тем, что отличается от других фонем /b/ (*habit* 'одежда'), /n/ (*Annie* 'Анни') и т. д. В свою очередь, эта фонема /m/ характеризуется признаками «назальность», отличающая ее от /b/, /p/ и т. д., и «лабиальность», отличающая ее от /n/. Сказать, что признак «назальность» принадлежит системе французского языка, значит сказать, что его ликвидация (физиологически поднятие мягкого неба, мешающее воздуху проходить через нос) может, в некоторых контекстах, изменить смысл сообщения, например, *voila mon habit* 'вот моя одежда' вместо *voila mon ami* 'вот мой друг'.

Основополагающей операцией в фонологии является, таким образом, поиск минимальных пар, таких как *ami*, *habit*. Для того, чтобы фонетический признак был признан существенным, необходимо показать, что он выполняет различительную функцию в минимальных парах такого рода. Признак, не отвечающий такому условию, рассматривается как избыточный и лишается чисто лингвистической функции.

Что происходит с ударением, подвергаемым такому испытанию? Может ли оно стать в один ряд с такими различительными признаками, как назальность, можем ли мы рассматривать его как фонему, так же, как /m/, короче, имеет ли оно различительную функцию? Ответ на этот вопрос чаще всего приводит к разделению языков на два типа: с фиксированным ударением и со свободным ударением.

О языке с фиксированным ударением говорят, если ударение всегда ставится на определенный слог, начиная с начала или конца слова. Так, ударение во французском языке всегда падает на последний слог (*am'i*, *brav'o*), в чешском на первый (*n'edorozuměni* 'недоразумение', *pr'ostředek* 'средство'), в польском на предпоследний (*rozpr'awa* 'дискуссия', *odp'owiedź* 'ответ'), в латинском на предпоследний, если речь идет о закрытом слоге или слоге, содержащем долгую гласную, или на третий от конца в противном случае (*di'urnus* 'дневной', *far'īna* 'мука', но *'asinus* 'осел'). В этих языках невозможно, чтобы различительный признак «ударение» различил два слова, как

признак «назальность» различает во французском языке слова *ami* и *habit*. Если представить себе отдельно взятое слово, с его границами и фонематическим составом, ударение может падать только в одной точке: в фр. слове *ami* — только на слог *mi*, в лат. *farīna* — только на слог *rī*. То есть, в этих языках ударение должно рассматриваться как избыточный признак, предугадываемый в определенном контексте.

По-другому дело обстоит, согласно тем же теориям, в языках со свободным ударением, таких как русский, итальянский, немецкий, английский и т. д., где отсутствуют правила, четко определяющие местоположение ударения в слове. В этих языках можно встретить большое количество пар квазиомонимов, которые различаются только ударением, так же, как во французском языке слова *ami* и *habit* различаются «назальностью», например: рус. *м'ука* и *мук'а*, ит. *'ancora* 'краска' и *anc'ora* 'еще', нем. *g'ebet* 'дайте' и *Geb'et* 'молитва'. Кажется, что ударение в этих языках выполняет ту же различительную функцию, что и такие признаки, как «назальность», «звонкость» и т. д., и, таким образом, должно быть включено в перечень различительных признаков. Так, первая гласная рус. слова *м'ука* будет рассматриваться как фонема /ú/ (ударное *и*), характеризуемая тремя признаками: лабиальность, закрытость, ударение. Признак «лабиальность» отличает гласную от /í/, признак «закрытость» — от /ó/, признак «ударение» — от /u/ (безударное *и*). Таким образом, признак «ударение» должен быть внесен в перечень различительных признаков языка, а безударная гласная должна рассматриваться как фонема, отличающаяся от ударной гласной. Значит, во французском или польском языках, т. е. языках с фиксированным ударением, существует только одна фонема /u/, а в русском языке — две фонемы: /ú/ и /u/¹.

Такой подход ведет, как это видно, к разрыву единства понятия ударения. Сходство между свободным ударением (в русском, итальянском языках и т. д.) и фиксированным ударением (в чешском, французском и т. д.) существует лишь в фонетическом плане, в употреблении тем или другим более или менее схожих физических способов, таких как интенсивность или

---

¹ См. Halle 1959. Тот же подход просматривается у Трубецкого (1934).

высота; но речь идет о похожей реализации глубоко различных лингвистических явлений, различительных признаков фонем в одном случае, и избыточных признаков, связанных с пограничным сигналом, в другом. С точки зрения Трубецкого, свободное ударение имеет больше признаков, схожих с другими просодическими различительными признаками, касающимися гласных, чем фиксированное ударение. Так, Трубецкой рассматривает как два проявления одного феномена, который он называет «вокалической интенсивностью», свободное ударение в русском языке и долготу гласных в чешском, но не ударение чешского языка, которое фиксировано. Трубецкой вообще не признает понятия ударения, говоря о «передвижении ударения» как о «чередовании сильных и слабых гласных» (Трубецкой 1934: 89).

Мы не хотим отрицать важность различия между фиксированным и свободным ударением, которое будет детально изучаться далее, когда речь пойдет о классификации различных типов ударения (см. Гл. V). Но в первой главе, посвященной общему определению ударения, важно уточнить, каковы общие признаки явлений, объединенных понятием ударения. Неверно, что эти признаки касаются только области фонетической реализации. Мы намерены показать здесь, что ударение можно определить через его функцию, что эта функция одинакова как для языков с фиксированным ударением, так и для языков с ударением свободным, и что эта функция никогда не является различительной¹.

Действительно, фиксированное ударение не имеет различительной функции, но неправда, что таковую имеет свободное ударение. Если первую гласную русского слова *м'ука* лишить признака «ударение», мы не получим слова *мук'a*, но получим слово *мука без какого-либо ударения. Если же второй гласной добавить признак «ударение» мы также не получим слова *мук'a*, но получим форму **м'ук'a* с двумя ударениями (Аванесов 1956: 21–22). Слово без ударения и слово с двумя ударениями в языке существовать не могут. Отличие двух квазиомонимов заключается не в появлении или исчезновении

---

¹ См. Martinet 1954; 1965: 141–161.

признака «ударение», как это проявляется в появлении или исчезновении признака «назальность» в словах *ami* и *habit*, а в его исчезновении в одной точке речевой цепи, обязательно сопровождающемся появлением в другой точке, то есть переменной места положения. Для различительного признака вопрос, задаваемый в каждой точке речевой цепи, подвергаемой такому анализу, состоит лишь в том, наличествует он или нет; для ударения же вопрос состоит в том, падает оно здесь или в другом месте. Таким образом, в случае выявления возможной контекстной несовместимости (например, нейтрализация признака «звонкость» в русском языке на конце слога) наличие или отсутствие различительного признака касается только рассматриваемой фонемы. Место ударения всегда относится к более протяженному сегменту речевой цепи.

Нам можно возразить, что выше мы рассуждали в рамках отдельного слова, предполагая его границы известными, что незаконно. Если мы не будем учитывать границы отдельного слова и будем действовать в общих рамках высказывания, что отвечает реальным условиям коммуникации, мы сможем найти различие, обеспеченное добавлением или исключением признака «ударение». Возьмем, к примеру, русское слово *пар'аграф*. Если, сохранив ту же последовательность фонем и то же ударение, падающее на второй слог, мы добавим дополнительное ударение на третий: [par'agr'af], мы получим значимое сообщение: *Пор'а, граф!* Здесь ударение проявляется как различительный признак. Но можно отметить, что такой же результат можно получить и в языке с фиксированным ударением: например, во французском языке со словами [g'alam'ã] и [galam'ã] в известном двустишии:

Gal, amant de la reine, alla, tour magnanime,
Galamment de l'arène à la tour Magne, à Nîmes.

‘Гал, возлюбленный королевы, ушел великодушно,
Галантно с арены в башню Мань, в Ниме’

или в чешском *j'eden* ‘один’ (одно ударение) и *j'e d'en* ‘дневное время’ (два ударения, как минимум, теоретически). Известно, впрочем, что ударение выполняет такую различительную функцию весьма ненадежно: для чешского языка, эксперименты, проведенные Я. Ондрачковой на парах такого рода, показали, что

реально они не отличаются (Ondráčková 1961); в русском языке интонационные свойства фразы показывают, что в большинстве случаев в выражении *Пора, граф!* ударение на слове *граф* очень слабо; во французском очень сомнительно, что различие достигается только одним ударением.

Как бы то ни было, создается следующая ситуация: если мы предполагаем известными границы слова, ударение не имеет различительной функции ни в языках со свободным ударением, ни в языках с ударением фиксированным. Если границы слова неизвестны, оно, в принципе, может, хотя и весьма несовершенно, выполнять такую функцию, но тогда это действительно как для языков с фиксированным ударением, так и для языков с ударением свободным. Одним словом, разница между фиксированным и свободным ударением не так важна, как это иногда считают, и, в любом случае, она не касается самой функции ударения, которая одинакова для обоих типов языков. Мы можем также утверждать, что ударение никогда не выполняет различительной функции, поскольку никогда не берет на себя такую роль в рамках отдельного слова и лишь весьма относительно и несовершенно выполняет ее в общих рамках высказывания.

Функция ударения отличается от таких различительных признаков, как «назальность», «сонорность» и т. д., так как она не проявляется в парадигматическом плане: ударение никогда не противопоставляется его отсутствию в определенной точке высказывания, тогда как, например, назальность может противопоставляться отсутствию назальности (*ami, habit*). Но она отличается еще в другом плане. Наличие или отсутствие различительного признака в какой-либо точке речевой цепи ничего не говорит нам о его наличии или отсутствии в любой другой ее точке (кроме случаев несовместимости соседства, распространенность которой, в любом случае, очень ограничена). Напротив, в области ударения, в рамках предварительно вычлененного сегмента, примерно соответствующего «слову», наличие ударного слога обязательно предполагает то, что все остальные слоги являются безударными: признак «ударение» может проявляться только один раз. Таким образом, ударение, не имея связи с единицами, которые могли бы противопоставляться

ему в парадигматическом плане, связано с единицами, соседствующими с ним в плане синтагматическом.

О п п о з и ц и е й обычно называются отношения, существующие между двумя различными единицами, противопоставленными друг другу в парадигматическом плане, а к о н т р а с т а м и — отношения между двумя единицами, соседствующими в синтагматическом плане. То есть, такие признаки, как «назальность», выполняют о п п о з и ц и о н н у ю функцию, а ударение — к о н т р а с т и в н у ю функцию (Prieto 1954). Эта разница объясняет тот факт, что метод минимальных пар, служащий только для выявления оппозиционных отношений, проявляющихся в парадигматическом плане, не соответствует изучению фактов ударения, и что попытки его применения только запутали эти факты. Различие между ударением и различительными признаками заключается в их природе.

Теория информации предоставляет нам подтверждение этой разницы, поскольку информативность ударения и информативность различительных признаков изменяется обратно пропорционально. Как пишет Й. Ришель: «Такие различия, как „глухой — звонкий“, обычно имеют наибольшее значение в более коротких высказываниях, тогда как ударение... значимо в высказываниях, достаточно широких» (Rischel 1964: 86).

Таким образом, мы можем восстановить единство понятия ударения: фиксированное ударение и свободное ударение являются лишь вариантами одного и того же фонологического феномена, функциональное единство которого изначально интуитивно признавалось специалистами-грамматиками. Благодаря своей контрастивной функции оно коренным образом противопоставляется всем остальным лингвистически существенным фактам, составляющим материальную сторону языка.

Из этого фундаментального своеобразия ударения по сравнению с другими фонологическими явлениями лингвисты черпают определенные методологические следствия. Акцентология должна оперировать другими понятиями, нежели те, которые используются в других разделах фонологии. Теперь мы должны разработать понятия, соответствующие описанию функционирования ударения.

II. — ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АКЦЕНТНОГО КОНТРАСТА

Если роль ударения состоит в том, чтобы создавать контраст, его функционирование неизбежно будет более сложным, нежели функционирование различительных признаков, которые служат для создания противопоставлений (оппозиций). Оппозиции, по определению, оказывают влияние на единицы, предполагающие их появление в одной и той же точке речевой цепи. Область, в которой проявляются эти оппозиции, определена четко: это минимальный сегмент речевой цепи, неделимый на более мелкие последовательные единицы и в фонологическом плане рассматриваемый как точка, то есть фонема (Prieto 1954). После разделения на фонемы и выяснения контекстуальных характеристик каждого сегмента для того, чтобы охарактеризовать определенное означающее достаточно указать на отсутствие или наличие в рассматриваемой точке каждого из различительных признаков, которые в ней возможны. Например, после вычленения второго сегмента слова *ami* простого указания признака «лабиальный», «назальный» и т. д. достаточно для того, чтобы охарактеризовать его как принадлежащий не означающим *Annie, habit, api* ‘красное мелкое яблоко’ и т. д., а означающему *ami*. Процедура этой операции была заранее определена фонематической сегментацией.

В том же, что касается фактов ударения, анализируемые отрезки, наоборот, не могут совпадать с минимальными сегментами речевой цепи, поскольку контраст обязательно проявляется между несколькими последовательными сегментами. Фактически, для каждого языка определение основных отрезков, в рамках которых должны изучаться факты ударения, является необходимой предварительной операцией, которая не имеет эквивалента в области изучения различительных признаков. Изучение ударения предполагает вычленение в речевой цепи двух типов сегментов, более протяженных, чем фонема:

1) вычленение сегментов, контрастирующих между собой или акцентных единиц;

2) вычленение сегментов, внутри которых создаются эти контрасты, или акцентных единств.

Ответ на эти два вопроса определяет в каждом языке отрезки для анализа акцентных контрастов, подобно тому, как разбивка на фонемы определяет отрезки для анализа фонематических оппозиций. Таким образом, можно приступить к изучению третьего вопроса, определяющего ударный или безударный характер отдельно взятой акцентной единицы, подобно тому, как указание наличия или отсутствия различных возможных различительных признаков характеризует каждую фонему:

3) каков характер акцентных единиц, контрастирующих друг с другом внутри каждого акцентного единства, то есть, каково место ударения?

Во многих языках понятие акцентных единиц совпадает с понятием слога, а понятие акцентного единства — с понятием слова. В этом случае, три вышеперечисленные проблемы сводятся к трем следующим вопросам:

- 1) вычленение слогов;
- 2) вычленение слов;
- 3) место ударения на том или другом слоге каждого слова.

Например, в слове *м'ука* акцентными единицами являются слоги *му* и *ка* (первый находится под ударением в рассматриваемом слове, а второй — в слове *мук'а*). Акцентным единством является слово *мука*, внутри которого, согласно его грамматическим характеристикам, должно обязательно иметься ударение, и только одно. И, наконец, ударение падает на первый из двух слогов слова.

Отождествление акцентной единицы со слогом, а акцентного единства со словом, предполагаемое здесь, является приблизительным, и не применимо для всех языков. В последующих главах мы разберем различные типы акцентных единиц и акцентных единств, существующие в различных языках. Здесь мы ограничимся определением лингвистической природы этих двух типов единиц. В первую очередь окажется, что акцентная единица является фонологическим понятием, а акцентное единство — понятием грамматическим.

А) АКЦЕНТНАЯ ЕДИНИЦА И СЛОГ

В подавляющем большинстве языков акцентная единица — это слог. В тех языках, где ударение свободное, имеется столько возможностей для постановки ударения, сколько есть слогов: одна возможность в односложных словах, две возможности в двусложных словах (рус. *м'ука*, *мук'a*), три в трехсложных (исп. *t'ermino* ‘термин’, *term'ino* ‘я заканчиваю’, *termin'o* ‘он закончил’). В языках с фиксированным ударением применение законов, регулирующих падение ударения на первый, последний, предпоследний и т. д. слог, предполагает предварительный подсчет слогов. Для правильного ударения польского имени *Tadeusz* недостаточно знать, что в польском языке ударение падает на предпоследний слог, нужно также знать, что группа *eu* является двусложной, а не односложной, как в древнегреческом, провансальском языках и т. д. Только тогда можно правильно применить правило: *Ta-d'e-usz*, а не **Ta-deusz*.

Однако слог является фонологической единицей, которая может быть вычленена без учета смыслового содержания слова и деления на смысловые единицы. Это не значимая единица. Мы не будем здесь вдаваться в спорные детали дискуссии о природе слога, но отметим лишь, что, какой бы ни была предлагаемая интерпретация, по данному вопросу разногласий нет. Во всех языках деление на слоги зависит от наличия определенных фонем или групп фонем, способных сыграть роль «центра слога»: гласные, дифтонги, сонорные звуки в некоторых позициях и т. д. Таким образом, граница слога вытекает из фонематической структуры каждого сегмента¹.

Однако, в небольшом количестве языков акцентной единицей является не слог, а мора. Понятие моры применимо к языкам, где возможно перемещение ударения, не только от одного слога к другому, но и от одного фрагмента слога к другому. Таким образом, м о р о й называют любой фрагмент слога, способный нести ударение. Так, в древнегреческом языке в долгих конечных слогах ударение может падать на первую половину слога (диакритический знак циркумфлекс) или на вторую половину (диакритический знак акут): *ῆν* ‘я был’, *ῆν*

¹ О деталях и обсуждение исключений см. Трубецкой 1939: 208–209.

‘если’; *Zēḗ* ‘Зевс’ (зват. пад.), *Zēús* ‘Зевс’ (им. пад.). Но вычленение моры сначала предполагает вычленение слогов, потому что мора должна быть определена как фрагмент слога. Более того, делимость или неделимость слога на моры зависит от его фонематического состава: в греческом языке делимым является любой конечный долгий слог. Так, какой бы ни была акцентная единица, ее вычленение происходит всегда через предварительное вычленение слога, и даже в случае с морами, это вычленение тоже основывается на фонологических данных, без грамматических причин¹.

В особенности отметим, что деление на акцентные единицы (слоги или моры) не связано с делением на значимые единицы или морфемы. В большинстве языков границы слогов и морфем не имеют никакой связи: во фр. (*nous*) *vivotions* ‘мы прозябали’ разделение на слоги составляет *vi-vo-tions*, а разделение на морфемы *viv-ot-i-ons*. Совпадение слога и морфемы является признаком, свойственным структуре некоторых языков, например, китайского. Так же в языках, «считающих моры», делимость слога на моры следует из его фонологической, а не морфологической структуры. Для обозначения деления на моры и акцентуации (ударения) одной из мор мы можем написать *'e-en* для гр. *ἦν* ‘я был’ и *e-'en* для гр. *ἦν* ‘если’, но соединительная черточка, обозначающая границы мор, не соответствует никакой морфологической границе.

Таким образом, мы отмечаем, что акцентной единицей по-прежнему остается слог или более мелкая единица, определенная на основе слога, и что определение этой единицы зависит только от фонологических понятий.

---

¹ В качестве общего термина, обозначающего вместе слог и мору, Трубецкой использует термин *просодема* (1939: 222). Мы предпочитаем более точный термин *акцентная единица* потому что *просодема* у Трубецкого является носителем всех «просодических различительных признаков» (ударение, тон, интонация), тогда как мы рассматриваем здесь слог и мору только как носителей ударения.

В) АКЦЕНТНОЕ ЕДИНСТВО И СЛОВО

Если акцентная единица близка к слогу, то понятие акцентного единства соседствует с понятием слова. В некоторых языках сходство между акцентным единством и словом достаточно тесное. В русском языке, к примеру, высказывания, где границы этих двух единиц в точности совпадают, достаточно часты, как, например, в этом стихотворении Пушкина: *Б'уря мгл'ою н'ебо кр'оет* (4 слова, 4 ударения). Но есть также случаи, где акцентное единство длиннее или короче, чем слово: *у тог'о же* (3 слова, 1 ударение); *тр'ёхл'етний* (1 слово, 2 ударения). Во французском языке также можно найти фразы, в которых акцентные единства совпадают со словами, например: *Enf'ants, admir'ez Vers'ailles* 'Дети, восхищайтесь Версалем' (3 слова, 3 возможных ударения), но, чаще всего, акцентное единство бывает длиннее, чем слово, как например, во фразе: *les enf'ants adm'irent le chat'eau de Vers'ailles* 'Дети восхищаются Версальским замком' (7 слов, 4 возможных ударения). Из этого видно, что акцентное единство подчиняется собственным принципам вычленения, и необязательно соответствует слову, однако тесно связано с ним.

К сожалению, такая констатация не может служить нам критерием для вычленения акцентного единства, потому что понятие слова одно из самых расплывчатых в лингвистике. «Слово» в том плане, в котором мы определили его выше, является не чем иным, как орфографическим словом (промежуток между двумя пробелами в письменном тексте), являющимся лишь условностью и не способным послужить отправной точкой для научного определения. Но современная лингвистика еще не дошла до того, чтобы выработать определение слова, основываясь на объективных критериях, подходящих повсеместно (Martinet 1965b).

Здесь, как и в случае со слогом, нам приходится опираться не на исчерпывающее определение понятия слова, а довольствоваться некоторыми элементами такого определения, которые не подвергаются сомнению. Нам кажется, что, по проблеме слова, можно сформулировать три предположения, с которыми согласятся все лингвисты и которые применимы во

всех случаях, вытекающих из определения «слова» и акцентного единства: речь идет о значимой единице, большей, нежели морфема и меньшей, нежели фраза.

1. Слово и акцентное единство являются значимыми единицами. Это предположение, в том, что касается слова, достаточно очевидно, чтобы требовать доказательств. Каждый может заметить, что границы орфографических слов всегда соответствуют разделению между двумя означающими. Каким бы ни было более научное, предлагаемое кем-либо, определение слова, граница между «словами», вычлененными таким образом, совпадет с границей между двумя означающими. Что касается акцентных единств, то в тех случаях, когда они равны словам или больше последних, такое же соответствие существует обязательно. Там же, где они меньше слов, самые простые примеры, по нашему мнению, указывают на тот же факт (напр., рус. *тр'ёх-л'етний*, нем. *dr'ei-j'ähriger*), и мы принимаем в качестве гипотезы то, что это верно всегда.

2 и 3. Слово и акцентное единство больше, чем морфема и меньше, чем фраза. Эти два положения должны рассматриваться как определения. Действительно, морфема и фраза представляют собой два единственных типа значимых единиц, которые поддаются четкому определению в общелингвистическом плане. Морфема¹ является минимальной значимой единицей, которую невозможно разделить на более мелкие значимые единицы. Фраза же является максимальной значимой единицей, т. е. ее нет необходимости дополнять другими единицами для получения грамматически корректного высказывания. Если бы понятие слова смешивалось с понятием морфемы или фразы, оно было бы ненужным. И действительно, понятие слова излишне в языках, где оно используется для обозначения морфем: это касается «односложных» языков, таких как тайский, которые фактически являются языками без ударения. Но в большинстве языков понятие слова оправдывает себя, поскольку оно точно обозначает промежуточную единицу между морфемой и фразой. Есть слова, состоящие из одной морфемы (напр., фр. *ici*, нем. *hier*, рус. *здесь*), но, чаще всего, слово включает в себя несколько морфем (фр.

---

¹ О монеме и морфеме ср. A. Martinet 1967: 4.

viv-ot-i-ons ‘мы прозябали’). Существуют фразы, состоящие из одного слова (напр., *Sortez!* ‘Выходите!’), но наиболее употребительные фразы состоят из нескольких слов. Мы можем предположить, что то, что справедливо для слова, верно и для акцентного единства, и примеры, приведенные выше (где орфографическое слово соответствует акцентному единству), подтверждают эту гипотезу.

Таким образом, получается, что в языках без ударения существует только два типа значимых единиц, имеющих четкое определение с общелингвистической точки зрения, не вдаваясь в структурные детали каждого языка: морфема и фраза. Все промежуточные единицы (различные типы синтагм, слова) могут быть определены только в соответствии с критериями, свойственными каждому языку. Но в языках с ударением существует третий тип единицы — акцентное единство — который может иметь определение, действительное для любого языка с ударением, потому что имеет формальное проявление: существование в его границах контраста между содержащимися в нем акцентными единицами — слогами или морфемами.

Однако акцентное единство не может быть определено только своими формальными характеристиками, то есть наличием в его границах лишь одного ударения. Поскольку речь идет о значимой единице, оно должно также иметь определение и на грамматическом уровне. Если формальное определение акцентного единства универсально (для всех языков с ударением), то его грамматическое вычленение зависит от структуры каждого языка, и мы здесь не ставим задачу дать правила вычленения всех акцентных единств, даже в рамках какого-то одного языка: это означало бы составить целый синтаксис этого языка. Нам будет достаточно указать принципы, руководящие этим вычленением.

Для каждого языка с ударением можно вычленить акцентогенные синтагмы, то есть группы морфем, имеющие свойство составлять акцентные единства. В каждом языке определенные синтаксические функции обычно выполняются такими синтагмами. Например, во французском языке любая не повелительная и не эллиптическая фраза обязательно имеет подлежащее и сказуемое, и каждый из этих

двух элементов обычно составляет акцентное единство: *Natal'ie-dorm'ait, le ch'at-est n'oir* 'Наташа спала', 'кот черный'. Синтагма-подлежащее и синтагма-сказуемое являются типами обычно акцентогенных синтагм.

Но некоторые типы обычно акцентогенных синтагм могут содержать единицы, не являющиеся акцентными единствами. Так, во французском языке любая синтагма-сказуемое обязательно акцентогенна, но среди синтагм-подлежащих существует небольшое количество таких, которые не составляют акцентных единств, а включаются в единство, возглавляемое сказуемым, следующим за ним. Такие проклитические слова-подлежащие немногочисленны, и их список можно привести: *je* 'я', *tu* 'ты', *il* 'он', *elle* 'она', *nous* 'мы', *vous* 'вы', *ils* 'они', *elles* 'они', *on* (неопределенное местоимение), *ce* 'этот', *ça* 'это'.

Легко представить, как можно написать трансформационный синтаксис какого-либо языка, указав характер каждого типа синтагм (обычно акцентогенная или нет) и дав для каждого их обычно акцентогенного типа список единиц, являющихся исключениями.

Этот метод позволяет нам снова ввести, на основании более четкого определения, некоторые понятия, более близкие традиционной грамматике, и, во-первых, понятие слова. Мы считаем, что понятие слова точно соответствует тому, что мы анализировали выше как синтагму, принадлежащую к типу, являющемуся, в рассматриваемом языке, обычно акцентогенным. Но обычно акцентогенные синтаксические категории включают в себя единицы, таковыми не являющиеся: слова разделяются на акцентогенные¹ и клитики. Клитикой называется неакцентогенное слово, то есть синтагма, принадлежащая акцентогенной категории, но сама таковой не являющаяся. Неакцентогенное слово называется энклитикой, если примыкает к

---

¹ В традиционной терминологии все неклитические слова называются ортотоническими. Мы предпочитаем термин акцентогенные слова потому, что: 1) нам необходимо избежать смешения терминов, относящихся к тону и к акценту; 2) термин «ортотоническое слово» может вызвать представление об обязательно ударном слове; акцентогенное же слово, в определенных языках, может не быть ударным; см. ниже.

предшествующему акцентному единству, и проклитикой, если примыкает к последующему. Во французском языке любая синтагма, которая может служить подлежащим, считается словом, но среди слов-подлежащих имена существительные в действительности акцентогенны, а большинство местоимений проклитичны.

Таким образом, синтаксическое вычленение акцентного единства в каждом языке осуществляется в два этапа: первый заканчивается вычленением слова, нормально акцентогенной синтагмы; второй — действительно акцентного единства. Понятие слова оказывается снабжено определением, которое должно соответствовать наиболее частому употреблению этого термина, но которое имеет смысл только в зависимости от понятия ударения, дающего ему формальный признак. Акцентное единство остается отличным от слова, как и акцентная единица является отличной от слога.

С) МЕСТО УДАРЕНИЯ

Две проблемы, разъясняемые выше — вычленение акцентной единицы и акцентного единства — обрисовывают пределы, в которых действует акцентный контраст. Как мы уже видели, акцентная единица (слог или мора) является незначимой единицей, и ее вычленение зависит от фонологических критериев, а акцентное единство (близкое к слову) является значимой единицей, и его вычленение зависит от грамматических критериев.

Обрисовав пределы, остается выяснить, как проявляется акцентный контраст в каждом акцентном единстве каждого языка, то есть, какой слог или мора несет на себе ударение. Определение места ударения в рамках предварительно вычлененного акцентного единства в одних языках зависит от фонологических критериев, это языки с фиксированным ударением; в других — от грамматических критериев, это языки со свободным ударением.

Например, чтобы выяснить ударный слог в латинском слове (язык с фиксированным ударением), достаточно идентифицировать фонемы предпоследнего слога: если этот слог

заканчивается на согласный звук (*di-ur-nus* ‘дневной’) или содержит длинную гласную (*fa-rī-na* ‘мукá’), он является ударным, в противном случае ударение падает на предыдущий слог. Никакие грамматические аргументы не влияют на это правило. Напротив, в языках со свободным ударением, как, например, русский язык, необходимо идентифицировать морфемы, составляющие слово, чтобы определить его ударение. Чтобы узнать, что две такие фонематически довольно похожие формы, как *связывать* и *называть* имеют разное ударение, (*с'вязывать*, *назыв'ать*), нужно знать их морфемную структуру: *с-вяз-ыва-ть*, *на-зываеть* и, таким образом, опознать в первом слове суффикс несовершенного вида *-ыва-*, который всегда перетягивает ударение на слог, ему предшествующий, а во втором слове суффикс неопределенного вида *-а-*, который всегда перетягивает ударение на себя.

Именно здесь, и только здесь, проявляется важность типологического разделения между фиксированным и свободным ударением. Функция ударения одинакова в обоих случаях, различаются лишь правила, определяющие его место. Ударение существует во всех языках, где существует само понятие слова, но в языках со свободным ударением, кроме этого, имеется вторичная связь между местом ударения и разделением слова на морфемы, связь, которая не проявляется в языках с фиксированным ударением.

III. — ВЫВОД: ЗАДАЧИ АКЦЕНТОЛОГИИ

Резюмируя все вышеизложенное, скажем, что функция ударения состоит в том, чтобы установить контраст между различными фонологически определяемыми сегментами, акцентными единицами, и что этот контраст действует в рамках грамматически определяемого сегмента, акцентного единства. Выбор выделенной акцентной единицы в одних языках зависит от фонологических факторов, а в других — от факторов грамматических. Из этого вытекает, что роль ударения заключается в том, чтобы давать формальный признак грамматической единице — слову, — промежуточной между минимальной грамматической единицей — морфемой и

максимальной грамматической единицей — фразой. В языке без ударения никакая промежуточная грамматическая единица между морфемой и фразой не может быть формально определена, а понятие слова не имеет оснований для употребления. Таким образом, ударение вводит в речевую цепь дополнительное звено — звено слов.

Взаимоотношения между различными лингвистическими единицами можно выразить нижеприведенной схемой, которую мы пока представляем, не включив в нее случаи ударения (рис. 1)

В этой таблице единицы расположены тем выше, чем они больше. Линия, связывающая две единицы, указывает, что меньшая из них включается в бóльшую, или что бóльшая единица является суммой более мелких. Другими словами, границы большей единицы обязательно совпадают с границами меньшей, но обратное верно не всегда. Так, фраза одновременно является суммой слогов и суммой слов. Среди значимых единиц, слово представляет собой сумму морфем. Среди не значимых единиц, слог является суммой фонем, а фонема — суммой различительных признаков. Наконец, морфема обязательно представляет собой сумму различительных признаков, поскольку различительный признак — это минимальная единица в плане формы; и, следовательно, формальное тождество, являющееся одной из необходимых характеристик морфемы, может быть определено только через сумму тождественных различительных признаков.

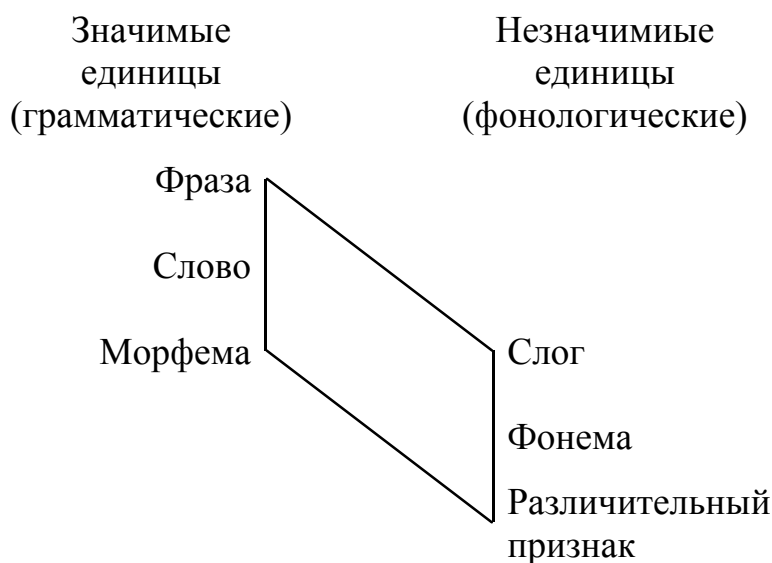

Рис. 1

Мы отметили в этой таблице только необходимые связи, иными словами, те, которые существуют в любом языке и которые вытекают из самого определения соответствующих единиц (учитывая, что в языке без ударения понятие слова излишне, но что в любом языке с ударением, в котором слово существует, оно обязательно занимает в таблице то место, которое мы ему определили). Но эта теоретическая схема приемлема только для некоторых языков, как, например, для французского. Во многих других языках имеют место дополнительные связи, либо тождественность, либо включение, являющиеся признаками, свойственными структуре каждого языка.

Так, во французском языке слог не включается в слово, но русскому и многим другим языкам это свойственно: слоговое деление в русском языке совпадает с делением на слова, во французском же языке это не так: ср. французское словосочетание *chœur angélique*, слоговое деление [k'œ-rã-že-l'ik] и русское *х'ор 'ангелов*, слоговое деление [x'or-'an-gi-ləf].

Фонема не включается в морфему ни во французском, ни, вероятнее всего, в каком-либо другом индоевропейском языке, поскольку во всех этих языках существуют морфологические чередования, являющиеся не чем иным, как одновременной реализацией, в рамках одной фонемы, различительных признаков, принадлежащих двум разным морфемам. Так, во французском слове *vif* 'живой' (по сравнению с ж. р. /viv/ *vive* 'живая') последняя фонема /f/ принадлежит корню /viv/ по большинству своих различительных признаков: «губная», «фрикативная» и т. д., но признак «не звонкая» представляет в ней окончание мужского рода. В русском слове /sʎedít/ *следить* мы имеем корень /sʎed/ (ср. *след*) и глагольный суффикс «/i/ + палатализация предыдущей согласной». Фонема /d/ принадлежит суффиксу по признаку «палатализация» и корню по всем остальным признакам. В нем. *Hütchen*, уменьшительном от *Hut* 'шляпа', корень /hut/ и суффикс «/xen/ + продвинутость вперед предыдущей гласной» (т. е. умлаут). Фонема /y/ принадлежит суффиксу по своему переднему характеру и корню по другим признакам, которые у нее общие с /u/. В чеш. *dárek*, уменьшительном от *dar* 'подарок', суффикс «/ek/ + продление предыдущей гласной», и, таким образом, фонема /a:/ делится

между суффиксом (по своей долготе) и корнем (по другим своим признакам). Так, во всех этих языках границы фонем не совпадают с границами морфем, и поэтому какая бы то ни было связь между этими двумя единицами в нашей таблице отсутствует. Но в турецком языке вышеупомянутые чередования не встречаются; все изменения, претерпеваемые фонемами при контакте с соседней морфемой, обусловлены фонологически, что означает, что это не чередования, а нейтрализации. Например, в суффиксе места, который записывается как *-DA*, гласная может произноситься как /a/ или /e/ согласно законам гармонии гласных, то есть в зависимости от переднего или заднего ряда первой гласной слова. Согласная, в свою очередь, может произноситься как /d/ или /t/ в зависимости от глухого или звонкого характера фонемы, непосредственно предшествующей суффиксу: *kalip-ta* 'в мире', *ev-de* 'в доме', *Bosna-da* 'в Боснии' (Deny 1955: 204). Но указание изменений суффикса не будет эксплицитно фигурировать в описании корней, при которых эти изменения происходят, поскольку они вытекают из фонематического состава этих корней. Поскольку турецкий язык не знает других изменений морфем, кроме изменений такого типа или нейтрализаций, он является таким языком, в котором ни одна фонема не распределяется между несколькими морфемами, но каждая фонема полностью принадлежит определенной морфеме. Таким образом, можно считать, что в турецком языке, в отличие от индоевропейских, фонема включается в морфему.

Во французском языке слог не включается в морфему, поскольку границы слогов и морфем не совпадают (слоги: *vi-vo-tions*, морфемы: *viv-ot-i-ons*), и это же характерно для всех европейских языков. Но в японском языке каждая граница морфемы совпадает с границей слога, то есть слог включается в морфему. В китайском языке каждая граница слога совпадает с границей морфемы и наоборот, — понятия слога и морфемы совпадают.

Таким образом, теоретический параллелограмм, который мы нарисовали в начале и который остается приемлемым для французского языка, принимает различные формы в зависимости от других языков и сводится в прямую линию для китайского и японского языков (рис. 2).

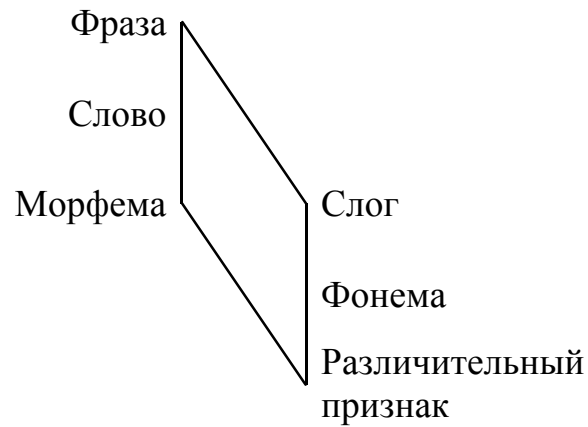
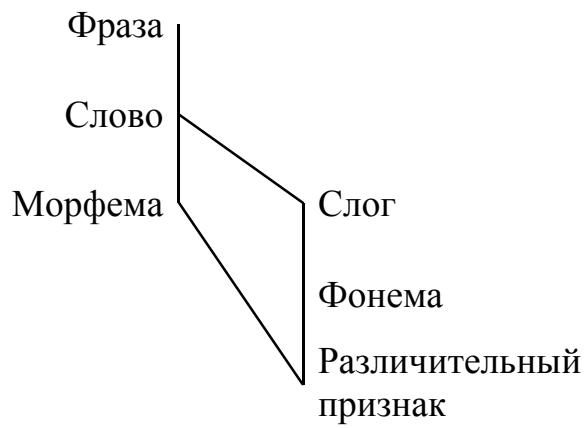
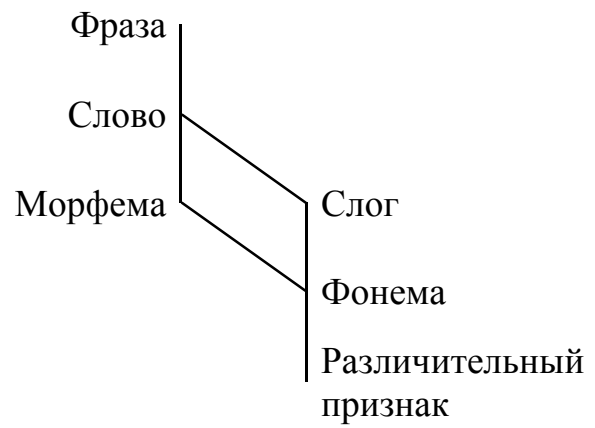
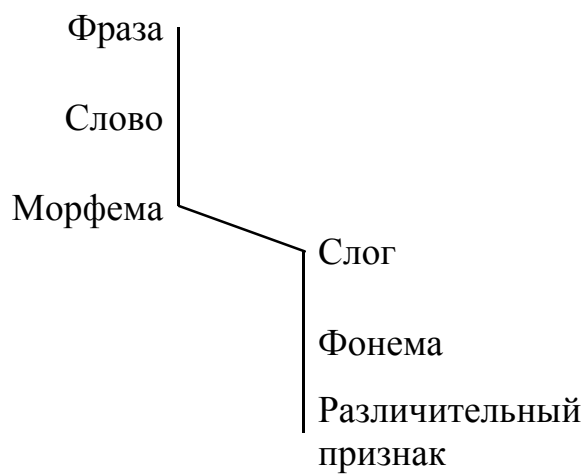
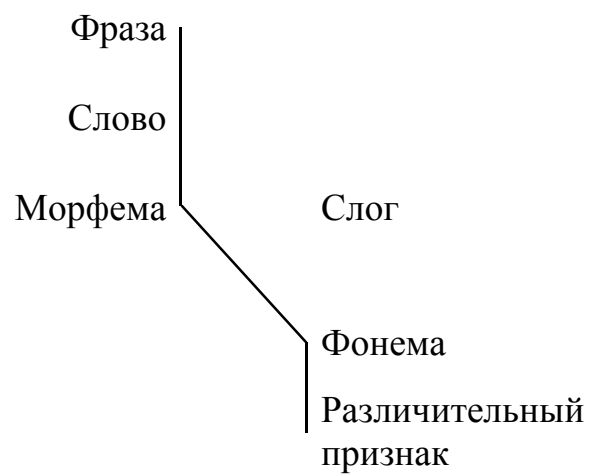
Французский**Русский****Турецкий****Японский****Китайский**

Рис. 2

Теоретический параллелограмм представляет собой константу любой лингвистической системы, а модификации, которым он может быть подвергнут, являются переменными, свойственными каждой отдельно взятой лингвистической системе.

Другие значимые единицы, кроме фразы и морфемы (самой большой и самой маленькой), не имеют в этой таблице прямой связи с единицами не значимыми. В каждом языке существуют различные дополнительные сигналы, указывающие на границы некоторых значимых единиц: это пограничные сигналы или морфологические границы.

Но, кроме того, слово, основная промежуточная единица, имеет в значительном количестве языков особую связь со слогом. Именно в этом и состоит роль ударения — создать эту связь, дать, так сказать, формальный признак слову как единице. Ударение устанавливает связь между акцентным единством и акцентной единицей, создавая необходимый контраст между акцентными единицами одного акцентного единства. Акцентное единство является грамматической единицей, определяемой на основе слова, а акцентная единица представляет собой фонологическую единицу практически всегда отождествляющуюся со слогом или во всяком случае определяемую на его основе. Совокупность этих трех явлений: ударения, акцентного единства и акцентной единицы, которые служат для определения формального признака слова, формирует то, что можно назвать акцентологической системой каждого языка, имеющего ударение. Если учитывать акцентологическую систему, теоретический параллелограмм принимает следующую форму (на рис. 3 мы представили пунктирными линиями связи акцентологической системы).

Эта таблица представляет константы системы любого языка с ударением. Но еще раз отметим, что к этим необходимым связям, проистекающим из самого определения соответствующих единиц, в некоторых языках могут добавляться дополнительные связи тождественности, включения или любого иного рода. Внутренние взаимоотношения акцентологической системы, то есть контраст, устанавливаемый ударением между различными акцентными единицами одного акцентного единства, неизменны:

они определяют саму природу ударения. Переменные же элементы акцентологической системы основаны на внешних связях, которые могут различаться в разных языках:

1. Связь между акцентной единицей и слогом;
2. Связь между акцентным единством и словом;
3. Связь места ударения с границей слова (при фиксированном ударении), либо с морфемной структурой (при свободном ударении).

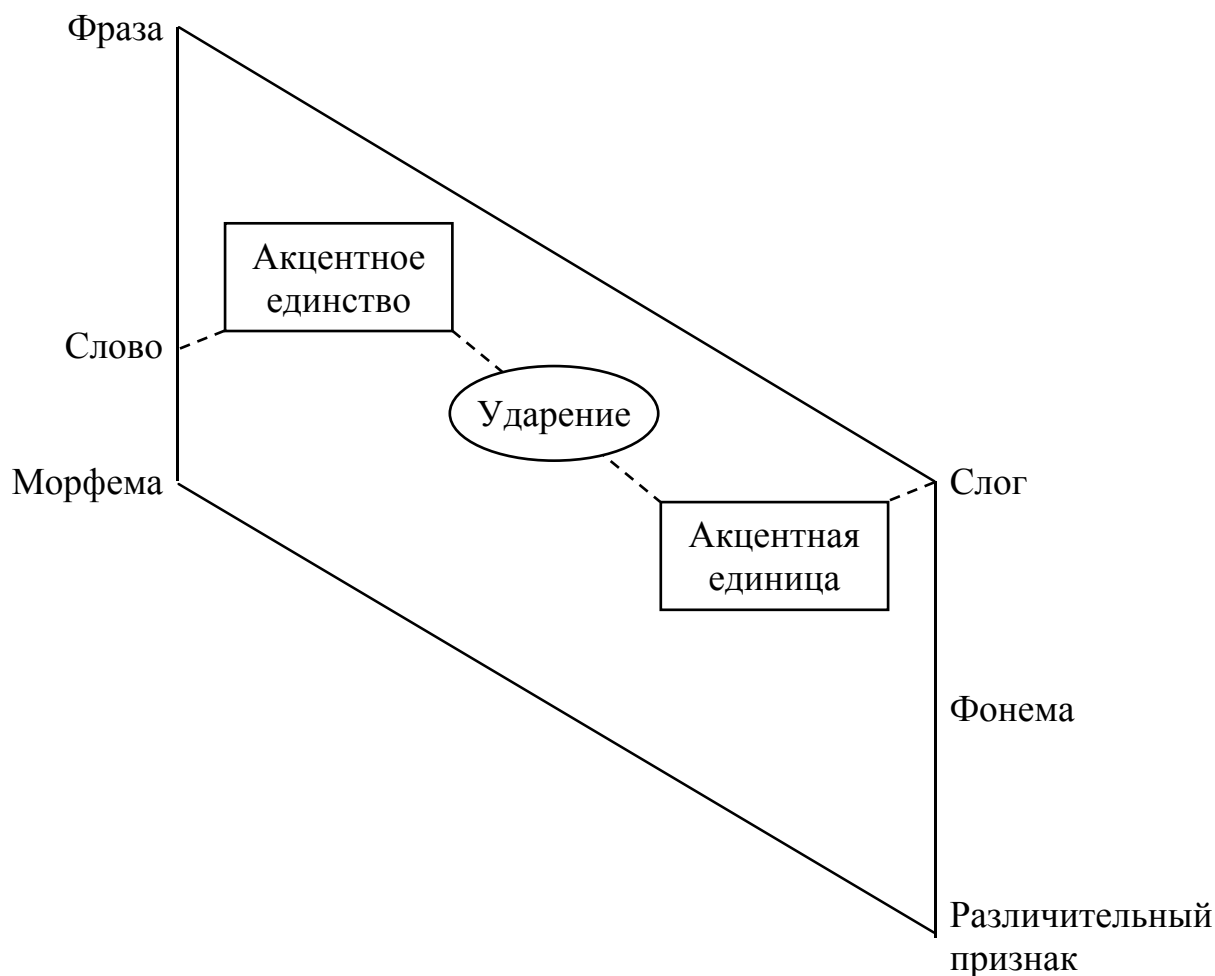

Рис. 3

Таким образом, мы можем теперь определить задачи отрасли лингвистики, которую можно назвать «акцентологией» и которая имеет целью изучение акцентологических систем (акцентных единств, акцентных единиц, места ударения). Она

соединяет в единое целое исследования констант ударения и его переменных.

1. Константы ударения создаются, главным образом, своей функцией, которую мы определили в этой первой главе. Нам еще остается дать характеристики акцентному признаку, причем, двумя способами:
  - а) содержательно — определив критерии, основывающиеся на основных принципах, изложенных выше, и позволяющие отличить акцентные признаки от других релевантных звуковых признаков (гл. II);
  - б) экстенционально — перечислив способы, в действительности используемые в разных языках для реализации акцентного контраста (гл. III);
2. Переменные ударения определяются:
  - а) вычленением акцентных единств и их связями со словом (гл. IV);
  - б) местом ударения и его связями с границами слова (фиксированное ударение) или с морфемами, его составляющими (свободное ударение) (гл. V);
  - с) установлением акцентной единицы и ее связями со слогом (гл. VI).

Эта последняя проблема логически должна лежать в основе изучения переменных ударения, но мы оставили ее на конец, потому что в подавляющем большинстве языков акцентная единица просто-напросто совпадает со слогом. Таким образом, мы можем рассматривать другие вопросы, предварительно отождествляя акцентную единицу со слогом, и оставить на последнюю главу проблемы немногочисленные, но особенно сложные, касающиеся взаимоотношений между этими двумя единицами.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АКЦЕНТНЫХ ПРИЗНАКОВ

Определения общего плана, представленные выше, должны помочь нам разрешить практическую проблему, которая может касаться многих языков: является ли некое лингвистически релевантное фонетическое явление, проявляющееся в отдельно взятом языке, акцентным фактом, или оно принадлежит другому типу лингвистических реалий.

Решение этой проблемы нужно искать не в фонетических характеристиках применения этих признаков, оно должно проистекать из функционального определения ударения. Ударение — это выделение слога (или акцентной единицы) в рамках слова (или акцентного единства). Принадлежность слогу не является критерием, поскольку невозможно определить, характеризует ли звуковой признак слог сам по себе, или фонему (обычно гласную) которая служит центром этого слога. Но принадлежность слову, то есть значимой единице, большей, чем морфема, и меньшей чем фраза, напротив, является явно выраженным критерием. Мы покажем, как этот критерий позволяет отделить акцентный признак, свойство слова, от различительного признака, свойства морфемы, или от интонационного признака, свойства фразы.

А) УДАРЕНИЕ И РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Ударение и различительные признаки отличаются тем, что контрастивная функция ударения проявляется в синтагматическом плане, внутри сегмента речевой цепи, который имеет определенный размер и который должен быть вычленен, —

акцентного единства. Напротив, оппозиционная функция различительных признаков проявляется в парадигматическом плане, то есть между единицами, которые могут быть представлены в одной и той же точке речевой цепи, и касается только этой точки.

Без сомнения, понятие «точки», используемое здесь, требует определения. То, что мы называем «точкой», материально является сегментом некоторой длины, бесконечно делимым как любой временной интервал. Фонетически внутри этого сегмента можно выделить некоторое количество фаз с различными физическими звуковыми характеристиками, но лингвистически его можно назвать точкой, поскольку он является центром единственного релевантного выбора или нескольких выборов, порядок следования которых не релевантен (Prieto 1954). Во французском слове *habit* 'одежда' фонему /b/ можно измерить в секундах, а ее реализация включает в себя периоды имплозии и эксплозии, но на лингвистическом уровне она состоит из признаков «лабиальный», «неносовой», «взрывной», «звонкий» и других, которые являются релевантными, поскольку они отличают слово *habit* от слов *ami*, *avis*, *api* и т. д., но порядок их последовательности не релевантен, поскольку невозможно отграничить одно слово от другого только последовательностью этих признаков. Сегмент такого типа является точкой речевой цепи, а фонема — это совокупность различительных признаков, реализуемых в одной точке. Определение такого сегмента затрагивает только фонологические данные, не принимая во внимание смысловое содержание слова. Таким образом, «точка» рассматривается как фонологическое понятие.

Итак, границы, в которых проявляются оппозиции различительных признаков всегда являются тем типом сегмента, который мы назвали фонологически определяемой «точкой». Акцентный контраст же обязательно проявляется между разными последовательными точками, в рамках, более широких — в акцентном единстве, которое, как мы видели, должно быть определено грамматически.

Однако, любой релевантный звуковой признак, как контрастивный, так и оппозиционный, обязательно принадлежит той или иной значимой единице, то есть его присутствие в

высказывании определяется выбором говорящим того или иного означаемого. Что касается ударения, контрастивного признака, то значимой единицей, выбор которой определяет то или иное его место, является акцентное единство, большее, чем морфема. Для различительных признаков, наоборот, определяющей значимой единицей не может быть ничто иное, кроме морфемы: между различительным признаком и более широким сегментом не существует никакой связи, различительный признак обязательно входит в характеристику минимальной значимой единицы, то есть морфемы.

Возьмем, например, русскую морфему со значением 'поле', представленную в формах [p'ɔ]ɛ] *п'оле* и *п'оля*, [p'ɔ]u] *п'олю*, [pa]a] *пол'я*, [pa]e] *пол'ей*, [p'ɔ]uškə] *п'олюшко*, [pa]iv'ɔj] *полев'ой*. Чтобы охарактеризовать гласную, входящую в состав этой морфемы, при рассмотрении формы [p'ɔ]ɛ] мы должны обратиться к четырем признакам. Речь идет о гласной:

- «не закрытой», противопоставляющейся /u/;
- «не переднего ряда», противопоставляющейся /e/;
- «средней» (с точки зрения открытости), противопоставляющейся /a/;
- «сильной», противопоставляющейся слабым гласным.

Эти четыре признака обнаруживаются в формах [p'ɔ]u], [p'ɔ]uškə] и т. д., но в формах [pa]a], [pa]e], [pa]iv'ɔj] мы находим только два первых признака: гласная [a] этих форм действительно «не закрытая» и «не переднего ряда», но она не является ни «средней», ни «сильной». Таким образом, можно задаться вопросом, какие признаки гласной должны быть включены в характеристику этой морфемы, если мы хотим сделать предсказуемыми все формы, которые она может принимать.

Без колебаний мы включим в него два постоянных признака «не закрытость» и «передний ряд», однако сомнения возникают относительно рассмотрения двух выпадающих признаков, «средней открытости» и «силы». Анализ распределения силы в русском языке обнаруживает тот факт, что она относится к акцентным признакам, то есть определяется на уровне слова, а не морфемы. Остается, таким образом, узнать, как необходимо рассматривать среднюю открытость.

Связь этих двух признаков между собой состоит в следующем: средняя открытость предполагает силу, но сила не предполагает обязательно средней открытости. В русском языке любая средняя гласная (/e/ или /o/) является сильной, но сильная гласная может не быть средней: /a/, /i/ и /u/ могут быть сильными.

Поскольку ударение эквивалентно силе, а последняя не предполагает средней открытости, мы не можем рассматривать ее как акцентный признак. Перенос ударения на корневую гласную сопровождается средней открытостью в им. пад. ед. ч. [p'ɔ]ə при им. пад. мн. ч. [pa]a, чего не происходит в им. пад. ед. ч. слова [st'adə] при им. пад. мн. ч. [stad'a]. Это означает, что ударение сопровождается средней открытостью, только если оно падает на гласные определенных, а не любых морфем. Гласная корня слова, означающего *поле* ([pɔ] в слове [p'ɔ]ə, [pa] в слове [pa]a) имеет склонность к средней открытости, находясь под ударением, а гласная корня слова, означающего *стадо* ([stad] во всех формах) ее не имеет. Наличие или отсутствие такой склонности должно входить в описание и той, и другой морфемы, что ведет к включению в него факта наличия или отсутствия признака «средняя открытость», который добавляет к фонологическому уровню правило, предусматривающее его нейтрализацию в безударном положении. Таким образом, этот признак, который мы должны включить в характеристику морфем, не является акцентным признаком.

Из четырех признаков, определяющих корневую гласную слова [p'ɔ]ə, три («не закрытость», «не передний ряд», «средняя открытость») относятся к характеристике морфемы и являются, следовательно, различительными признаками, а четвертый, «сила», являющийся свойством слова, представляет собой акцентный признак.

Рассуждение, приведенное выше, лишь отражает традиционно используемый подход, принятый фонологами Московской школы (Аванесов) и применяемый в обычной орфографии (*поля* пишется через *o*, а *стад'a* — через *a*). Мы же хотели развить его эксплицитно, потому что он может послужить моделью во всех случаях, когда встает проблема разграничения признаков акцентных и не акцентных.

В предыдущем примере мы, в конце концов, пришли к рассмотрению как оппозиционных трех ингерентных признаков и как акцентного одного просодического признака. Но это совпадение понятий акцентного и просодического признака, свойственное русскому языку, не является универсальным, и в некоторых других языках могут иметься оппозиционные просодические признаки, отличимые от акцентных просодических признаков на основании тех же критериев.

В чешском языке количество является просодическим оппозиционным признаком, а не акцентным, поскольку оно входит в характеристику морфем. Именно это отличает его от силы в русском языке, которая определяется лишь на уровне слова. Так, окончание дат. пад. мн. ч. *-am* содержит звук /a:/, всегда долгий; долгота должна быть включена в описание этой морфемы на тех же правах, что и другие различительные признаки, характеризующие гласную /a:/: «открытость» и т. д. Напротив, характеристика русского окончания дат. пад. мн. ч. *-am* не может содержать упоминания силы или ее отсутствия, поскольку оно получает силу в одних словах: *рук'ам*, но не получает в других: *р'озам*. Сила является свойством не морфемы, а слова и представляет собой акцентный признак.

Таким же образом в тональных языках тон — это характеристика гласных каждой морфемы. Китайская морфема должна характеризоваться своим тоном, как она характеризуется своими вокальными и консонантными фонемами.

В) ПЕРЕМЕЩЕНИЯ УДАРЕНИЯ И ЧЕРЕДОВАНИЯ РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ

Из того факта, что различительные признаки должны включаться в характеристику каждой морфемы, не вытекает того, что каждая морфема всегда имеет одни и те же различительные признаки. Многие морфемы во многих языках подвергаются чередованиям. Применение критериев, определенных выше, позволяет нам выделить модификацию морфемы в связи с чередованием последней, которое создается перемещением ударения.

Классическим примером чередования является немецкий умлаут, то есть замена гласной заднего ряда на гласную переднего ряда: в слове *Hut* ‘шляпа’ и *Hütchen* ‘шляпка’ одна и та же морфема предстает в двух разных формах [hut] и [hyt]. По крайней мере одна из двух форм должна объясняться фактором, внешним по отношению к свойствам рассматриваемой морфемы. В случае, когда речь идет о перемещении ударения, этот фактор определяется законами, действующими в рамках целого слова, и его нельзя отнести к той или иной морфеме в отдельности. Здесь же, напротив, корни этого фактора кроются в свойствах соседней морфемы, в данном случае суффикса *-chen*, который подвергает перегласовке корневую гласную, ему предшествующую: *Wald* ‘лес’, *Wäldchen* ‘лесок’; *Garten* ‘сад’, *Gätchen* ‘садок’ и т. д. И многие другие морфемы в немецком языке имеют такое свойство, например, *-in* (суффикс женского рода: *Wolf* ‘волк’, *Wölfin* ‘волчица’), *-e* (суффикс абстрактных существительных: *gut* ‘хороший, добрый’, *die Güte* ‘доброта’), *-ling* (*jung* ‘молодой’, *Jüngling* ‘юноша’), окончания множественного числа *-e* и *-er*: *Hut* ‘шляпа’, *Hüte* ‘шляпы’; *Haus* ‘дом’, *Häuser* ‘дома’. Эта модификация всегда связана с наличием определенной морфемы и всегда действует на гласную корневой морфемы. Таким образом, она не может быть описана в рамках целого слова. Ее можно включить в описание вызывающей ее морфемы и определить таким образом, чтобы эффект (замена гласной заднего ряда на гласную переднего ряда) и точка применения (корневая гласная) предугадывались бы в любых обстоятельствах. Здесь мы еще раз встречаемся с традиционным методом грамматистов и лексикографов, которые, к примеру, пишут «*Hut* ‘шляпа’, Pl. *-e*; *Dolch* ‘кинжал’, Pl. *-e*», указывая этим, что существуют два показателя множественного числа, *-e* с перегласовкой и *-e* без перегласовки, а значит, чередование рассматривается как свойство окончания, которое его вызывает, а не корня, который его испытывает.

Таким образом, существует два типа признаков, которые не могут быть включены в свойства морфем, испытывающих их влияние. Это признаки акцентные, если они объясняются правилами, формулируемыми на уровне слова, и признаки чередования, если они объясняются свойствами соседних

морфем. Именно отсутствие этого разграничения и рассмотрение модификаций, имеющих в своей основе ударение, как чередований («свободных изменений морфем») вынудило Трубецкого дать такое туманное описание фактов, касающихся гласных русского языка (Трубецкой 1934: 89–96).

Провести разграничение не так сложно, если чередование влияет на ингерентный признак, такой как передний ряд гласных в случае с умлаутом в немецком языке. Но разграничение может быть и гораздо менее очевидным, если чередование влияет на просодические признаки. А ведь все просодические признаки — количество, высота и даже сила — могут использоваться в некоторых языках как различительные, а не акцентные признаки. И иногда может оказаться достаточно сложно отличить чередование, влияющее на просодический признак, от перемещения ударения.

В связи с количеством мы еще раз используем пример чешского языка. В нем количество является, в некоторых случаях, свойством морфемы, включающей гласную, к которой оно относится: /a:/ в показателе дат. пад. мн. ч. *-ám*, /i:/ в показателе им. пад. ед. ч. муж. р. прилагательных (*dobrý* ‘хороший’) всегда долгие. Но очень сложно найти примеры такого рода не в окончаниях: почти все остальные морфемы подвержены количественным чередованиям (продлениям или сокращениям), вызванным следующей за ними морфемой. Например, продление вызывается уменьшительным суффиксом *-ek*: *hlas* ‘голос’, *hlásek*; *kniha* ‘книга’, *knížka*; *kopyto* ‘копыто’, *kopýtko*, или суффиксом *-va-*, использующимся для образования глаголов несовершенного вида или фреквентативных глаголов: *prodat* ‘продать’, несов. в. *prodávat*; *zachovat* ‘спрятать’, несов. в. *zachovávat*; сокращение — суффиксом субъекта действия *-atel*: *hlásat* ‘объявлять’, *hlasatel* ‘диктор’; *překládat* ‘переводить’, *překladatel* ‘переводчик’, или глагольным суффиксом *-ova-*: *jméno* ‘имя’, *jmenovat* ‘звать’; *král* ‘король’, *kralovat* ‘царствовать’. Во всех случаях количество гласной определяется свойствами морфемы, находящейся в последующем слоге. Но в то же время количество остается свойством определенной морфемы, а не всего слова.

Функциональная разница между количественными чередованиями в чешском языке и перемещениями ударения в русском имеет важные педагогические последствия. Для определения ударения в русском слове необходимо изучить акцентные свойства всех морфем, входящих в него, поскольку акцентные законы действуют в рамках целого слова. Чтобы определить количество конкретно взятой чешской гласной достаточно изучить количественные характеристики морфемы, содержащей эту гласную, и морфемы, непосредственно за ней следующей. В русском слове совокупность акцентных законов ведет к реализации акцентных свойств лишь одной морфемы слова в форме ударения: в слове *выполнение* мы отмечаем реализацию акцентных свойств только суффикса *-ij-*, перетягивающего ударение на предыдущий слог, а не приставки *vy-* (*в'ыполнить*) или корня *poln-* (*исп'олнить* — с тем же значением). В чешском слове количественные характеристики многих морфем могут реализовываться одновременно: в слове *překládání* ‘перевод’ мы одновременно видим удлинение гласной корня *klad-* (*kladu* ‘я кладу’), вызванное суффиксом несовершенного вида *-a-*, и удлинение гласной того же суффикса *-a-* (*překládat* ‘переводить’), вызванное суффиксом причастия *-n-*. Эти два явления происходят независимо друг от друга, а рассмотрение слова в целом не играет никакой роли.

Чередования тонов в тональных языках функционируют так же, как количественные чередования в чешском языке. В этих языках высота также является различительным признаком. Это мы видим, например, в миштекском, индейском языке Мексики, описанном Пайком (Pike 1948: 78–82). В нем существует три тона: высокий ´, средний ¯ и низкий ` , а морфемы, в общем случае, являются двусложными. Морфемы миштекского языка делятся на два класса, которые Пайк назвал классами (a) и (b). Морфемы класса (a) не оказывают никакого влияния на тоны соседних морфем, а вот морфемы класса (b) вызывают изменение тона следующей за ними морфемы. Такое чередование может быть определено как повышение тона, то есть замена среднего или низкого тона высоким, и точкой его приложения обычно является первый слог следующей морфемы. Например:

sùčì ‘ребенок’
kēē sùčì ‘ребенок уйдет’ (*kēē* ‘уходить’ принадлежит классу (a))
kēē sùčì ‘ребенок поест’ (*kēē* ‘есть’ принадлежит классу (b))
kōò ‘змея’
kēē kōò ‘змея уползет’
kēē kóò ‘змея поест’

Принадлежность морфемы классу (a) или (b), то есть ее способность или неспособность вызывать чередование тона, нельзя определить по ее форме: мы видим, что две такие морфемы, являющиеся, по существу, омонимами, как *kēē* ‘уходить’ и *kēē* ‘есть’ с этой точки зрения ведут себя по-разному. Таким образом, это свойство должно быть обязательно включено в характеристику каждой морфемы. Обозначение, принятое Пайком — *kēē* (a) и *kēē* (b) — не отличается в принципе от обозначения немецкого умлаута, описанного выше, которое различает показатели множественного числа *-e* и *-e:*: речь идет все о том же, чтобы включить в характеристику морфемы указание на чередования, которые она способна вызвать (регрессивное чередование тембра в немецком языке, регрессивное чередование количества в чешском языке, прогрессивное чередование тона в миштекском языке). На основании того факта, что чередование можно предвидеть, исходя из свойств одной морфемы, не рассматривая более широкие единицы, мы делаем вывод, что признак, который оно затрагивает (в данном случае, тон) не является акцентным. Фактически, миштекский язык — это язык без ударения и, следовательно, без формально вычленяемого «слова»¹.

И, наконец, существуют языки, где сама сила, которую часто рассматривают как чистое проявление ударения, также играет роль различительного признака. Факты, позволяющие доказать это утверждение, были найдены Пайком и Киндбергом в кампа, индейском языке Перу (Pike, Kindberg 1956). Эти авторы отмечают, что в данном языке «на фонетическом уровне постоянными значимыми контрастами являются контрасты

¹ Мы представили выше упрощенное описание фактов миштекского языка. Дополнительные уточнения, которые можно было бы добавить (ср. Pike 1948), не влияют на характеристику чередования.

ударения, но с точки зрения распределения локализация этих ударений проявляется скорее как локализация высокого тона в таких языках, как навахо, миштекском или языках семьи банту» (Pike, Kindberg 1956: 416). Поскольку мы решили придать термину «ударение» функциональный смысл, мы обозначим то, что авторы называют «ударением» («stress») термином чисто фонетическим — «силой». В языке кампа, где слова в основном длинные, каждый слог может быть сильным или слабым и количество сильных слогов в слове не ограничено. Но наличие или отсутствие силы в каждой гласной всегда может быть описано как свойство определенной морфемы. Неконечные слоги морфем неизменны с точки зрения силы, а вот конечные их слоги могут подвергаться чередованиям силы, вызванным следующими за ними морфемами. Так, суффикс *-niró* ‘плохой’ делает предшествующую ему гласную сильной: *ínkáni* ‘дождь’, *ínkáni-niró* ‘плохой дождь’, а суффикс множественного числа *-pé* силу предшествующей ему гласной снимает: *ónkíró* ‘мышь’, *ónkíropé* ‘крысы’ (Kindberg, Pike 1956: 423). Видно, что чередования силы функционируют так же, как продления и сокращения, которые мы отметили в чешском языке (*hlás, hlásek; jméno, jmenovat*).

Критерий принадлежности к морфеме или к слову применим, таким образом, повсеместно, и он позволит нам определить различительный или акцентный характер звукового признака во всех случаях.

С) УДАРЕНИЕ И ИНТОНАЦИОННЫЕ ОППОЗИЦИИ

Ударение противопоставляется не только признакам, которые должны описываться в рамках морфемы и которые являются различительными, но и тем, которые должны описываться в рамках фразы и которые являются фактами интонации. Интонация фразы, прежде всего, использует оппозиции. Однако, существуют также интонационные контрасты, общеизвестные под названием «эмфатические ударения».

Именно интонационное противопоставление различает во французском языке фразы *il pleut* ‘идет дождь’ (утверждение) и *il*

pleut? (вопрос): в вопросительной фразе имеется повышение голоса к конечному слогу, а в утвердительной фразе этого нет. Факты интонационного противопоставления, несмотря на значительный интерес, проявляемый к ним современной лингвистикой, еще менее известны, чем другие области фонологии. Продолжаются дискуссии относительно вопроса, является ли интонация фразы лингвистическим фактом, свойственным особенностям структуры каждого языка и соответствующим произвольности знака, или, наоборот, универсальным фактом с прямой психологической или физиологической мотивированностью. Но каковой бы ни была выбранная интерпретация, ясно, по меньшей мере, одно: интонационные признаки отличаются от других признаков, присутствующих в речи, не своими физическими характеристиками, а лишь своей функцией. Некий звуковой признак, играющий интонационную роль в одном языке, может играть совершенно иную роль в другом. Такое же повышение голоса, которое во французском или английском языке означает вопрос, в других языках может менять смысл морфемы. Если слову *žūkū* 'гора' из миштекского языка, имеющему обычно такую же мелодическую кривую, как и французское *il pleut* (утверждение), придать повышение голоса на последнем слоге, что характеризует французское *il pleut* (вопрос), получится *žūkú* 'ярмо' (Pike 1948: 19). И наоборот, одно и то же смысловое содержание может выражаться как интонационным фактом, так и отдельной морфемой. Можно отметить, что вопросительной интонации нет в финском языке, в котором вопрос имеет обязательный показатель, представляющий собой не какую-то интонацию, а отдельную морфему, суффикс *-ko* 'разве?' (Kallioinen 1966: III–V): *sataa* 'идет дождь', *sataako* 'разве идет дождь?'

Так, даже если не признавать за интонацией фразы чисто лингвистического характера, мы не имеем права рассматривать а priori какой-либо звуковой признак как интонационный в отдельно взятом языке, не сопоставив его предварительно с фонологической системой рассматриваемого языка. Данный признак (например какой-либо тип мелодической кривой) будет различительным, акцентным или интонационным в зависимости

от лингвистической единицы, к которой он привязан: для различительных признаков такой единицей является морфема, для ударения — слово, для интонационных фактов — фраза.

Высота второго слова в вопросительной фразе *il pleut?* не является свойством ни морфемы *pleut*, ни акцентного единства *il pleut*, потому что эти же единицы могут встречаться с другой интонацией (*il pleut*, нисходящая интонация) и потому, что такая же восходящая интонация может влиять таким же образом на совершенно отличные единицы, продолжая иметь то же смысловое содержание «вопроса». Одним словом, акцентное единство, с одной стороны, и интонация, с другой, являются двумя явлениями, четко различающимися при анализе, и сохраняют каждая свою индивидуальность, хотя и реализуются одновременно.

Д) УДАРЕНИЕ И ИНТОНАЦИОННЫЕ КОНТРАСТЫ

Под «интонационными контрастами» мы понимаем выделение слова или какой-либо значимой единицы, осуществляющееся в общем контексте фразы. Эти факты обычно известны под названием «эмфатического ударения», мы же будем называть их просто «эмфатическими приемами».

Эти факты можно спутать с ударением по трем причинам. Во-первых, они, как и ударение, являются контрастивными приемами; во-вторых, они, в основном, используют силу, которая также представляет собой наиболее часто встречающийся акцентный прием; и в-третьих, во многих языках, единицей, выделяемой с помощью эмфатических приемов, является та, внутри которой реализуется акцентный контраст, то есть акцентное единство.

Во многих языках, как, например, в английском, в каждой фразе обычно существует слово, ударение которого имеет бóльшую силу, чем другие; именно к нему хочет привлечь внимание говорящий: *I d'idn't "ask you* ‘я у вас этого не просил’ (эмфатическое ударение на глаголе является нормальной не отмеченной формой фразы такого типа); *"I didn't 'ask you* ‘я же у вас этого не просил’; *I d'idn't ask y"ou* ‘у вас я этого не просил’ (Daneš 1960: 47). Прием эмфатического ударения – это сила,

которая также представляет собой акцентный прием; единицей, выделяемой в рамках фразы, обязательно является одна из ритмических групп, которые ее составляют¹. Сила эмфатического ударения добавляется к силе обычного и может повлечь за собой устранение силы ударения соседнего слога: во фразе "*I d'idn't 'ask you*" интонационная сила *I* вызывает подавление акцентной силы *didn't*, а в *I d'idn't ask y"ou* интонационная сила *you* устраняет акцентную силу *ask*. Короче, случаи взаимодействия между эмфатическим и обычным ударением многочисленны. Но функциональная разница между этими двумя явлениями заключается в следующем: ударение (как комплекс явлений, произвольно включающий в себя силу и обязательно поддержание полного тембра в каждом из четырех ударных слогов [ai], [did], [æsk], [ju]) должно анализироваться как свойство каждого из четырех слов. Выделение того или иного слова имеет смысл только в рамках полной фразы, которой оно принадлежит, и не может рассматриваться как свойство слова вообще.

Во французском языке совершенно отсутствует выделение одного слова внутри фразы с помощью усиления нормальной интенсивности ударного слога: нам приходится выражать грамматическими способами французского языка прием эмфатического ударения, свойственный английскому языку. Однако в нашем языке проявляются два других эмфатических приема, которые обычно называют «эмоциональным эмфатическим ударением» и «интеллектуальным эмфатическим ударением» (Marouzeau, Dauzat 1934: 123–126).

Под «эмоциональным эмфатическим ударением» подразумевают удлинение первой согласной слова, имеющего эмоциональную значимость или произносимого с неодобрением: *c'est formidable* 'это великолепно!'; *c'est épouvantable* 'это ужасно'; *le gouvernement de Vichy* 'правительство Ввиши'. Легко увидеть, что это явление не имеет ничего общего с ударением: оно воздействует не на акцентное единство, которым во французском языке является слог, а на согласную фонему, которая как раз не может быть центром слога. С другой стороны,

---

¹ О вычленении акцентных единств в английском см. ниже с. 77–81.

оно не является и свойством акцентного единства, то есть слова, потому что те же самые слова могут зачастую произноситься и без такого удлинения согласной. Оно добавляется к слову как самостоятельный элемент и, таким образом, относится к области интонации.

Под «интеллектуальным эмфатическим ударением» понимается усиление интенсивности первого слога выделяемой синтагмы. Оно употребляется, в основном, чтобы отметить противопоставление между двумя словами: *Ce n'est pas un a "antérieur, c'est un a p"ostérieur* 'Это не продвинутое вперед *a*, а отодвинутое назад *a*'; *Aller et retour? Non, "aller seulement* 'Туда и обратно? Нет, только туда'¹. Отметим, что место интеллектуального эмфатического ударения не совпадает с местом эмоционального эмфатического ударения: оба падают на начало, если слово начинается с согласной буквы, но в словах, начинающихся с гласной, интеллектуальное ударение падает на первый слог, а эмоциональное на второй: *C'est abominable! C'est terrible!* 'Это мерзко! Это ужасно!' (эмоциональное эмфатическое ударение) — *Ce n'est pas "abominable, ce n'est pas t"errible, c'est n"ormal* 'Это не мерзко, это не ужасно, это нормально' (интеллектуальное эмфатическое ударение).

Однако интеллектуальное эмфатическое ударение, как и ударение аффективное не может рассматриваться как акцентный факт. Без сомнения, оно действует на акцентную единицу, то есть слог. Но:

1. Оно не замещает ударение обычного слова, а добавляется к нему: слова, на первые слоги которых падает логическое эмфатическое ударение, сохраняют на последних нормальное ударение;
2. Единицей, при помощи которой происходит выделение во фразе, не обязательно является акцентное единство, это может быть любая значимая единица: морфема или группа морфем. Такая фраза, как: *Je n'ai pas dit Aix-les-Bains, j'ai dit Aix-en-Provence* 'Я сказал не Экс-ле-Бен, я сказал Экс-ан-Прованс', может быть произнесена с двумя различными положениями логической силы: или оба раза на

---

¹ Примеры приводятся Н. А. Шигаревской (Chigarevskaja 1966: 194).

слог *Aix*, или один раз на слог *les*, а другой раз на слог *en*. В первом случае выделяемыми единицами являются два названия городов целиком: *Aix-les-Bains*, *Aix-en-Provence*, они и являются акцентными единствами. Во втором случае выделяются только синтагмы *les-Bains*, *en-Provence*, различающие эти два слова. А эти синтагмы не образуют акцентных единств: невозможно, кроме случая эмфатического ударения, произнести *'Aix-les-B'ains* с двумя ударениями. Итак, мы видим, что единица, выделяемая логическим эмфатическим ударением, может не быть акцентным единством. Подобным образом можно сказать: *ce n'est pas une transcr"iption, c'est une transl"ittération* 'Это не транскрипция, это транслитерация'; *Ne confondez pas les sulf"ates et les sulf"ures* 'Не путайте сульфаты и сульфиды' — с эмфатическим ударением на значимых элементах, меньших, чем акцентное единство.

3. Зато выделяемой единицей должна обязательно быть значимая единица. Такая фраза, как **Je n'ai pas dit Monte-C"arlo, j'ai dit Montél"imar* 'Я сказал не Монте-Карло, я сказал Монтелимар', невозможна, потому что выделяемый слог не стоит в начале значимой единицы. В отдельно взятом слове единицей, выделяемой при помощи интеллектуального эмфатического ударения, обязательно является морфема или группа морфем, но не обязательно акцентное единство.
4. Даже в том случае, если единица, выделяемая при помощи эмфатического ударения, совпадает с акцентным единством, интеллектуальное эмфатическое ударение остается свойством фразы, а не акцентного единства. Для осознания этого достаточно сравнить две синтагмы с одним смыслом: фр. *gant de toilette* и нем. *Waschhandschuh* 'банная рукавичка'. Немецкая группа будет иметь основное ударение на *Wasch* и второстепенное ударение на *hand* в любых возможных контекстах: эти ударения являются свойствами этого слова. Во французском варианте, кроме нормального ударения на конечном слоге *lette*, группа может нести интеллектуальное эмфатическое ударение на слоге *de*, но только во фразах типа: *ce n'est pas un gant, c'est*

un gant d"e toilette ‘это не просто рукавичка, это банная рукавичка’ (в этом случае слово *de* в виде исключения произносится как [də] и образует слог). Но вне контекстов такого рода, эта дополнительная сила не отмечается. Сила слога *hand* в немецком является свойством слова, это акцентный признак; сила же слога *de* во французском является свойством фразы, это интонационный признак.

Таким образом, термин «эмфатическое ударение» употребляется некорректно; лучше говорить просто об «эмфатических приемах» и использовать термин «ударение» по отношению к признакам, являющимся свойствами слова. В любом случае, при описании системы ударения во французском языке любые эмфатические приемы можно оставить без внимания.

Во многих других языках помимо французского известен интеллектуальный эмфатический прием в предложениях, содержащих противопоставление двух понятий: оно отмечается, как и во французском языке, усилением интенсивности начального слога того элемента, на котором хотят настоять. Эмфатическую интенсивность и ударение в слове во французском языке легко различить благодаря их местам, поскольку эмфатический прием падает на первый слог, а ударение на последний. В тех языках, где ударение также падает на начальный слог, как в чешском и венгерском, различение может быть более трудным. Но и в этих языках единица, выделяемая при помощи эмфатического приема, не совпадает с единицей, выделяемой ударением слова.

В чешском языке большинство предлогов не акцентогенны и входят в то же акцентное единство, что и следующее за ними слово. Ударение, выделяя начальный слог, падает, таким образом, на предлог: *n'a okresni n'árodní v'ýbor* ‘на районный совет’; *n'a Karlově m'ostě* ‘на Карловом мосту’. Но при эмфазе синтагма, семантически противопоставленная другой и выделенная при помощи эмфатического приема, может ограничиваться словом, которое следует за предлогом, и исключать сам предлог. Таким образом, самый сильный слог — это первый слог выделяемого слова, на него падает интонационная сила, акцентная же сила, падающая обычно на

предлог, пропадает: *na "okresni n'árodní v'ýbor, n'ikoli na m"istni* ‘на районный совет и, ни в коем случае, не на муниципальный’¹; *t'o bylo na K"arlově m'ostě, ne na M"anesově* ‘Это было на Карловом мосту, а не на Манешовом’. В этих двух фразах предлог *na* теряет свою силу. Интонационная сила, падающая на начальный слог слов, следующих за предлогом, отличается от акцентной силы скорее своим необычным местом, чем своей реализацией.

Так же происходит и в венгерском языке, где отрицательная частица *nem* обычно входит в состав того же акцентного единства, что и глагол, следующий за ним и несущий ударение, поскольку в венгерском языке ударение также падает на первый слог акцентного единства: *a gy'erek n'em ette a l'evest* ‘ребенок не съел свой суп’. Но при эмфазе отрицание не может входить в состав выделяемой группы и выделяется первый слог глагола: *a gy'erek nem "ette a l'evest, hanem "itta* ‘ребенок не съел свой суп — он его выпил (то есть быстро проглотил)’ (Hetzron 1962: 192–205). Сила, падающая на *nem*, является акцентной, а сила, падающая на первый слог глагола *ette*, интонационной.

Так, отношения между акцентным контрастом («словесным ударением») и контрастом интонационным («эмфатическим ударением») варьируют в зависимости от языка. Единица, выделяемая интонационным контрастом, может совпадать с акцентным единством (в английском языке), или это совпадение может быть необязательным (французский, чешский, венгерский языки). Слог, на который падает интонационная сила, может совпадать или не совпадать с ударным слогом. Но, в любом случае, критерием, позволяющим разграничить два типа контраста, является установление лингвистической единицы, в рамках которой проявляется этот контраст: фраза для интонационного контраста и слово для контраста акцентного.

Теперь мы располагаем критериями, позволяющими нам различить три вида фактов: различительные, акцентные и интонационные — в зависимости от значимой единицы, на которую они действуют: морфемы, слова или фразы. Этот

---

¹ Пример приводится Б. Гавранек и А. Едличкой (Navránek, Jedlička 1963: 35).

критерий не является фонетическим — он функциональный; он не является фонологическим — он предполагает обращение к грамматическим данным. Теперь мы можем приступить к перечислению средств, используемых в различных языках для реализации ударения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АКЦЕНТНЫЕ ПРИЕМЫ

А) ПОЗИТИВНЫЕ АКЦЕНТНЫЕ ПРИЕМЫ: СИЛА, ВЫСОТА, ДОЛГОТА

Функция ударения состоит в создании в каждом слове контраста между ударным слогом и слогами безударными. Для этого существует два вида возможных приемов: позитивные приемы, добавляющие признак ударному слогу, и негативные приемы, снимающие признак у безударных слогов.

Так, в русском языке ударный слог более интенсивный, нежели безударный: дополнительная выдыхательная сила является признаком, добавляющимся к обычным различительным признакам этого слога; с другой стороны, в безударном слоге нельзя встретить гласные средней степени открытости /e/ и /o/, которые существуют под ударением: признак «средняя степень открытости» в этой позиции нейтрализуется, то есть исключается из списка различительных признаков, обнаруживающихся в ней.

Разница между позитивным и негативным приемами не проявляется отчетливо при собственно фонологическом анализе, который лишь показывает, что ударный слог имеет больше, а безударный меньше. Но она проявляется, если обратиться к характеристике каждой морфемы в соответствии с различительными признаками, характеристике, которая, как мы видели, должна всегда составлять независимо от ударения. В слове [p'ɔ]ə *поле*, им. пад. мн. ч. [pa]ʼa *поля*, гласная корневой морфемы определяется как /o/ (не закрытое, не переднего ряда, среднее). Добавление к этой гласной признака «силы» в слове [p'ɔ]ə является позитивным акцентным приемом, снятие признака «средняя степень открытость» в слове [pa]ʼa — отрицательным акцентным приемом.

Однако различие между двумя типами приемов имеет и чисто фонологические последствия. Перечень признаков,

которые могут быть усилены негативным акцентным приемом, не совпадает с перечнем признаков которые могут быть добавлены позитивным акцентным приемом. Во-первых, очевидно, что усилить можно только то, что существует, а добавить то, чего не существует. Таким образом, негативные приемы обязательно действуют на признаки, входящие в перечень различительных признаков языка, а позитивные приемы на признаки, ему не свойственные.

Более того, добавление дополнительного артикуляторного движения, требуемое появлением нового различительного признака, представляет собой для языка значительную перегрузку. Было бы неэкономным использовать его для выполнения контрастивной функции, эффективность которой гораздо слабее, нежели эффективность различительной функции. И неудивительно, что языки используют в качестве позитивных акцентных приемов фонетические особенности, обязательно присутствующие в любом высказывании: это именно те особенности, которые относятся к разряду «просодических»: выдыхательная сила или интенсивность, музыкальная высота и долгота (Мартине 1963: 432).

Напротив, негативные приемы могут воздействовать как на просодические признаки, так и на «ингерентные», важно лишь, чтобы они принадлежали системе различительных признаков изучаемого языка. Так, тональные оппозиции, нейтрализующиеся в китайском языке в отсутствие ударения, являются просодическими признаками, а оппозиции гласных, нейтрализующиеся в русском языке в той же позиции, являются ингерентными признаками.

Видно, что ударение ошибочно относят к просодическим фактам. Различие между просодическими и ингерентными признаками — это разница между двумя видами оппозиционных признаков. Ударение представляет собой контрастивный факт, не относящийся к такому различию. Контраст, создаваемый им, может реализовываться при помощи либо просодических признаков, либо ингерентных. Однако только просодические признаки используются в позитивных акцентных приемах, что в большинстве лингвистических систем создает тесную связь между ударением и просодией.

Добавим, что позитивные акцентные приемы используют просодические элементы «в перемешку», без возможности различить роль какого-либо из них. Единственным условием является то, чтобы данный элемент не принадлежал перечню различительных черт языка. Так, в чешском языке, где долгота, как мы видели, является различительным признаком, ударный слог не отличается своей долготой от безударного. Но в языках, в которых нет никаких просодических различительных признаков, три просодических характеристики могут смешиваться в ударении. Так, русская ударная гласная одновременно более сильная, более высокая и более долгая, чем безударная (не считая случаев употребления негативных акцентных приемов). В немецком языке интенсивность является доминантой. Изменения высоты одновременно с интенсивностью считаются основополагающими в английском языке. Долгота рядом с интенсивностью играет важную роль новогреческом и португальском языках, но никакой — в испанском. Точный анализ позитивных акцентных приемов в каждом языке относится к области экспериментальной фонетики.

Таким образом, не удастся признать за различием между «тональным ударением» и «силовым ударением» (или музыкальным и динамическим ударением) первостепенной важности, которую придавали ему когда-то неограмматики, пораженные разницей, существовавшей между их собственным опытом современных языков (особенно немецкого) и описанием, которое греки давали своему языку. Р. Якобсон (Jakobson 1931) показал, что такое различие фонологически сводится к разнице между ударением, падающим на весь слог и осознаваемым как силовое (немецкий, русский), и ударением, которое падает только на одну часть слога и в котором тональный элемент более важен (древнегреческий, сербохорватский). Со своей стороны, точные фонетические наблюдения постоянно приводят к уточнению слишком прямолинейных утверждений о преобладании того или иного элемента ударения в отдельно взятом языке¹.

---

¹ Важность, придававшаяся тональному акценту младограмматиками, которые его обычно называли словом «тон», оставила следы в

В) ОТЗВУКИ УДАРЕНИЯ

Существование контраста между ударным слогом и безударными слогами не означает, что последние однородны. В большинстве языков с ударением безударные слоги неравноправны между собой, и распределение интенсивности (или других акцентных приемов) между ними регулируется их положением по отношению к ударению. Так, акцентная конфигурация слова в целом, с более или менее сильным выделением каждого слога, проявляется как следствие других акцентных приемов, как форма реализации ударения. Обычно о безударных слогах, которые получают бóльшую часть акцентных факторов, говорят, что они несут «второстепенное ударение». Поскольку этот термин двусмысленен¹, мы будем говорить здесь, что они несут отзвук ударения.

В большинстве языков слоги, непосредственно соседствующие с ударным, являются наиболее слабыми, и отзвук ударения падает двумя слогами раньше или двумя слогами позже самого ударения. Это происходит в английском языке, в котором ясно прослеживается отзвук двумя слогами раньше основного ударения: *ph'otogr"aphical* ‘фотографический’. Так же и во французском, к ударению на последнем слоге добавляется очень слабый отзвук на третьем слоге от конца: в словосочетании *c'afé n"oir* ‘черный кофе’ несколько более ясно произносится слог *ca*, а в словосочетании *caf'é au l"ait* ‘кофе с молоком’ — слог *fé* (каждое из этих двух выражений представляет собой одно акцентное единство) (Chigarevskaïa 1966: 184).

В чешском и финском же языках, наоборот, ударение на первом слоге дополняется отзвуком на третьем. Этот отзвук факультативен и достаточно слаб в чешском: *n"edor'ozuměni*

терминологии: часто говорят «тонический», «атонический», «претонический», «посттонический», имея в виду «ударный», «безударный», «предударный» и «заударный», или «окситонический», «парокситонический», «пропароксионический», «баритонический», имея в виду «с ударением на окончании, пенультима, антепенультима, на любом слоге кроме окончания». В настоящей книге эти термины не используются во избежание полного смешения понятий акцента, то есть контрастного признака, и тона, то есть различительного признака.

¹ См. ниже с. 53.

‘недоразумение’; *d"evad'esátý* ‘девяностый’ (но допускается также *d"evades'átý*) (Navránek, Jedlička 1963: 34). В финском языке отзвук, напротив, очень четкий, почти настолько же сильный, как ударение. По правилам, он падает на третий слог в словах с четырьмя слогами: *j"umal'aton* ‘безбожный’ (им. пад.); в более длинных словах он может падать на третий слог или на четвертый в зависимости от того, какой из них включает в себя большее количество фонем: *j"u-ma-l'at-to-man* (род. пад.), *j"u-ma-la-t'on-ta* (партитив) (Itkonen 1955: 24).

Реже самым сильным безударным слогом является соседний с ударным: это характерно для русского языка, в котором именно предударный слог более сильный и заметно более долгий, чем остальные безударные слоги: слово *сковор'одка* произносится как [skəvar'otkə]: слог [va] сильнее и длиннее, чем другие безударные слоги, а гласная имеет менее нейтральный тембр: [a], а не [ə]. Именно в этом заключается разница между русским и английским языками, и именно это представляет трудность для англичан, изучающих русский язык.

Японский язык представляет собой крайний случай: высота, являющаяся в данном языке показателем ударения, характеризует не только сам ударный слог, но также и те, которые ему предшествуют, кроме начального. Так, в словах с ударением на первом или на втором слоге имеется только один высокий слог, ударный: *'inoti* ‘жизнь’ [ínoti]; *ar'uku* ‘идти’ [arúku]. Но если ударение падает на слог, начиная с третьего, все слоги, начиная со второго, и до ударного слога включительно являются высокими: *aratam'eru* ‘обновлять’ [arátáméru]; *otok'o* ‘человек’ [otókó]. Ударение, таким образом, отличается высотой не какого-либо одного слога, а целого «плата», которое может состоять из нескольких последовательных высоких слогов.

Ситуация в японском языке интересна тем, что в нем более чем в других языках важна роль акцентной конфигурации всего слова. Слог, считающийся ударным, не выше, чем остальные высокие слоги, которые ему предшествуют и которые мы считаем носителями отзвука ударения. Таким образом, очевидно, что проблема может состоять в определении того, который из нескольких слогов, действительно выделенных в одном и том же акцентном единстве, мы должны считать ударным. Тот факт, что

он получает бóльшую часть интенсивности, высоты или любого другого акцентного приема, не является безошибочным критерием.

Наилучшим критерием является экономия в формулировании правил реализации ударения. В японском языке во многих словах отмечается наличие акцентного плато из нескольких слогов. Начало этого плато фиксировано: это всегда второй слог слова ([arátáméru], [otókó]); подвижен только конец плато в зависимости от того или иного слова. Именно поэтому будет справедливо считать ударным последний слог плато: тогда правила, определяющие место ударения, будут указывать, где этот последний высокий слог. После его выяснения высоту других слогов можно предсказать, основываясь на простом правиле реализации ударения, которое мы привели выше: высокими, исключая сам ударный слог, являются все слоги, ему предшествующие, кроме начального. Если бы мы хотели назвать «ударным» первый высокий слог, правило, определяющее высоту следующих слогов, было бы невозможно сформулировать.

Аналогичная проблема имеется, между прочим, в сербохорватском языке (штокавском), где в словах с восходящим ударением высота и интенсивность так называемого ударного слога всегда распространяются равным образом и на следующий за ним слог. Этот слог существует всегда, поскольку восходящее ударение не может падать на конечный слог. Таким образом, эти слова всегда имеют плато из двух выделенных слогов. Традиционное решение требует, чтобы первый из этих двух слогов рассматривался как ударный; акцентные же признаки, характеризующие второй, должны рассматриваться как явление отзвука. Но не бессмысленно и рассмотрение обратного решения, согласно которому ударение падало бы на второй слог плато, а отзвук на первый. Выбор между двумя теоретически возможными подходами может быть сделан только после обращения к грамматической системе языка: этот вопрос мы изучим в главе VI.

Нет ничего общего между отзвуком ударения, изучаемым здесь, и второстепенным ударением, с которым его иногда путают. Считается, что в нем. слове *B"ürgerm'eister* 'бургомистр' основное ударение падает на слог *Bür*, а второстепенное на *meis*.

Второстепенное ударение и отзвук ударения, оба, менее сильны, чем основное ударение. Но они отличаются двумя пунктами:

1. Место отзвука выводится из места ударения, а место второстепенного ударения не выводится из места основного. Таким образом, эти два ударения разделены одним слогом в слове *B"ürgerm'eister*, двумя в слове *"aussergew'öhnlich* 'чрезвычайный' и не разделены вообще в слове *Sp"ielz'eug* 'игрушка'.
2. Отзвук принадлежит тому же акцентному единству, что и ударение, а второстепенное ударение — другому акцентному единству, нежели основное ударение, то есть отрезок, в котором оно появляется, определен грамматически. Например, в немецком языке оно наиболее часто появляется во второй части сложного слова.

Именно поэтому мы используем здесь два различных термина: «отзвук» и «второстепенное ударение» вместо одного термина «второстепенное ударение», используемого обычно. Изучение явления отзвука было проведено здесь вместе с изучением других акцентных приемов. Второстепенное ударение же изучается в главе IV — при анализе языков, которые имеют иерархию ударений.

С) НЕГАТИВНЫЕ АКЦЕНТНЫЕ ПРИЕМЫ

Под негативными акцентными приемами мы понимаем, и мы это видели, уменьшение различительных возможностей безударных слогов, то есть нейтрализацию некоторых оппозиций в отсутствие ударения. Этот прием совершенно неизвестен в некоторых языках с ударением: в испанском, сербохорватском, украинском. Безударные слоги имеют точно те же различительные возможности, что слоги, находящиеся под ударением: именно в этом состоит значительная разница между испанским и португальским, сербохорватским и словенским, украинским и русским языками. Тем не менее, негативные приемы являются чрезвычайно распространенным явлением.

Различительные признаки, исчезающие в безударной позиции, могут быть ингерентными или просодическими. В наибольшей степени затрагиваемые ударением ингерентные

признаки — это признаки вокалические, в особенности, открытость. Во многих языках, имеющих 4 степени открытости под ударением, в безударной позиции остается только 3. В итальянском языке под ударением существует /e/ закрытое и /ɛ/ открытое, /o/ закрытое и /ɔ/ открытое, а без ударения — только одно /e/ и одно /o/: в слове *péno* ‘я работаю’ произносится /e/, а в слове *pènso* ‘я думаю’ — /ɛ/, но одно и то же /e/ в словах *pen'are*, *pens'are* (инфинитив). Так же под ударением в слове *pómpo* ‘я качаю’ произносится звук /o/, в слове *pòsso* ‘я могу’ — /ɔ/, но без ударения одно и то же /o/ в словах *pomp'are*, *pot'ere* (инфинитив).

В других языках, имеющих три степени открытости под ударением, в отсутствие ударения их остается только две. В белорусском языке средние гласные /e/ и /o/ совпадают в безударной позиции с открытой гласной /a/: под ударением *в'оду* (вин. пад.), [z'ɛmʲi] *з'емлі* (им. пад. мн. ч.), *п'ала* ‘она упала’, с тремя разными ударными гласными, но, с теми же морфемами без ударения: *вад'а* (им. пад. ед. ч.), [zamʲ'a] *зямл'я* (им. пад. ед. ч.), *пад'у* ‘я упаду’ (одна и та же гласная [a] во всех трех словах). В северных греческих диалектах средние гласные в безударной позиции, напротив, совпадают с закрытыми гласными: /o/ с /u/ и /e/ с /i/. Наконец, в русском языке одна из средних гласных, /o/, совпадает в безударной позиции с открытой гласной /a/: [v'odu] *в'оду* и [p'aʎa] *п'ала*, но [vad'a] *вод'а* и [pad'u], тогда как другая средняя гласная, /e/, совпадает с закрытой гласной /i/: [z'ɛmʲi] *з'емлі* и [ʎisi] *л'исы*, но [zimʲ'a] *земл'я* и [ʎis'a] *лис'а*. Типы нейтрализации варьируют, но результат остается тем же: три степени открытости в безударной позиции уменьшаются до двух.

В некоторых языках перечень безударных гласных еще более узок. В английском языке существует большое количество гласных и дифтонгов, но только три из них встречаются в безударном слоге: /ə/, /i/ и /ou/ (последний только в конечных слогах), например, в словах [k'ʌvə] *cover* ‘покрывать’, [s'iti] *city* ‘город’, [f'blou] *follow* ‘следовать’. В словах, кажущихся исключением из этого правила, слог, который представляется безударным, но содержит иную гласную, нежели /ə/, /i/ или /ou/, на самом деле несет ударение, проявляющееся только при помощи негативных приемов, но сигнализирующее о наличии

другого акцентного единства, определяющегося грамматически. Так, сохранение дифтонга /ei/ в последнем слоге глагола [s'epəreit] *separate* 'разделять' и других глаголах на *-ate* показывает, что глагольный суффикс [eit] *-ate* должен рассматриваться как отдельное акцентное единство, несущее свое собственное ударение.

В немецком языке, в исконной части словаря (то есть, исключая недавние заимствования) в безударном слоге возможна только одна гласная — это нейтральная гласная /ə/, которая, например, представлена в каждом из трех безударных слогов слова *geschl'ossener* 'закрытый'.

Нейтрализация просодических признаков в безударном положении происходит в китайском языке, где различия тонов в безударном слоге упраздняются. Известно, что в китайском каждый слог, являющийся одновременно морфемой, характеризуется определенным тоном, то есть, различительным мелодическим признаком. Существуют четыре тона: ровный высокий (ˊ), восходящий (ˊ), нисходяще-восходящий (ˊ) и нисходящий (ˋ). Так, слово *rén* 'человек' имеет восходящий тон, а *tiān* 'день' — ровный высокий тон. Но в некоторых позициях, которые можно как раз назвать безударными, слогоморфема теряет свой собственный различительный тон и подвергается воздействию неразличительного «легкого» тона. Так, слово *rén* 'человек' в сочетании с *ai* 'любить' или с первым элементом слова *gōngzuò* 'работать' теряет свойственный ему восходящий тон и получает легкий тон: *airen* 'влюбленный', *gōngren* 'рабочий'. Так же слово *tiān* 'день' получает легкий тон в сочетаниях *míngtian* 'завтра' или *jīntian* 'сегодня'. Легкий тон реализуется как полунизкий после ровного высокого тона (напр., *gōngren*, *jīntian*), как средний после восходящего тона (напр., *míngtian*), как низкий после нисходящего тона (напр., *airen*) и т. д. Эти реализации определяются исключительно тоном предыдущего слога, таким образом, они не являются различительными: реализация тона второго слога одинакова в словах *gōngren* 'рабочий' и *jīntian* 'сегодня', несмотря на разницу тона между *rén* 'человек' и *tiān* 'день'. То есть, имеет место именно нейтрализация тональных оппозиций.

Нейтрализацию одновременно ингерентного и просодического признаков в безударном положении можно встретить также в одном и том же языке. Так происходит в словенском языке. Здесь в фонологически ударном слоге (то есть несущем то, что называется «долгим ударением»), существует четыре степени открытости гласных, в частности, как в итальянском, противопоставление /e/ ~ /ɛ/ и /o/ ~ /ɔ/; с другой стороны, для тех же слогов характерна оппозиция восходящей или нисходящей мелодической кривой. Но в фонологически безударном слоге (то есть без ударения или под «кратким ударением») эти две оппозиции одновременно нейтрализуются: 4 степени открытости уменьшаются до 3, как в итальянском, а различительные изменения высоты исчезают, как в китайском. Так, мы имеем в долгом ударном слоге: /é/ (открытое восходящее e) в слове *žéna* ‘жена’, /è/ (закрытое восходящее e) в слове *beséda* ‘слово’ и /ê/ (закрытое нисходящее e) в слове *cvêť* ‘цветок’, но в отсутствие ударения — одно и то же /e/ (реализующееся как краткое открытое) в слове *ženíti* ‘женить’, *besedilo* ‘текст’, *cvestí* ‘цвести’. подобным образом /ó/ (открытое восходящее o) в слове *góra* ‘гора’, /ò/ (закрытое восходящее o) в слове *pót* ‘дорога’ и /ô/ (нисходящее закрытое o) в слове *môž* ‘мужчина’, но в отсутствие ударения — одно и то же /o/ (открытое, краткое) в словах *goràť* ‘горный’, *potí* ‘дороги’ (род. пад.) и *možâ* ‘мужчины’ (род. пад.).

Из предыдущего перечня видно, что негативные акцентные приемы, то есть нейтрализация некоторых различительных оппозиций в безударном слоге, являются далеко не исключительным фактом в языках. Позитивные приемы более очевидны и создают контрасты, заметные сразу же. Многие языки довольствуются этим и не имеют негативных приемов. Но существуют также языки, в которых существуют лишь последние, например, китайский, где ударный слог не более интенсивный, чем остальные, и характеризуется не чем иным как сохранением тональных различий.

Можно сравнить продуктивность двух типов акцентных приемов. У негативных приемов она зависит от количества оппозиций, которые нейтрализуются в безударном положении. Если это количество невелико, как в итальянском, где имеется нейтрализация лишь одной оппозиции, действующей всего на

4 гласных фонемы из 7, насчитывающихся в языке, нейтрализация не имеет проявления в слогах, содержащих другую гласную (в итальянском /a/, /i/ и /u/), и ее продуктивность невелика. Задача реализовать контраст полностью ложится на позитивные приемы. Они имеют то преимущество, что действуют в любом слоге, каким бы ни был его состав. Но их действие часто оказывается приостановленным использованием таких же просодических приемов, но относящихся к уровню фразы, то есть при интонационных оппозициях и контрастах. Например, в следующем русском стихотворении Фета:

Любо мне в к'омнате н'очью сто'ять у ок'ошка в пот'ёмках

Очевидно, что слово *мне* в действительности не несет интенсивности и ритмически воспринимается в составе фразы как безударный слог, что подтверждает скандирование стиха (дактилический гекзаметр). Но это слово сохраняет характер ударного, а не энклитического, благодаря двум негативным приемам: его гласная отчетливо сохраняет тембр [ɛ], тогда как гласная /e/, если она действительно безударна, редуцируется в [i], как это происходит в другом месте того же стиха с конечной гласной слова *к'омнате*: [l'ubə nʉɛ f k'ɔmnatʲi]. Так же союз *но* часто теряет свое силовое ударение под действием интонации фразы, но он сохраняет неизменным свой характер ударного слога, поскольку никогда не произносится как [na]. Это одна из наиболее распространенных ошибок французов, изучающих русский язык — произносить слово *но* как [на], как только они узнают о том, что в русском языке безударное *о* произносится как [a]. Так происходит потому, что во французском языке слово, в котором позитивные акцентные приемы подавляются интонацией фразы, полностью теряет свое ударение. В русском же всегда остаются негативные акцентные приемы. Ударение, проявляющееся в негативных приемах, является неустранимым.

Мы видим, что ударение нельзя свести только к позитивным приемам, как это обычно делается, и что негативные приемы также являются неотъемлемой частью этого явления. Относительная важность этих двух типов приемов и их более или менее высокая эффективность различаются от языка к языку.

D) ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ АКЦЕНТНЫМ ПРИЕМОМ?

В большинстве так называемых «урало-алтайских» языков (финно-угорские, турецкие, монгольские и т. д.) отмечается явление, называемое «гармония гласных», которое состоит в нейтрализации в определенных положениях некоторых тембровых оппозиций гласных. Поскольку это явление проявляется в рамках слова, можно задаться вопросом, не является ли оно негативным акцентным приемом, подобно тем, что мы анализировали выше.

Возьмем пример финского языка. Вокалическая система этого языка включает в себя противопоставления по долготе, открытости и, кроме того, противопоставления гласных «переднего ряда — заднего ряда» и «растянутых (с растянутыми в стороны губами) — нерастянутых», которые проявляются следующим образом (каждая из гласных, которую мы приводим, символизирует две гласных фонемы, различающихся количеством, краткую и долгую: *a* представляет собой /a/ и /a:/):

- нерастянутые гласные заднего ряда: *a, o, u*;
- нерастянутые гласные переднего ряда: *ä, ö, y*;
- растянутые гласные (все переднего ряда, поэтому признак «заднего ряда» является излишним): *e, i*.

Правило гармонии гласных требует, чтобы оппозиция гласных по признаку «переднего ряда — заднего ряда» была нейтрализована в определенном количестве слогов каждого слова, расположенных ближе к концу, которые мы сознательно назовем нестрогим термином «исход» слова. В исходе передний — непередний характер нерастянутых гласных (единственных, для которых этот признак обычно является релевантным) нейтрализуется, и эти гласные согласовываются с точки зрения ряда с гласными первой части слова, которую мы назовем «базой». Так, слово *talo* ‘дом’, имеющее гласные заднего ряда, образует инессив *talossa* ‘в доме’, но *kylä* ‘деревня’, содержащее гласные переднего ряда, превращается в *kylässä* ‘в деревне’. При описании суффикса инессива мы охарактеризуем его гласную как «краткую, открытую, нерастянутую», но мы не сможем уточнить, переднего она ряда или заднего (-*ssa* или -*ssä*). Такое уточнение предполагается только на уровне слова, то есть в том

случае, если известен передний или задний характер гласных базы.

Для того чтобы мы могли рассматривать такую нейтрализацию как негативный акцентный прием, нам нужно суметь выделить в каждом слове один и только один слог, который мы назвали бы ударным и который стал бы единственным слогом слова, где оппозиция «гласная переднего или заднего ряда» была бы различительной. Во всех словах, содержащих только нерастянутые гласные, выяснение этого вопроса не представляет никакой трудности: слогом, определяющим гармонию гласных в любом слове, является первый: *ta* с гласным заднего ряда в слове *talo*; *ku* с гласным переднего ряда в слове *kylä* и т. д. Морфологически этот слог принадлежит корню, поскольку в финском языке приставки отсутствуют. Кроме того, он совпадает со слогом, к которому применяются позитивные акцентные приемы, то есть находящимся под силовым ударением, в финском языке всегда падающем на первый слог.

Но в словах, имеющих также растянутые гласные *e* или *i*, ситуация более сложная. Если в корне содержится одна нерастянутая гласная и одна растянутая, именно нерастянутая определяет гармонию всего слова, даже если она не стоит на первом месте: *meno* ‘движение’, *menossa* ‘в движении’, гармонию определяет слог *no*. Таким образом, можно сказать, что ударным слогом (в смысле негативных акцентных приемов) является первый содержащий нерастянутый гласный слог корня. Если корень не содержит нерастянутых гласных, а только гласные тембра *e* или *i*, то эти гласные определяют гармонию всего слова при условии, что последнее содержит только определенные суффиксы, которые, так сказать, не придают гармонии стойкости и которые можно назвать «неударными» (в смысле негативных акцентных приемов) — это, например, падежные суффиксы. В таких случаях они принимают форму с гласной переднего ряда под влиянием (ибыточного) признака переднего ряда гласных *e* или *i*: *kivi* ‘камень’, *kivissä* ‘в камне’.

Однако некоторые суффиксы не подчиняются такому типу гармонии. При наличии корня с растянутыми гласными они сохраняют свою форму с гласной заднего ряда, и эта форма, в

свою очередь, придает гармонию последующим гласным. Так, в слове *pehmeys* ‘мягкость’ мы имеем очень продуктивный суффикс абстрактного существительного *-us/-ys* в его переднеязычной форме обусловленной тем, что он стоит после начальной гласной *e*. Падежные суффиксы, добавляемые к этому слову, имеют также форму с гласной переднего ряда: *pehmeydessä* ‘в мягкости’. Но в прилагательном *pehmoinen* ‘мягкий, мягонький’ мы видим другой суффикс *-oinen*, который выступает в форме с гласной заднего ряда, несмотря на наличие корневой гласной *e*. Этот суффикс, в свою очередь, определяет гармонию гласных оставшейся части слова: инессив *pehmoisessa*. Таким образом, все происходит, как если бы, с точки зрения негативных акцентных приемов, суффикс *-us/-ys* был бы «анакцентным» (неспособным определять гармонию оставшейся части слова), а суффикс *-oinen* — «акцентным» (способным определять гармонию оставшейся части слова) и, когда слоги, предшествующие ему, содержат только растянутые гласные *e* и *i*, действительно «ударным» (в действительности ее определяющим). Но в присутствии корня с нерастянутой гласной переднего ряда (*ä*, *ö* или *y*) тот же суффикс подчиняется гармонии, определяемой этими гласными, и принимает форму с гласными переднего ряда: *tämmöinen* ‘такой’.

Таким образом, если рассматривать гармонию гласных как негативный акцентный прием, с «ударением» на одном слоге слова, место этого «ударения» определяется следующим правилом: негативное ударение падает на первый слог слова, принадлежащий к акцентной морфеме и имеющий нерастянутую гласную. В отсутствие такого слога, оно падает на начальный слог. При составлении перечня акцентных морфем, можно будет сделать уточнение, что таковыми являются все корни.

Рассмотрим практическое применение этого правила: в словах *talossa*, *kylässä* ударение падает на первый слог, имеющий нерастянутую гласную и принадлежащий корню, то есть акцентной морфеме; в слове *menossa* — на отвечающий тем же условиям второй слог (предыдущий слог содержит растянутую гласную); в слове *pehmoisessa* — на слог *moi*, содержащий нерастянутую гласную /o/, которая принадлежит акцентной морфеме *-oinen/-oise* и которой предшествует как раз один слог,

имеющий растянутую гласную /e/. В таких словах, как *kivissä*, *pehmeys*, *pehmeydessä* единственные нерастянутые гласные (/y/, /ä/) принадлежат анакцентным морфемам (суффикс инессива *-ssa/-ssä*, суффикс абстрактного существительного *-us/-ys/-ude-/-yde-*) и, таким образом, ударение падает на первый слог.

Правило определения места ударения (негативного), рассмотренное выше, основывается на фонологических, а также грамматических соображениях: на фонологических, поскольку место ударения зависит от границ слова и растянутого или нерастянутого характера некоторых гласных; на грамматических, поскольку оно обращается к акцентным свойствам морфем, одни из которых являются акцентными, а другие нет. Поскольку имеет место обращение к грамматическим рассуждениям, мы имеем дело со свободным ударением.

Но одновременно со свободным ударением, отмеченным негативными приемами, финский язык имеет и силовое ударение, использующее позитивные приемы и являющееся, напротив, фиксированным: оно всегда падает на первый слог слова. Таким образом, финский язык одновременно использует позитивные и негативные приемы, что позволяет различить два ударения, место которых не совпадает. Итак, если мы хотим согласиться с тем, что гармония гласных является акцентным приемом, нужно предположить, что один и тот же язык может одновременно в каждом слове использовать две различные акцентные системы, употребляя различные приемы и позволяя выделить два несовпадающих места ударения. Напротив, в языках, которые мы рассмотрели выше, позитивные и негативные приемы выявляли одно и то же место ударения.

Но если силовое ударение и гармония гласных проявляются по-разному в том, что касается выбора выделяемого слога, то акцентное единство, для выделения которого они служат, наоборот, является в точности тем же самым. В сложных словах силовое ударение падает на первый слог каждой части, и гармония гласных также независимо действует в рамках этих частей: *n'eliö-j'uuri* 'квадратный корень'.

Другие языки с гармонией гласных представляют нам аналогичную картину: единство одного и того же акцентного

слова отмечено двумя разными приемами — силовым ударением и гармонией гласных, каждый из которых выделяет один слог слова, но не тот же самый. В турецком языке разница между двумя способами еще более ощутима, поскольку (как минимум, в словах турецкого происхождения) негативное ударение фиксировано на первом слоге слова, тогда как позитивное ударение свободно: оно падает то на последний слог корня, то на некоторые суффиксы, но, в любом случае, на конечную часть слова (Deny 1955: 142).

Определению ударения, данному нами выше, не противоречит то, что один и тот же язык может одновременно использовать две совершенно различные акцентные системы. Таким образом, мы считаем допустимым согласиться с тем, что гармония гласных является одним из негативных акцентных приемов, при условии извлечения всех методологических последствий, о которых мы упоминали в этой главе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРЕМЕННЫЕ УДАРЕНИЯ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

АКЦЕНТНОЕ ЕДИНСТВО И СЛОВО

I. — ВЫЧЛЕНЕНИЕ АКЦЕНТНОГО ЕДИНСТВА

А) ПРИНЦИПЫ ВЫЧЛЕНЕНИЯ

Мы видели, что во всех языках с ударением принципы вычленения акцентных единств различаются, но повсюду это вычленение опирается на грамматические соображения. В каждом языке можно грамматически определить типы синтагм, которые обычно призваны составить акцентные единства: этими нормально акцентогенными синтагмами являются слова. Однако среди слов клитики могут быть лишены акцентогенного характера, свойственного большинству членов этой категории. Таким образом, для некоторых категорий слов некоторых языков необходимо прилагать список клитик, остальные же слова сохраняют свой акцентогенный характер.

Языки с ударением можно разделить на две большие категории согласно критериям, влияющим на вычленение

нормально акцентогенных синтагм. В некоторых языках эти синтагмы выявляются просто по составляющим их морфемам, в других они определяются совокупностью содержащихся в них элементов и их синтаксической функцией.

Первый тип представлен, например, в немецком языке, в котором любой корень является акцентогенным, то есть создает независимое акцентное единство, какой бы ни была его синтаксическая функция. Так, в сложных словах каждый корень несет отдельное ударение: *W'asch-h'and-sch'uh* 'банная рукавичка'. Существуют также акцентогенные аффиксы, то есть аффиксы, являющиеся центром отдельного акцентного единства и всегда остающиеся таковым, например, суффикс *-heit*: *Sch'ön-h'eit* 'красота', *Chr'isten-h'eit* 'христианство'. Можно сказать, что немецкий язык — это язык с акцентогенными морфемами, поскольку список акцентогенных элементов является в нем фактически списком морфем, составленным независимо от комбинаций, в состав которых они входят. Имеется категория морфем, акцентогенных всегда (корни), и категории, одни единицы которых акцентогенны, а другие нет (например, суффиксы): абсолютно одинаковая синтаксическая функция выполняется при помощи акцентогенного суффикса *-lein* и неакцентогенного суффикса *-chen*: *B'üch-l'ein* 'книжечка', *G'ärt-chen* 'садик'. К такому же типу принадлежат и другие германские языки, а также финский. В финском языке нет акцентогенных аффиксов, таковыми являются только корни.

И наоборот, во многих других языках, например, всех языках романской, славянской, греческой групп акцентогенный характер приписывается не какой-то отдельной морфеме, а всей синтагме целиком, рассматриваемой с учетом всех составляющих ее морфем и их синтаксической функции. В этих языках также обычно акцентогенны корневые морфемы, то есть в большинстве случаев каждая из них порождает акцентное единство. Во французском предложении *les ois'eaux v'olent sur les br'anches* или русском *пт'ички лет'ают по вет'вям* имеются три акцентных единства и три ударения, и присутствуют также три корневые морфемы, соответствующие знаменательным словам: «птица», «летать», «ветвь». Но это соответствие не идеально: корень теряет свой акцентогенный характер, если он теряет свою

синтаксическую независимость, входя в состав сложного слова. Так, в немецком слове *St'erbe-b'ett* 'смертный одр' два элемента *sterbe* и *bett*, оба являясь корневыми морфемами, сохраняют каждый свое ударение, тогда как французское *lit de m'ort* образует только одно акцентное единство с одним ударением на конечном слоге (это выражение нельзя произнести с ударением на слове *lit*); и действительно, морфологически выражение *lit de mort* является сложным, но синтаксически оно ведет себя как единое имя существительное (разделить элементы или добавить определение к слову *mort* невозможно). Так же, если сравнить немецкий и русский языки, немецкое слово *N'as-h'orn* 'носорог' (состоящее из *Nas* 'нос' и *Horn* 'рог') имеет два ударения, а русское *носо-р'ог* (тот же смысл, тот же состав) образует одно акцентное единство: войдя в состав сложного слова, корень *нос-* теряет свой акцентогенный характер (Мартине 1963: 444). Итак, в немецком языке, акцентогенный характер присущ корням (и некоторым аффиксам) по самой их морфологической сущности. Во французском, русском и др. языках корни имеют акцентогенный характер только при объединении некоторых синтаксических условий, то есть, в конце концов, он является свойством некоторых синтаксических типов. Это языки с акцентогенными синтагмами.

Нельзя путать понятие морфемы, или акцентогенной синтагмы, с одной стороны, и ударной морфемы, с другой. Установление того факта, что в определенном языке определенный грамматический элемент должен порождать акцентное единство, и, соответственно, ударение, не означает, что это ударение должно обязательно падать в пределах рассматриваемого элемента. Во французском языке глагол обычно является акцентогенным, и, таким образом, такая глагольная форма, как *je le v'ois* 'я это вижу' несет ударение, которое падает именно на глагол. Отрицание неакцентогенно, то есть, если в эту фразу добавить отрицание, нового акцентного единства не появится, но единственное ударение будет падать как раз на отрицание, поскольку последнее находится на конце акцентного единства, а во французском языке ударение падает на последний слог: *je ne le vois p'as* 'я этого не вижу'. Здесь глагол акцентогенен, а отрицание ударно. Так же в русском слове

пр'о-жил не больше ударений, нежели в слове *жил*, и, таким образом, можно принять, что только синтагма *жи-л* (глагольный корень *жи-* + суфф. пр. вр. *-л-* + нулевое оконч. м. р.) акцентогенна; однако в слове *пр'ожил* ударение падает на приставку *про-*. Совпадение акцентогенной морфемы и ударного слога отмечается в немецком языке, где ударение (как минимум, в исконных словах) всегда падает на корни и акцентогенные суффиксы: *St'erbe-b'ett*, *Chr'isten-h'eit*. Но здесь речь идет об исключительной особенности, свойственной немецкому и другим языкам с акцентогенными морфемами (германские, финский языки). Мы вернемся к этому при изучении проблемы местоположения ударения.

В) Клитики

Клитиками называются неакцентогенные слова. Если слово определяется как «синтагма, принадлежащая такому синтаксическому типу, который в рассматриваемом языке обычно является акцентогенным», то клитика представляет собой «неакцентогенную морфему или синтагму, принадлежащую синтаксической категории, которая в рассматриваемом языке обычно является акцентогенной». Клитика присоединяется к акцентогенной единице, управляемой соседней морфемой. Она называется *энклитикой*, если присоединяется к акцентному единству, управляемому предшествующим ей словом, и *проклитикой*, если присоединяется к акцентному единству, управляемому последующим словом.

Например, во многих языках личные местоимения могут быть клитиками. Они принадлежат к нормально акцентогенной синтаксической категории, поскольку их синтаксическая функция такая же, как и у существительных, а существительное является акцентогенным словом. Во французском языке предложения *les vois'ins reg'ardent la télévisi'on* 'соседи смотрят телевизор' (3 ударения) и *ils la reg'ardent* 'они его смотрят' (1 ударение) синтаксически эквивалентны, но в первом подлежащее и дополнение являются полными акцентогенными существительными, а во втором это местоимения, проклитики. Сами местоимения часто имеют акцентогенные формы рядом с

формами клитическими: фр. ударные *moi, toi, lui* и проклитические *me, te, le*. Такая же ситуация наблюдается в большинстве славянских языков (но не в русском), в которых все личные местоимения имеют две формы: одну ударную, другую клитическую: так, в сербохорватском ударная серия — это *mène, tèbe, njèga*, а энклитическая серия — *me, te, ga: vîdī me* ‘он меня видит’; *mène vîdī* ‘он видит меня’. В итальянском языке клитические местоимения стоят перед или после глагола в зависимости от глагольных форм, с которыми они связаны. Таким образом, одни и те же слова могут, в разных случаях, быть энклитическими или проклитическими: *guard'arla* ‘смотреть на нее’, но *la gu'ardano* ‘они на нее смотрят’.

Клитики обнаруживаются и в других грамматических категориях. Во многих языках проклитическими являются предлоги, особенно когда они короткие: рус. *за гост'иницей* (одно ударение), но *п'еред гост'иницей* (два ударения). Существование таких акцентогенных предлогов, как *п'еред*, подтверждает, что предлог может рассматриваться как слово, и, следовательно, неакцентогенные предлоги — как проклитики. Глаголы, в особенности вспомогательные, часто имеют клитические формы. Так, в сербохорватском языке настоящее время глагола «быть» имеет ударные формы *jèsam, jèsi, jèste* и т. д., и энклитические формы *sam, si, je* и т. д. Союзы могут быть клитическими: в латинском языке соединительные союзы *et* и *atque* являются акцентогенными, а *-que* — энклитическим; в русском языке противительные союзы *но* или *одн'ако* акцентогенные, а *же* — энклитический.

И опять же нужно остерегаться смешения понятий акцентогенного элемента и ударного элемента и, вследствие этого, не определять клитическое слово как безударное. Клитическое слово неакцентогенно, это значит, что его присутствие в высказывании не влечет за собой присутствия дополнительного акцентного единства со свойственным ему ударением; оно входит в состав акцентного единства, управляемого соседним словом, но в этом единстве оно может нести отзвук ударения или даже само ударение.

В древнегреческом языке место ударения определяется правилом ограничения: оно может падать только на одну из трех

последних мор слова (на три последних слога, если последний краткий, и на два последних, если последний долгий). Добавление энклитики акцентогенному слову никогда не изменяет ударения последнего: *ἡμέρᾱ* ‘день’, *ἡμέρᾱ τις* ‘какой-то день’. Но если из-за добавления энклитики ударный слог оказывается дальше от конца акцентного единства, чем ему разрешено правилом ограничения, то к основному, неизменному ударению слова добавляется отзвук ударения на конце энклитики: *ἡμέρᾱς τινᾶς* ‘некоторые дни’ (вин. пад. мн. ч.).

Во французском языке объектные местоимения *le, la, les* являются клитическими словами, наиболее часто стоящими перед глаголом, от которого зависят, то есть являются проклитиками (*je le pr'ends* ‘я беру его’), но при глаголе в императиве они располагаются в постпозиции, то есть являются проклитиками. В последнем случае ударение, согласно правилам французского языка, падает на местоимения: *prends-l'e* [prãl'ə] (этот случай является единственным во французском языке, когда гласная /ə/ может стоять под ударением). Здесь мы видим, что энклитическое слово несет ударение.

В македонском языке ударение фиксировано на третьем от конца слоге, и существует множество клитик (местоимений или вспомогательных глаголов), предшествующих глагольным формам. По общему правилу эти формы не способны нести ударение, но, если они предшествуют отрицанию или вопросительному слову, ударение может падать на них, и действительно падает, если они находятся в третьем от конца слоге акцентного единства, в состав которого входят: *go gl'edaš* ‘ты видишь его’, но *ne g'o gledaš* ‘ты его не видишь’; *kako s'e zoveš?* ‘как тебя зовут?’. В двух последних примерах клитики *go, se* несут ударение.

В русском языке ударение в акцентном единстве, содержащем слово, которому предшествует предлог, может падать на этот предлог: *n'a руки, час 'от часу*. В чешском языке, в котором ударение всегда падает на первый слог, в единствах такого рода ударение всегда падает на предлог: *n'a mostě* ‘на мосту’; то же происходит с отрицанием *ne*: *n'echce* ‘он не хочет’.

Современная терминология не допускает название «энклитика» для фр. *le* в выражении *prends-l'e* или

«прокликтика» для чеш. *na* в выражении *n'a mostě*¹, потому что на эти слова падает ударение. Тем не менее, она не учитывает логические последствия такого решения, которые состоят в том, чтобы признать слово *prends* проклитическим, а слово *mostě* энклитическим. Если принять, что во французском *prends-l'e*, македонском *ne g'o gledaš*, русском (*час*) *'om času*, чешском *n'a mostě* клитиками являются действительно безударные слова *prends*, *gledaš*, *часу*, *mostě*, то построение правил, касающихся ударения, становится запутанным. Эти правила должны обязательно формулироваться в два этапа: вначале вычленение акцентных единств, затем определение места ударения в этих единствах. Синтаксическое вычленение акцентных единств предполагает, с одной стороны, список акцентогенных слов, с другой, — клитических. Принадлежность к тому или иному списку является постоянным синтаксическим свойством каждого слова. Поэтому очевидно, что фр. *prends*, макед. *gledaš*, рус. *часу*, чеш. *mostě* относятся к списку акцентогенных слов, а фр. *le*, макед. *go*, рус. *om*, чеш. *na* — к списку клитических. На втором этапе формулируются законы, определяющие место ударения в рамках акцентного единства: может случиться, что эти законы приведут ударение как раз на клитическое слово.

Клитики сами могут оказывать влияние на место ударения внутри акцентного единства, в состав которого входят: в македонском языке слово *pr'ogleda* 'он различает' имеет не такое ударение, как *go gl'eda* 'он его видит' из-за того, что *go* — это проклитика, а *pro* — суффикс, входящий в состав того же слова *gleda*. Роль клитик в определении места ударения, как и роль всех морфем, входящих в то же акцентное единство, будет изучена в главе, посвященной месту ударения (гл. V).

¹ П. Фуше (Fouché 1956: VIII) пишет, что «во французском языке... нет энклитик». Б. Гавранек и А. Едличка (Navránek, Jedlička 1963: 34–35) не рассматривают чешские ударные предлоги как проклитики.

II. — ИЕРАРХИЯ АКЦЕНТНЫХ ЕДИНСТВ

Мы увидели, что некоторые языки совершенно не знакомы с явлением ударения и что, вследствие этого, в этих языках ни один формальный критерий не позволяет выделить промежуточные между фразой и морфемой грамматические единицы, похожие на слова в языках с ударением. В этих языках (например, в тайском) формально можно выделить только две единицы:

фраза
морфема

В большинстве языков с ударением рассмотрение ударения позволяет выделить промежуточную единицу, акцентное единство. Формула такого языка, как итальянский, выглядит следующим образом:

фраза
акцентное единство
морфема

Но существуют также языки, в которых факты ударения позволяют выделить несколько типов единиц, промежуточных между фразой и морфемой, и включать одни в другие. Если мы закрепляем название акцентное единство за минимальной единицей, имеющей одно ударение, и если мы назовем акцентной группой всю совокупность нескольких акцентных единств, формальное выделение которых возможно на основании фактов ударения, мы получим формулу, характерную для такого языка, как немецкий:

фраза
акцентная группа
акцентное единство
морфема

Языками с иерархией акцентных единств, могущих объединяться в акцентные группы, являются те, которые мы определили как имеющие акцентогенные морфемы, то есть германские и финский языки.

А) НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Наилучший пример иерархии акцентных единств дает нам немецкий язык. В сложных словах этого языка каждый элемент составляет отдельное акцентное единство, имеющее свое ударение. Каждое слово, состоящее из двух частей, как *B"ürger-m'eister* ‘бургомистр’, *Str"assen-b'ahn* ‘трамвай’, *St"erbe-b'ett* ‘смертный одр’, включает два акцентных единства, соответствующие двум корневым морфемам слова и несущие каждое свое ударение. В каждом из них ударение первого элемента, который синтаксически является определяющим, сильнее, нежели ударение второго (синтаксически определяемого). Их можно назвать соответственно основным и второстепенным ударением. Разница в силе между двумя ударениями отмечает:

1. Объединение двух акцентных единств в более высокую единицу — акцентную группу, которая имеет определенную синтаксическую функцию, аналогичную той, которая в других языках выполняется одним акцентным единством;
2. Синтаксическую связь, существующую между двумя элементами (в приведенных примерах определяющее и определяемое).

Так, объединение единиц и их иерархизованность выполняют в языке синтаксическую функцию, дополнительную к той, которая связана с самим вычленением акцентного единства.

Но группы, состоящие только из двух элементов, дают нам достаточно неясное представление о функционировании этого явления в немецком языке. Количество единиц, способных соединяться в группы, не ограничено, и можно встретить такие сложные слова, как *W'affen-st'ill-st'and* ‘перемирие’ (3 единства), *F'ahr-k'arten-'aus-g'abe* ‘выдача билетов’ (4 единства), *S'onn-t'ags-r'ück-f'ahr-k'arte* ‘воскресный билет туда и обратно’ (5 единств) и т. д.

В этих примерах мы не указали иерархию ударений, которая очень заметна, но реализуется на нескольких уровнях. Термины основное и второстепенное ударение (и система двух соответствующих знаков, которой мы пользовались выше) указывают, кажется, только на два уровня и не достаточны для

осуществления расчета. Однако линейной иерархии всех ударений сложного слова не существует, — устанавливается серия бинарных контрастов. С синтаксической точки зрения, каждое сложное слово может быть разделено, при помощи последовательного двоичного членения на бинарные группы непосредственно составляющих. Иерархия ударений затем подчиняется двум следующим правилам.

1. В каждой паре ударение одного из членов сильнее, чем ударение другого. В большинстве случаев и, в частности, во всех примерах, приведенных выше, ударение определяющего, стоящего впереди, сильнее, чем ударение определяемого, занимающего вторую позицию. На уровне пары мы имеем все основания говорить об «основном» и «второстепенном» ударении.
2. Когда две пары объединяются (включаются одна в другую), ударения большей или включающей пары сильнее, нежели ударения меньшей или включаемой. Однако, поскольку в подобных случаях основные ударения обеих пар обязательно совпадают, указанное соотношение фактически касается только второстепенных ударений, и правило может быть сформулировано следующим образом: когда две пары включаются одна в другую, второстепенное ударение включающей пары сильнее, чем второстепенное ударение включаемой.

Так, в сложном слове *S'onnn-t'ags-r'üek-f'ahr-k'arte* различаются следующие пары (для каждой мы указываем основное и второстепенное ударение):

S'onntags-r'üekfahrkarte ‘воскресный — билет туда и обратно’.

R"üekfahr-k'arte ‘билет — туда и обратно’.

R"üek-f'ahr(t) ‘обратная — поездка’.

S'onnn-t'ag ‘воскресенье’ (букв. ‘день солнца’).

При этом инклюзивные отношения между парами характеризуются следующими отношениями между их второстепенными ударениями:

S'onntags-r'üekfahrkarte включает в себя *S'onnn-t'ags*, поэтому ударение, падающее на *rüek*, второстепенное ударение включающей пары, сильнее, чем ударение, падающее на *tags*, второстепенное ударение включаемой пары.

R"ückfahr-k'arte включает в себя *R"ück-f'ahr(t)*, поэтому ударение, падающее на *karte*, второстепенное ударение включающей пары, сильнее, чем ударение, падающее на *fahr*, второстепенное ударение включаемой пары. Это соотношение силы указывает на то, что непосредственно составляющими *Rückfahrkarte* являются *Rückfahr* и *Karte*, а не, как можно было бы предположить, *Rück* и *Fahkarte*.

Таким образом, ударение каждого единства находится в бинарном контрастивном соотношении:

- а) с ударениями всех единств, с которыми это единство входит в синтаксическую пару;
- б) с ударениями всех пар, с которыми пара, включающая это единство, находится в инклюзивных отношениях в том или ином смысле.

Благодаря одновременному действию двух рассмотренных правил каждое единство находится в отношении акцентного контраста со многими другими единствами сложного слова, но не обязательно со всеми. В слове *Sonntagsrückfahrkarte* отношения, которые мы определили, позволяют установить линейную иерархию для четырех единств: 1. *Sonn*; 2. *rück*; 3. *karte*; 4. *fahr*, но место *tag* в этой шкале неопределенно, — мы знаем только, что оно ниже, чем *rück*.

Трудно представить, что в действительности будут реализованы все акцентные контрасты, теоретически существующие в более или менее сложной группе. Кажется, что единственное непреложно соблюдаемое правило состоит в том, что контраст никогда не «переворачивается»: ударение *karte* может проявляться сильнее или так же сильно, как ударение *fahr*, но никак не слабее.

Законы иерархии акцентных единств, указанные выше, действительны для всех акцентных единств немецкого языка без исключения. Однако примеры, которые мы выбрали, представляют собой частные случаи, потому что все приведенные акцентные единства включают корень и потому что в каждой из названных пар основным является ударение первого элемента (определяющего). При рассмотрении всей совокупности языковых фактов, ситуация несколько осложняется, поскольку:

1. Существуют акцентные единства, управляемые не корнем, а акцентогенным суффиксом или приставкой: суф. *-heit* в *Chr"isten-h'eit* ‘христианство’, суф. *-bar* в *'offen-b"ar* ‘очевидный’; приставка *über-* в *"über-s'etzen* ‘переправляться’ или *'über-s"etzen* ‘переводить’. Как видно из этих примеров, определение основного и второстепенного ударения в парах такого рода изменяется в зависимости от синтаксического типа;
2. Даже в парах, в которых оба единства содержат корни, существует такой тип, где основное ударение падает на второй элемент, а не на первый: *Br'emerh"afen* (название города).

Именно синтаксические правила позволяют вычленить акцентные единства и определить основное и второстепенное ударение каждой пары. Но после осуществления этих операций включение одних пар в другие всегда подчиняется правилам, которые мы привели выше. Реализация контрастов на теоретически неограниченном количестве уровней представляет собой наиболее полное использование акцентного явления, которое можно себе представить.

В) ФИНСКИЙ ЯЗЫК

Принципы группировки и иерархизации акцентных единств в финском языке являются точно такими же, как и немецком. Система даже проще в том смысле, что все сложные слова принадлежат к особенному типу, который мы исследовали в первую очередь в немецком языке: все акцентные единства содержат корень, и во всех бинарных группах основное ударение падает на элемент, стоящий в начале, то есть на определяющее.

Так, слово *p'elto-p'yu-p'oikanen* ‘молодая куропатка’ состоит из трех акцентных единств, каждое из которых существует также как отдельное слово: *pelto* ‘поле’, *pyu* ‘куропатка’ и *poikanen* ‘маленькое животное’. Молодая куропатка характеризуется как ‘детеныш куропатки’ (*peltopyu-poikanen*), сама же птица называется буквально ‘полевой рябчик’ (*pelto-pyu*). В каждой паре основным является ударение первого элемента:

p"eltopyu-p'oikanen
p"elto-p'yu

Более того, поскольку вторая пара включается в первую, ударение слога *poi*, второстепенное ударение включающей пары, сильнее, чем ударение слога *puu*, второстепенное ударение включаемой пары. Общая иерархия ударений получается следующей: 1. *pelto*; 2. *poikanen*; 3. *puu*.

В то же время, ситуация в финском языке несколько усложняется фактом наличия в каждом акцентном единстве, имеющем более трех слогов, отзвука ударения на 3-м или 4-м слоге, добавляющегося к ударению на первом слоге. Таким образом, к двум правилам, регулирующим иерархию ударений в немецком языке, для финского нужно добавить третье: внутри акцентного единства ударение является более сильным, нежели отзвук.

С) АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Система в английском языке, в принципе, та же, что и в немецком. Однако к ней добавляются следующие осложнения:

1. Кроме ударения на каждом акцентном единстве, для английского, как и для финского языка, характерны отзвуки ударения. Они падают на четные слоги, предшествующие ударному, а именно на второй передударный слог;
2. Акцентные единства, управляемые акцентогенным аффиксом, которые отсутствуют в финском и которые относительно редки в немецком, очень многочисленны в английском языке. Они особенно часто встречаются в словах романского происхождения, которые значительно более широко представлены в английском языке, чем в немецком;
3. Также типы пар, в которых основное ударение падает на 2-й элемент, а не на 1-й, отсутствующие в финском и редкие в немецком, очень многочисленны в английском языке.
4. Как и в русском языке, негативные акцентные приемы играют в английском языке первостепенную роль. Они состоят в невозможности наличия в безударном слоге любой гласной, кроме слоговых сонантов /l/, /m/, /n/ и гласных /ə/ и /i/ (а также дифтонга /ou/ в конце акцентного единства). Очень часто ударный слог не представляет

никакого позитивного акцентного приема и, в частности, никакого усиления интенсивности и характеризуется только негативными акцентными приемами.

Если считать «ударными» не только сильные слоги, но и все слоги, характеризующиеся негативным акцентным приемом, нам придется различать гораздо больше ударений, исходящих из большего числа акцентных единств, чем это бывает обычно. В языке с иерархизированными акцентными единствами вычленение минимальных акцентных единств должно обязательно предшествовать изучению их группировки и их иерархизации. Этому порядку мы следовали в немецком и финском языках. Решение проблем английской акцентуации предполагает, таким образом, определенное количество шагов, которые должны обязательно производиться в следующем порядке:

- a) идентификация ударных слогов;
- b) подсчет акцентных единств;
- c) вычленение акцентных единств;
- d) группировка акцентных единств;
- e) иерархизация единиц, объединенных в одну группу;
- f) место ударения внутри каждой единицы.

a) Идентификация ударных слогов. — Они распознаются по действию либо негативных, либо позитивных акцентных приемов. С точки зрения негативных приемов, ударные слоги могут содержать любую гласную, кроме /ə/ и слоговых сонантов /l/, /m/, /n/; безударные слоги не могут содержать иных гласных, кроме слоговых сонантов, /ə/ и /i/, а также /ou/ на конце акцентного единства. С точки зрения позитивных приемов, ударные слоги могут получать дополнительную силу и высоту, традиционно называемую «основным» или «второстепенным» ударением, но могут быть так же и лишены их; безударные слоги эти признаки получать не могут.

Таким образом, мы рассматриваем как ударные:

1. Любые слоги, содержащие одну из гласных, неприемлемых для безударного слога (гласные, кроме /ə/, /i/, слоговых сонантов или, на конце акцентного единства, /ou/);

2. Из слогов, содержащих /i/ (или /ou/ на конце акцентного единства), те, которые несут «ударение» (основное или второстепенное).

И как безударные рассматриваем все остальные, то есть:

1. Содержащие /ə/ или сонант;
2. Из слогов, содержащих /i/ (или /ou/ на конце акцентного единства), те, которые не несут «ударения».

Вот примеры¹: [d'ɪfə'reɪnʃi'eɪt] *differentiate* 'различать',
[d'aɪl'eɪtəb'ɪlɪtɪ] *dilatibility* 'способность расширяться',
[d'i:s'ɛntrəl'aɪz'eɪʃən] *decentralization* 'децентрализация',
[d'ɛsɪmə'l'aɪz] *decimalize* 'обращать в десятичную дробь'.

б) Подсчет акцентных единств. — Из приведенных примеров видно, что орфографическое слово очень часто содержит несколько ударных слогов (в том смысле, в котором понимаем его выше). Поэтому вероятно, что в некоторых случаях одно орфографическое слово включает в себя несколько акцентных единств.

Мы подсчитаем акцентные единства при помощи следующего правила. Ударные слоги (в значении, определенном выше) — это слоги, несущие на себе или ударение, или отзвук ударения. Любое английское акцентное единство несет ударение на одном из своих слогов; парные слоги, предшествующие ударному (то есть второй слог перед ударным) несут отзвук ударения; непарные слоги, предшествующие ударному, а также слоги, стоящие после ударного, никакого отзвука не несут. Эта схема, к примеру, проявляется в следующих словах, которые мы можем рассматривать как содержащие каждое только одно акцентное единство (ударение мы будем отмечать знаком " , отзвуки — знаком '):

[ɪntər"ɔgətəri] *interrogatory* 'вопросительный'
[s'ækrɪf'ɪʃəl] *sacrificial* 'жертвенный'

¹ В нижеследующей транскрипции слоги, несущие позитивные акцентные приемы, отмечены знаками ' («основное ударение», у Джоунза ') и ` («второстепенное ударение», у Джоунза), помещаемыми над гласным; слоги, которые мы считаем ударными на основании критериев, указанных выше, отмечены, как и везде в этой книге, знаком ' перед гласным.

Когда акцентное единство содержит отзвук, последний всегда слабее, чем ударение на том же единстве. Так, в словах, приведенных выше, где акцентное единство совпадает с орфографическим словом, ударение, падающее на это единство, обычно считается «основным ударением», а отзвуки — «второстепенными ударениями».

Орфографическое слово признается содержащим несколько акцентных единств, если такой ритм следования отзвуков и ударений не соблюдается, и обнаруживается иной ритм:

1. когда ударные слоги следуют друг за другом без перерыва, как в словах [d'aík'òtil'í:dən] *dicotyledon* ‘двудольное растение’, [r'ìəl'aiz'eíʃən] *realization* ‘осуществление’;
2. когда два ударных слога разделены несколькими безударными, как в словах [imp'ènətrəb'íliti] *impenetrability* ‘непроницаемость’, [ən'æθimət'aiz'eíʃən] *anathematization* ‘предание анафеме’;
3. когда ударный слог находится после, а не перед основным ударением слова, как в словах [d'ésim'eit] *decimate* ‘казнить каждого десятого’, [dis'éntrəl'aiz] *decentralize* ‘децентрализовывать’.

Во всех подобных случаях ритм отдельно взятого акцентного единства, которым является такое слово, как [ˈɪntərˈɔɡətəri], с отзвуками, падающими на парные слоги, предшествующие ударению, но не падающими ни на непарные слоги, ни на слоги, следующие за ударным, оказывается нарушенным, и этот факт говорит нам о наличии нескольких последовательных акцентных единств. Такое же нарушение ритма наблюдается и в последовательности слогов, представляющих разные слова.

с) Вычленение акцентных единств. — Недостаточно знать, сколько акцентных единств насчитывает орфографическое слово, нужно также представлять, где заканчивается одно из них и начинается другое. В поисках этой границы нам должны помочь два принципа, вытекающие из определений, данных выше:

1. Граница между двумя акцентными единствами обязательно оставляет по одну сторону все ударные гласные одного единства и по другую — все ударные гласные другого (под

«ударными» мы подразумеваем несущие ударение или отзвук);

2. Граница между двумя акцентными единствами обязательно совпадает с границей между двумя морфемами (поскольку акцентные единства, по определению, являются значимыми и грамматически определяемыми единицами).

Пример: в слове [r'iəl'aiz'eišən] мы знаем, что все три ударных слога представляют собой три различных акцентных единства. Действительно:

1. Слоги [lai] и [zei] не могут быть отзвуком и ударением одной и той же единицы, поскольку они следуют непосредственно друг за другом;
2. Слоги [ri] и [lai] не могут также быть отзвуком и ударением одной и той же единицы, поскольку слог, несущий наиболее сильное ударение (отмеченное позитивными акцентными приемами), стоит первым, а не вторым.

Таким образом, акцентных единств три, но где их границы?

1. Одна из границ проходит между дифтонгами [ai] и [ei]. Между этими двумя дифтонгами проходит единственная граница между морфемами, разделяющая суффиксы [-aiz-] и [-eišən];
2. Другая граница проходит между гласной [i] и дифтонгом [ai]. В этом месте проходит единственная граница между морфемами, разделяющая корень [riəl-] и суффикс [-aiz-].

Членение слова на акцентные единства, в точности соответствующее в данном случае членению на морфемы, выглядит следующим образом: [riəl - aiz - eišən].

Подобным образом, в слове [d'ésim'eit] имеется два акцентных единства, поскольку ударный слог, стоящий первым, является также наиболее сильным и, поэтому, не может рассматриваться как отзвук второго. Граница между двумя акцентными единствами проходит между двумя ударными гласными и, таким образом, обязательно совпадает с границей между корнем [desim-] и суффиксом [-eit]: [desim - eit].

В этих примерах каждое акцентное единство включает в себя одну морфему, но это не общее правило: как и в других языках, граница между акцентными единствами обязательно совпадает с границей между морфемами, но обратное неверно;

морфема включается в акцентное единство. В слове [r'ɪəl - 'aiz - 'eɪʃən] суффикс [-eɪʃən] сам составляет акцентное единство, но в другом слове такой же длины, например, в слове [dɪd'æktɪsɪzəm] имеется только одно акцентное единство, включающее в себя три морфемы [dɪdækt - ɪs - ɪzəm]. Таким образом, в английском языке необходимо составить список акцентогенных суффиксов, таких как [-eɪʃən], и неакцентогенных, таких как [-ɪzəm] (ср. в немецком акцентогенный *-lein* и неакцентогенный *-chen*). Этот список играет такую же роль, какую в других языках играет список клитик.

Хоть граница между акцентными единствами обязательно совпадает с границей между морфемами, она может не совпадать с границей между слогами. Английские акцентные единства в этом отношении ведут себя так же, как слова французского языка: слог [meɪt] делится между двумя акцентными единствами в английском слове [d'ɛsɪm - 'eɪt] *decimate*, как слог [rɑ̃] между двумя словами во французском словосочетании [kœrɑ̃zɛlik] *choeur angélique* 'ангельский хор'.

В то же время есть случаи, когда два вышеприведенных принципа кажутся несовместимыми: это случаи, когда между двумя ударными гласными, признанными принадлежащими двум различным акцентным единствам, не проходит никакая морфемная граница. Однако это встречается только в редких иностранных словах, полностью не ассимилированных языком, например, *Chartreuse* [ʃ'a:tr'ɔ:z] 'картезианский монастырь', *maquis* [m'á:k'i:] 'маквис (заросли вечнозеленых кустарников)'.

d) Группировка акцентных единств. — Как в немецком и финском языках, минимальные акцентные единства, охарактеризованные выше, похожи на акцентные группы большего размера, единство которых также отмечено акцентными фактами. Эмпирически мы можем различить две разновидности группировок такого типа: группировка единиц, более мелких, чем орфографическое слово, для образования такого слова, и группировка слов для образования больших единиц.

Первый тип группировки из двух единиц имеется в слове [d'ɛsɪm - 'eɪt], из трех — в слове [d'i: - s'ɛntrəl - 'aɪz], из четырех — в слове [d'i: - s'ɛntrəl - 'aɪz - 'eɪʃən]. В каждой из этих группировок

имеется основное ударение, более сильное, чем другие, господство которого отмечено употреблением позитивных акцентных приемов в более высокой степени. В обычных транскрипциях оно отмечается знаком основного ударения. Грамматически эти группировки представляют собой сочетание корня с присоединенными к нему акцентогенными приставками или суффиксами.

Однако в английском языке известен также и другой тип группировки, обычно не отмечаемый в орфографии: это группировка нескольких орфографических слов, каждое из которых включает корень. Известна разница между словосочетанием *a Fr'ench t'eacher* (два равных ударения) 'французский учитель' и *a Fr"ench t'eacher* (основное ударение на *French*) 'учитель французского языка'; *a des'igning w'oman* 'интригантка' и *a des"igning w'oman* 'рисовальщица'. Там, где два ударения не равны друг другу, мы имеем акцентную группу, в которой первый член, несущий также основное ударение, является к тому же определяющим. Таким образом, это группы того же типа, что и в немецком и финском языках, с той единственной разницей, что они не отмечены орфографией. Они могут быть достаточно сложными, как в группе *North Atlantic Treaty Organization* 'Организация Североатлантического союза'.

Между двумя разновидностями групп нет четко определенной границы. Орфография, в любом случае не являющаяся значимым критерием, зыбка, поскольку иногда она объединяет бирадикальные группы, например, *bagpipe* 'волынка', *snowfall* 'снегопад'. Грамматический критерий ненадежен, потому что второй элемент сложного слова стремится превратиться в суффикс, что когда-то произошло с элементом *-hood* в слове *childhood* 'детство'. Критерий силы ударения еще менее значим, поскольку неверно, что второстепенное ударение обязательно является менее сильным в производном слове, чем в сложном: слог [meit] не менее интенсивен в слове *decimate*, чем в слове *schoolmate* 'школьный товарищ'. Таким образом, мы считаем, что существует одно явление группировки минимальных акцентных единств, какими бы они ни были, в более широкие акцентные группы.

е) Иерархия единиц, объединенных в одну группу, проявляющаяся в их ударениях. Принцип такой иерархии тот же, что и в немецком, и в финском языках: акцентные единства объединяются в бинарные группы, включающиеся одни в другие, и изучение иерархии ударений основывается в первую очередь на бинарном расчленении групп на их непосредственные составляющие. Мы можем установить следующие правила:

1. В отдельно взятом акцентном единстве ударение всегда сильнее отзвука (как в финском языке);
2. В паре акцентных единств, объединенных вместе, всегда имеется основное ударение, более сильное, и второстепенное ударение, менее сильное. Определение основного ударения варьирует в зависимости от пары. Мы разделяем:
  - а) Бирадикальные пары (как *sn"owf'all*, *t"eat'ime* ‘время для чая’); основное ударение чаще всего падает на определяющее, стоящее в начале (как в немецком и финском языках); в паре другого типа, более редкого, оно падает, наоборот, на второй элемент: *N'ew Y"ork* ‘Нью-Йорк’;
  - б) Радикально-аффиксальные пары (как *decim - ate*, *realiz - ation*): некоторые аффиксы привлекают на себя основное ударение ([r'iələiz - "eɪʃən]), другие оставляют его корню ([d"esim - 'eit]). Мы видели то же явление в немецком языке, хотя такой тип пар в нем встречается редко.
3. Когда одна пара включается в другую, второстепенное ударение включающей пары обязательно является более сильным, чем ударение пары включаемой (их основные ударения обязательно совпадают). Это правило действует как в финском, так и в немецком языке.

Таким, к примеру, является слово *decentralization* [di:səntərəlaɪzeɪʃən]. Принципы, приведенные выше, (разделы а), б) и с)), позволяют вычлени в нем 4 акцентных единства: [d'i: - s'ɛntərəl - 'aɪz - 'eɪʃən]. Эти единства группируются в следующие пары (для каждой пары мы указываем основное и второстепенное ударение):

[di:s'entrəlaiz - "eiʃən]

[d'i: - s'entrəlaiz]

[s'entrəl - 'aiz]

В каждой из этих пар один из двух элементов включает в себя корень [sentr-], другой элемент только аффикс: все эти пары являются, таким образом, радикально-аффиксальными. В каждой паре корневой элемент соответствует слову, существующему в то же время в языке с указанным ударением: *decentralize*, *centralize*, *central*. Первая приведенная пара принадлежит типу с основным ударением на суффиксальном элементе, остальные — типу с ударением на корневом элементе. Ввиду господства второстепенного ударения включающей группы над ударением включаемой иерархия четырех ударений устанавливается таким образом: 1. [-eiʃən]; 2. [sentrəl-]; 3. [di:-]; 4. [-aiz-]. Только два первых отмечены позитивными акцентными приемами, два других же проявляются лишь через негативные приемы. Деление на акцентные единства не исчерпывает членения на морфемы: одно из акцентных единств [sentrəl] включает в себя две морфемы: корень [sentr-] и неакцентогенный суффикс [-əl].

Слово *decentralization* дало нам пример группы, включающей в себя только радикально-аффиксальные пары. В словосочетаниях, имеющих бирадикальные пары, как *London county council* ‘лондонский городской совет’, *rail road workshop* ‘железнодорожная мастерская’, взаимодействие основных и второстепенных ударений такое же, как и в немецком языке. К этому мы больше не возвращаемся.

Группа может одновременно включать в себя бирадикальные и радикально-аффиксальные пары, причем вторые обязательно включаются в первые. Так, в группе *ground transportation means* ‘наземные транспортные средства’ двоичное членение дает следующие результаты (мы пойдем от более широких групп к менее широким; в каждой группе отметим основное и второстепенное ударение):

gr"ound - transport'ation means

transport"ation - m'eans

tr'ansport-"ation

tr"ans-p'ort

Две первые пары являются бирадикальными, две последние — радикально-аффиксальными. Каждая пара существует также в изолированном виде с указанным ударением. Порядок двоичного членения определяет также иерархию ударений в сложном слове.

Что касается *transport*, известно, что существуют два слова: *tr''ans-p'ort* ‘транспорт’ (существительное) и *to tr'ans-p''ort* ‘транспортировать’ (глагол). Каждое из этих слов включает в себя два акцентных единства, как показывает их вокализм, не редуцированный в обеих формах: [trænspo:t]. Проблема перемещения ударения в глагольно-субстантивных парах такого типа (которых в языке множество) является, таким образом, не проблемой перемещения ударения внутри одного акцентного единства (как в рус. слове *поч'есть* и *п'очесть* и т. д.), а проблемой иерархии ударений в радикально-аффиксальной паре. Именной префикс перетягивает основное ударение, глагольный префикс оставляет его на корне. В слове *transportation* мы имеем именной префикс, как в *tr''ansp'ort* (существительное); это объясняет тот факт, что внутри слова *transportation* ударение части *trans* занимает второе место по силе, а ударение части *port* только третье.

Как мы видим, иерархия ударений относительна: ударение части *trans-* является основным в слове *transport* (существительное), но второстепенным в слове *transportation*; ударение части *-ation* основное в слове *transportation*, но второстепенное в словосочетании *transportation means* и т. д. Между иерархией, устанавливающейся в бирадикальных и радикально-аффиксальных парах, нет внутренней разницы (*schoolmate* и *decimate*). Ясно, что самое сильное из ударений отдельно взятой группы, которое можно назвать «абсолютным основным ударением», будет отмечено в большей степени позитивными акцентными приемами (интенсивность, изменение высоты), и что, наоборот, более слабые ударения будут иметь тенденцию терять все свои позитивные характеристики, отличаясь только негативными приемами, то есть сохранением полного вокализма. Но невозможно сформулировать строгие правила стирания позитивных приемов, то есть грамматически определить тот случай, когда они перестают чувствоваться. Эта невозможность связана с контрастивной, а не оппозиционной

природой ударения, которая не позволяет использовать метод минимальных пар.

Нам кажется, что ошибкой большинства описаний английской системы ударения является попытка определить категории ударения в абсолютных, а не относительных терминах. В традиционных транскрипциях, как наблюдается, к примеру, у Джоунса, употребляются два значка — основного ' и второстепенного , ударения. Так помечаются те ударения, которые имеют первый и второй ранг (с точки зрения силы) в рамках данного орфографического слова. Но «второстепенное ударение» в одних случаях является ударением второстепенного акцентного единства ([tr'ænsפו:t'eišən]), а в других — отзвуком ударения основной единицы ([d'iktət'əriəl] *dictatorial* 'диктаторский'). «Основное ударение», в свою очередь, имеет тенденцию становиться второстепенным в рамках более широкой группы. Некоторые более современные описания, как труды Б. Блоха и Дж. Л. Трейгера (Bloch, Trager 1942: p. 47–48) или Стенли С. Ньюмана (Newman 1946), увеличивая количество категорий ударения (4 у Блоха и Трейгера, 6 у Ньюмана) позволяют, без сомнения, учесть больше фактов, но ценой усложнения описания, которое, все-таки, не перечисляет исчерпывающим образом всех возможных контрастов. Только признание относительного, а не абсолютного характера иерархии ударений и предварительное вычленение акцентных единств позволяют прийти к абсолютно единому понятию ударения при исчислении всех действительно засвидетельствованных типов контраста¹.

f) Остается одна проблема английской акцентуации, которая не анализировалась выше: это проблема места ударения внутри отдельно взятого акцентного единства. Например, падает ли оно в группе, включающей корень и суффикс, на корень как в слове *declarable* [dikl'ærəbl] или на суффикс, как в слове *Japanese* [dʒ'ærən'i:z] (ударение на [ni:z], отзвук на [dʒæ])? Этот вопрос, как и все вопросы о месте ударения, будет исследован в главе V. Тем не менее, уже сейчас отметим, что английские суффиксы делятся на три категории:

¹ См. Martinet 1954; Rischel 1964: 90; Pilch 1967.

1. Акцентогенные суффиксы, как *-ation* в слове *r'eal'iz'ation* (с сохранением ударений слова *r'eal'ize*): суффикс сам образует акцентное единство, в котором он несет ударение;
2. Неакцентогенные, но ударные суффиксы, как *-ese* в слове *Jap'an'ese* (с потерей ударения, отмечаемого в слове *Jap'an*): суффикс интегрируется в акцентное единство, управляемое корнем, который ему предшествует, но получает ударение;
3. Не акцентогенные и безударные суффиксы, как *-able* в слове *decl'arable* (с тем же ударением, что и в слове *decl'are*): суффикс входит в состав акцентного единства, управляемого корнем, и не несет ударения.

Это трехчастное разделение похоже на то, которое мы находим в других языках для других категорий морфем. Например, местоимение третьего лица во французском языке:

1. Акцентогенно в словосочетании *je parle avec l'ui* ‘я разговариваю с ним’;
2. Неакцентогенно, но ударно в словосочетании *regarde-l'e*; ‘посмотри на него’;
3. Не акцентогенно и безударно в словосочетании *je le reg'arde* ‘я смотрю на него’.

Если не поддаваться обманчивости внешних фактов, представленных орфографическим словом, становится очевидной тождественность двух классификаций.

Д) РУССКИЙ, ЧЕШСКИЙ ЯЗЫКИ

В русском языке также, в некоторых случаях, отмечаются основное и второстепенное ударения, то есть иерархия ударений похожа на иерархию в английском или немецком языках. Это встречается лишь в небольшом количестве нестарых сложных слов, особенно книжного характера; *n'осле-во"енный*, *св'ерхъ-ест"ественный*, *пр'о-фаш"истский* или *тр'ёх-л"етний*. Нет сомнений, что каждое из этих слов имеет два ударения; это доказывается также негативными акцентными приемами, то есть сохранением средней открытости звука [ɔ] в *после*, *про*, *трёх* и [ɛ] в *сверх*; а поскольку эти первые элементы сложного слова определены грамматически, мы получаем два четких акцентных единства. Но этот тип сложных слов в русском языке

исключителен; в более распространенном типе (*чернок'ожий*) имеется только одно акцентное единство. Таким образом, для русского языка необходимо составить список (достаточно короткий) акцентогенных префиксов. При наличии этих префиксов наблюдаются проявления иерархии ударений, похожие на факты, обнаруживаемые в германских языках; но в русском языке речь идет о периферийном явлении.

Точно то же самое происходит в чешском языке, где рядом с обычным типом сложных слов с одним ударением: *životopis* 'биография', *z'emětřesení* 'землетрясение' существует более новый и более редкий тип с двумя иерархизованными ударениями: *j'ihom'oravský* 'южноморавский' (Hála 1962: 305). Иерархия ударений является неотъемлемой и важнейшей чертой германских языков и, наоборот, имеет исключительный характер в языках славянских.

III. — ВИРТУАЛЬНОЕ АКЦЕНТНОЕ ЕДИНСТВО

В некоторых языках может случиться так, что ударение (особенно, если оно не отмечено позитивными приемами) исчезает в некоторых позициях в речевой цепи. В этих случаях вычленение акцентных единств может представлять определенные трудности, поскольку одно и то же единство способно в зависимости от контекста выступать то как ударное, то как безударное. Таким образом, следует принимать во внимание те контексты, которые позволяют проявиться наибольшему количеству ударений, и рассматривать как акцентные единства все единства, которые появляются в этих контекстах. Когда эти же единства находятся в контексте, где их ударение нейтрализуется, будем считать, что имеет место виртуальное акцентное единство.

А) ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Самый простой случай виртуального акцентного единства встречается в древнегреческом языке, где любое ударение, падающее на конечную мору акцентного единства (то есть любое острое ударение, падающее на конечный слог) нейтрализуется,

если это единство находится не на конце фразы; графически это явление отмечается замещением диакритического знака акута (´) знаком грависа (˘); оно получило название «баритонирование окситонов». Например, слово *ὁδός* ‘дорога’ так и пишется в словаре, то есть в изолированном положении, и именно так оно пишется на конце фразы, а также в том случае, если за ним следует энклитика, из-за которой слог *dos* не стоит на конце акцентного единства: *ὁδός τις* ‘некоторая дорога’. Это написание, которое известно нам по описаниям грамматиков, соответствует действительной реализации ударения на этом слог. Но когда рассматриваемый слог является последним в акцентном единстве, не являясь последним во фразе, то есть всюду, где за словом *ὁδός* следует не энклитическое слово, оно пишется с диакритическим знаком `: *ὁδὸς εἰς ἄστυ* ‘дорога в город’. Такое написание указывает на то, что слог *dos* произносился как безударный: группа, приведенная выше, не имеет другого ударного слога, кроме начального в *ἄστυ*. Исчезновение ударения в слове *ὁδός* строго обусловлено позицией, и каждый раз, когда необходимые условия имеются, это слово вновь обретает свойственное ему ударение. Таким образом, нет ничего общего между отсутствием ударения в подобном слове, где оно обусловлено, и отсутствием обычного ударения на энклитике. Если мы хотим сформулировать правила вычленения акцентных единств в греческом языке, мы обязательно должны рассматривать слово *ὁδός* в ряду акцентогенных слов. Такие слова, как *ὁδός*, имея ударение на последней слоговой группе, являются виртуальными акцентными единствами, реализующимися только в определенных позициях.

В) ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Этот принцип находит широкое поле применения во французском языке, где нереализация ударения некоторых акцентных единств является очень частым явлением. Действительно, во французском языке акцентное единство, на самом деле реализуемое в речи, имеет очень широкие рамки, которые зависят от последовательности слогов, могущих быть ударными, от ритма речи и пауз, и в языке нет ни одного слова,

которое не могло бы, в определенной позиции терять свое ударение. Ударение фактически падает не на те единства, которым можно дать постоянное грамматическое определение, а на единства, границы которых варьируют в зависимости от высказывания.

Именно так французский язык старается избежать непосредственного соседства двух ударений, и поэтому любое слово, предшествующее односложному акцентному единству, с большой вероятностью теряет свое ударение: в выражениях *un crayon vert* ‘зеленый карандаш’, *elle dessine bien* ‘она хорошо рисует’, *une position clé* ‘ключевая позиция’ имеется только одно ударение — ударение конечного односложного слова¹.

И в других случаях любая группа слов, тесно связанных между собой по смыслу и не разделенных паузой, также тяготеет к тому, чтобы рассматриваться как одно акцентное единство, и, вследствие этого, иметь одно ударение, независимо от своего грамматического состава. Эти группы тем протяженнее, чем быстрее и менее тщательна речь. Таким образом, выражения, как *tout le monde descend* ‘все кончено’ (букв. ‘весь мир спускается’), *le coin de la rue* ‘угол улицы’, *vous avez assez de temps* ‘у вас достаточно времени’ легко произносятся на одном дыхании, без пауз и какого бы то ни было иного ударения, кроме ударения на последнем слове группы.

Из этого вытекает, что во французском языке невозможно синтаксически определить грамматическую единицу, действительно реализующуюся в речи, поскольку невозможно представить себе синтаксическую категорию, которая в любом контексте всегда является акцентогенной. Зато возможно синтаксически определить единицы, способные, в некоторых контекстах, быть акцентогенными, и другие, не способные быть таковыми вообще. Фраза *vous tournez le coin de la rue* ‘вы поворачиваете за угол улицы’ часто может произноситься на одном дыхании и образовывать одно акцентное единство с одним ударением на слове *rue* ‘улица’. Однако она может состоять и из трех таких групп: *vous tourn'ez - le c'oin - de la r'ue*, с одним ударением на последнем слове глагола *vous tournez*, вторым

---

¹ См. Chigarevskaja 1966, 183.

ударением на последнем слоге дополнения *le coin* и третьим на последнем слоге определения *de la rue*. Однако эта фраза ни в каком случае не может в нормальной речи иметь больше трех ударений: ударение никогда не может падать ни на подлежащее, выраженное местоимением типа *vous*, ни на такой предлог, как *de* (хотя подлежащее может быть ударным, когда оно выражено существительным, а предлог — когда он является длинным словом, как *derrière* ‘за, сзади’); формы *vous*, *de* являются проклитическими словами. С другой стороны, ударение никогда не может падать на артикль, потому что артикли *le*, *la* являются морфемами, интегрирующимися в более широкое акцентное единство. Мы считаем, что *vous tournez*, *le coin*, *de la rue* составляют виртуальные акцентные единства, хотя в том или ином высказывании их ударение остается нереализованным.

Гибкость акцентного единства проявляется не только во французском, но также и в других языках с фиксированным ударением, таких как чешский, венгерский. Но она совершенно чужда многим другим языкам, таким как английский, немецкий, русский, где все ударения реализуются всегда (как минимум через негативные приемы), каким бы ни был контекст.

Эта особенность французского языка создает впечатление, очень распространенное среди франкоговорящих, что во французском языке нет «тонического ударения»¹. И действительно, можно задаться вопросом, заслуживает ли названия ударения выделение, происходящее в рамках группы, не определенной грамматически. Мы считаем, что заслуживает, поскольку остается возможность грамматически определить виртуальное акцентное единство.

---

¹ Такое же мнение высказывается и лингвистами, например, С. К. Шаумяном (1965: 90).

ГЛАВА ПЯТАЯ

МЕСТО УДАРЕНИЯ

I. — ФИКСИРОВАННОЕ УДАРЕНИЕ: ЧЕШСКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ И Т. Д.

Если предположить, что акцентное единство в каждом языке вычленено, и если временно принять, что акцентная единица эквивалентна слогу (в главе VI мы вернемся к тем редким случаям, когда эта эквивалентность неполная), остается определить, какой слог выделяется в каждом акцентном единстве — это проблема места ударения. Именно в этом пункте типологические различия между языками наиболее значительны.

Во всех языках процедура определения места ударения подчиняется правилам, которые могут быть применены, лишь если мы располагаем некоторыми предварительными данными. Среди этих данных, одни (мы называем их универсальными данными) необходимы во всех языках, другие (мы называем их частными данными) свойственны только некоторым языкам или некоторым группам языков. Универсальными данными являются только те, что мы перечислили выше: вычленение акцентного единства, являющееся грамматической характеристикой, и установление акцентных единиц, являющееся характеристикой фонологической.

В том же, что касается частных данных, языки с ударением делятся на две большие категории: те, в которых определение места ударения не предполагает наличия каких-либо особенных грамматических данных, потому что либо достаточно универсальных данных, либо те должны быть дополнены определенными фонологическими данными — это языки с фиксированным ударением; и те, в которых место ударения должно определяться при помощи частных

грамматических данных — это языки со свободным ударением.

Типичным языком с фиксированным ударением является чешский язык. В нем после вычленения акцентных единств (слов, иногда сопровождаемых энклитиками или проклитиками) и акцентных единиц, которыми являются слоги, нет необходимости ни в каких других данных — ни фонологических, ни грамматических — чтобы применить на практике очень простое правило, которое определяет место ударения: оно всегда падает на первый слог акцентного единства. Достаточно сложные грамматические данные, без сомнения, влияют на вычленение акцентного единства. Нужно знать, к примеру, что во фразе *R'áda jsem, ž'e jsi ho n'esetkal n'a mostě* ‘я счастлива, что ты не встретил их на мосту’ слова *jsem, jsi, ho* являются энклитиками, а *ne-, na* проклитиками, и насчитывается всего 4 акцентных единства. Другие данные влияют на определение слоговой границы: в слове *pouze* ‘только’ начальный слог *pou*, а в слове *použit* ‘употреблять’ начальный слог *po*, потому что сочетание /ou/ односложно внутри одной морфемы и двусложно, если /o/ и /u/ принадлежат двум разным морфемам. Но все это относится к данным, предваряющим определение места ударения, — в процессе определения самого места ведущую роль играет чисто механическое правило.

Такое же правило существует во многих других языках: ударение также падает на начальный слог в финском, исландском и т. д.

Во французском языке ударение падает на конечный слог. И здесь проблема вычленения минимального акцентного единства и акцентной единицы, действительно реализующейся в речи, достаточно сложна (см. с. 89–91). Но если акцентное единство вычленено, ударение должно обязательно падать на последний его слог: *je suis heur'euse que tu ne l'aies p'as rencontr'é sur le p'ont* ‘я счастлива, что ты не встретил их на мосту’.

Существуют языки, в которых ударение фиксировано на предпоследнем слоге, например, польский: *rozpr'awa* ‘дискуссия’, *p'ociąg* ‘поезд’; в других оно падает на третий слог с конца, как в македонском: *vod'enica* ‘водяная мельница’, *voden'icata* ‘эта водяная мельница’, *prikaž'uvale* ‘они сказали’ (Lunt 1952: 23).

В других языках к универсальным данным, относящимся к вычленению акцентных единств и единиц, должны добавиться частные фонологические данные, относящиеся к идентификации фонем слова. Лучший пример этого представляет нам латинский язык. Для определения места ударения в латинском слове нужно идентифицировать фонемы предпоследнего слога. Если этот слог содержит долгую гласную (слог, долгий по природе, например, *far'īna* 'мука', *am'ātus* 'любимый') или если он заканчивается на согласную (слог, долгий по положению, например, *di'urnus* 'суточный', *am'antem* 'любящий'), то ударение падает на этот слог. Во всех остальных случаях оно падает на третий от конца слог: *'asinus* 'осел', *c'umulus* 'груда'. Как мы видим, здесь не играют роли никакие грамматические данные, кроме предварительного вычленения акцентного единства и слова.

Системы такого рода встречаются и в других языках. Среди диалектов древнегреческого языка лесбосский ставит ударение на предпоследний слог, если гласная последнего долгая, и на третий слог от конца, если гласная последнего краткая. В языке панджаби ударение падает на последний внутренний слог, содержащий одну из долгих гласных (/ū/, /ā/, /ī/, /e/, /o/, /æ/, /ɔ/), и на первый, если ни один из внутренних слогов слова не содержит ни одной из этих гласных: *sav'ere* 'утром', *mah'īnā* 'месяц', *kalāk'ārī* 'искусство' (во внутренних слогах имеется одна или несколько долгих гласных, последняя из них несет ударение); *d'angar^a* 'скот', *p'ich^alī* 'последняя', *s'amasiā* 'проблема' (ни один из внутренних слогов не содержит долгой гласной, ударение падает на первый слог) (Толстая 1960: 15).

На формулы панджаби, как и лесбосского, и латинского влияют лишь фонологические, но не грамматические обстоятельства, и учитывается также расстояние от границы слова: от конца слова в латинском и лесбосском, где имеют значение свойства последнего, предпоследнего, третьего слога от конца; от конца и от начала одновременно в панджаби, поскольку здесь используется понятие начального слога, а также «внутреннего» слога, то есть не начального и не конечного. Никакие грамматические данные не играют роли. Эти формулы определяют, таким образом, фиксированное ударение.

II. — КВАЗИФИКСИРОВАННОЕ УДАРЕНИЕ

В то же время для некоторых из вышеприведенных языков о фиксированном ударении можно говорить только при условии известного упрощения фактов. Имеются случаи, конечно, второстепенные, но реальные, в которых определение места ударения предполагает не только вычленение акцентного единства, но и идентификацию определенных морфем, входящих в это единство, то есть дополнительные грамматические данные. Такие языки, в этих особых случаях, ведут себя как языки со свободным ударением, где место ударения зависит от внутренней морфемной структуры акцентного единства.

А) ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

В польском языке правило ударения на предпоследнем слоге нарушается в редких случаях из-за двух серий морфем, не способных нести ударение.

1. Большинство энклитик: добавление одной или нескольких энклитик к акцентогенному слову не меняет места ударения в последнем, то есть разбивка на слоги с целью найти предпоследний происходит без учета энклитик: *powi'edział mi* 'он мне сказал' имеет то же ударение, что *powi'edział* 'он сказал'; *i w n'ocy byśmy się go b'ali* 'и ночью мы будем бояться его': группа *i w n'ocy byśmy się go* образует одно акцентное единство с двумя проклитиками (*i, w*) и тремя энклитиками (*byśmy, się, go*), и одним ударением на предпоследнем слоге слова *n'ocy* (Dесаих 1955: 16);
2. Некоторые морфемы иноязычного происхождения. В основном, это суффиксы, особенно суффикс *-ik-* (употребляющийся в словах мужского рода на *-ik* и и женского рода на *-ika*). Этот суффикс имеет свойство быть неспособным нести ударение: когда он занимает иное положение, нежели предпоследнее, ударение подчиняется обычному закону, но когда суффикс занимает предпоследнее положение, он отодвигает ударение на предыдущий слог. Так, в склонении слова *matem'atyk* 'математик': им. пад. ед. ч. *matem'atyk*, род. пад. ед. ч.

matematyk'owi (предпоследний слог занимает не суффикс, и на этот слог падает ударение); дат. пад. ед. ч. *matem'atyka*, им. пад. мн. ч. *matem'atycy* (предпоследний слог занимает суффикс, на него не может падать ударение — оно переходит на третий слог от конца). Так же в слове *m'uzyka* ‘музыка’ (им. пад. ед. ч.), вин. пад. ед. ч. *m'uzyke*, но тв. пад. мн. ч. *muzyk'ami*. Это свойство отодвигать ударение характерно и для предпоследнего слога некоторых корневых морфем иноязычного происхождения: (*Nap'oleon*, род. пад. *Napole'ona*) и даже для некоторых слогов, принадлежащих морфемам польского происхождения: *rzeczposp'olita* ‘республика’, *w'ogóle* ‘в общем’ (Grappin 1963 : 20–21).

Итак, место ударения в польском слове можно установить только после предварительного выявления некоторых морфем — немногочисленных, но часто употребляемых — препятствующих закону падения ударения на предпоследний слог. Оба типа морфем, имеющих данные акцентные особенности, обладают общей способностью отодвигать ударение; но если энклитики реализуют эту способность в любой позиции, то такие морфемы, как суффикс *-ik-*, проявляют ее лишь тогда, когда оказываются в предпоследнем слоге. Результат в любом случае одинаков: ударение на не предпоследнем слоге в польском языке возможно, хотя оно и исключительно; польский язык — это язык с квазификсированным ударением.

В) МАКЕДОНСКИЙ ЯЗЫК

В македонском языке имеются факты, аналогичные фактам польского языка. Здесь энклитики не служат препятствием закону падения ударения на третий слог от конца: *dajt'e mi go* ‘дайте мне его’, *zetajk'i mi go* ‘забирая у него это’. Но этому закону противодействуют два типа морфем.

1. Проклитики, не способные нести ударение, даже если они оказываются в третьем от конца слоге: *k'e se v'enča* ‘он женится’, *sum mi go z'el* ‘я взял у него это’ — проклитики *se*, *mi* несмотря на то, что оказываются в третьем от конца слоге, не получают ударения, — оно остается на акцентогенном слове. Исключения из этого правила

встречаются, когда те же самые слова являются не проклитическими, а энклитическими, то есть, когда они стоят не перед, а после акцентогенного слова. Это происходит во фразах, содержащих отрицательную частицу *ne* ‘не’ или вопросительные слова типа *što* ‘что?’, *kako* ‘как?’ и т. д. Такие слова образуют с глаголом, следующим за ними, одно акцентное единство, выполняя в нем роль акцентогенного слова; в их присутствии глагол становится энклитикой, а с ним и другие элементы акцентного единства, которыми он обычно управляет. Так, во фразе *n'e čekas* ‘ты не ждешь’, *što čekas* ‘чего ты ждешь’ *ne* и *što* являются акцентогенными словами, а глагол — энклитикой. В *ne k'e s'e venča* ‘он не женится’, *kako s'e vikaš?* ‘как тебя зовут?’ *ne* и *kako* являются акцентогенными словами, *k'e se venča*, *se vikaš* — энклитики; *se*, будучи уже не проклитикой, а энклитикой, становится способным принимать ударение и действительно его получает, поскольку занимает предпоследний слог. Итак, мы видим, что в случае проклизы для определения места ударения необходимы многочисленные грамматические данные.

2. Очень многие морфемы иноязычного происхождения, перетягивающие ударение на самих себя, например, суффиксы *-ir-* (от нем. *-ieren* через сербохорватский язык), *-ist* (*telefon'ira* ‘звонить’, *telefon'ist* ‘телефонист’), *-man* (= фр. *-ment*: *aranžm'an* ‘устройство’), многочисленные корневые морфемы иноязычного происхождения, перетягивающие ударение на один из своих слогов, не являющийся третьим от конца в слове (*ank'eta* ‘анкета’ *ans'ambl* ‘ансамбль’, *ant'ena* ‘антенна’). Фактически, все иностранные слова в македонском языке имеют свободное ударение, фиксированное же ударение характерно для исконных слов. Таким образом, речь идет о языке с квазификсированным ударением.

С) ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК

Ситуация в классическом латинском языке практически аналогична ситуации в польском и македонском языках. В нем

два вида морфем служат препятствием правилу фиксированного ударения, которое мы сформулировали выше.

1. Энклитики, которые всегда перетягивают ударение на слог, им предшествующий, независимо от его количественной характеристики: *bon'aque* 'и хорошая', *ill'ene* 'тот ли'. Учитывая это правило, два омонима могут отличаться только ударением: *'itaque* 'поэтому' (одно слово) и *it'aque* 'итак' (одно акцентное единство, но два слова, второе из которых энклитика);
2. Проклитики, которые не могут нести ударение. Это предлоги: *in p'edē* 'в ноге', *inter 'eōs* 'среди них'. Здесь ударение также может различить два омонима: *'adeō* 'я приближаюсь' (*ad-*, глагольная приставка — не проклитика, а неотъемлемая часть глагола), *ad'eō* 'до этого' (*ad* рассматривается как предлог, проклитика) (Juret 1921: 79–87).

Итак, каждый раз, когда вмешиваются клитики, классический латинский язык ведет себя как язык со свободным ударением, в котором некоторые морфемы имеют позитивные (автоматическое ударение на слоге перед энклитиками) или негативные (неспособность проклитик нести ударение) акцентные свойства.

В постклассическом латинском языке, если судить о нем по свидетельствам романских языков, количество морфем, приобретающих акцентные свойства, возрастает, поскольку к ним нужно добавить:

3. Приставки, которые теряют способность нести ударение, присоединяясь, таким образом, к проклитикам: класс. лат. *r'e-cipit*, посткласс. лат. *Re-c'ipit* > фр. *reçoit*, класс. лат. *'im-plicat*, посткласс. *im-pl'icat* > фр. *emploie*. Впредь ударение не может больше переходить морфологической границы, проходящей в начале корня. Нужно знать место этой границы, чтобы установить место ударения;
4. Некоторые заимствованные из галльского морфемы, принимающие ударение, не подчиняясь обычным правилам латинского языка: речь идет о галльских географических названиях: *Tr'icassois*, *T'urōnes*, *N'emausus*, где ударение на первом слоге выводится из тех форм, которые эти слова приняли во французском языке: *Troyes*, *Tours*, *Nîmes*. По

законам латинского языка, ударение должно падать на предпоследний слог (закрытый слог в слове *Tricassos*, долгая гласная в слове *Turōnes*, дифтонг в слове *Nemausus*) (Bourciez 1937: 9). Даже если речь здесь идет о местном произношении латинского языка Галлии, подвергшемся влиянию субстрата, остается тот факт, что система латинского языка допускает такую возможность. В постклассическом латинском языке, как и в польском или македонском, существование нарушений правила ударения из-за особенного поведения энклитик и проклитик делает такие же нарушения возможными в заимствованных словах. Напротив, в таких языках, как чешский или французский, где фиксированное ударение не имеет никаких исключений в исконных морфемах, иноязычные элементы также строго подчиняются этому правилу.

Мы делаем вывод, что действительно строго фиксированное ударение, то есть ударение, никогда не подвергающееся влиянию каких-либо характеристик, находящихся в связи с внутренней морфологической структурой акцентного единства, относительно редко. Мы можем привести пример чешского, финского и французского языков, языков в которых ударение именно зафиксировано на одном из крайних слогов акцентного единства. В других языках (польском, македонском, латинском) встречаются различные нарушения фиксированности ударения. Но они всегда являются особенностью периферийных морфем: периферийных в синтагматическом плане — по отношению к акцентному единству как целому, в случае с энклитиками или проклитиками; периферийных в парадигматическом плане — по отношению к другим морфемам того же типа, когда речь идет об элементах, заимствованных из другого языка. Если, как это и следует делать, основывать типологические определения на центральной зоне языковой системы, а не на его периферии, то у нас будет право рассматривать квазификсированное ударение как разновидность фиксированного.

III. — СВОБОДНОЕ УДАРЕНИЕ

А) ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В языках, которые мы только что анализировали (польский, македонский, латинский) место ударения зависит в общем случае от границы акцентного единства и его фонологической структуры, и только в небольшом количестве случаев нам приходится прибегать также к помощи сведений, относящихся к внутренней морфологической структуре акцентного единства. Если же мы представим себе язык, в котором ударение никогда не зависит от границы слова, но всегда зависит от его деления на морфемы, то получим язык со свободным ударением, примером которого может служить русский или итальянский.

Для того чтобы подчеркнуть разницу в поведении между свободным и фиксированным ударением, рассмотрим параллельно два этимологически эквивалентных слова, принадлежащих родственным языкам, имеющим противоположные типы ударения: русскому — языку со свободным ударением, и польскому — языку с ударением фиксированным. Возьмем русское слово *расправа* и польское *rozprawa* ‘дискуссия’. Эти два существительных склоняются следующим образом:

им. пад. ед. ч.	рус.: <i>распр'ава</i>	польск.: <i>rozpr'awa</i>
род. пад. мн. ч.	<i>распр'ав</i>	<i>r'ozpraw</i>
тв. пад. мн. ч.	<i>распр'авами</i>	<i>rozpraw'ami</i>

Можно сказать, что в обоих языках ударение этого существительного «фиксированное», то есть в них место ударения во всем склонении может быть предсказано на основании одного правила, действительного для всех падежей. Однако данные, влияющие на формулировку этих правил, в различных языках различны. В польском языке это фиксированность по отношению к границе слова: ударение в любых случаях падает на предпоследний слог, без учета морфологической принадлежности этого слога — нет никакой разницы, корневой он (*rozpr'awa*), префиксальный (*r'ozpraw*) или относящийся к окончанию (*rozpraw'ami*). В русском языке это фиксированность по отношению к морфеме: ударение во всех

формах этого слова падает на корневой слог, и не важно, слог этот предпоследний (*распр'ава*), конечный (*распр'ав*) или третий от конца (*распр'авами*). Морфологическое описание места ударения (на корне, окончании и др.) никогда не существенно в польском языке, а описание его исходя из границ слова (на конечном, предпоследнем и т. д. слоге) никогда не существенно в русском.

Ударение на предпоследнем слоге является почти универсальным в польском языке, тогда как накоренное ударение представляет собой частный случай в русском. Но каково бы ни было место русского ударения, оно всегда находится в зависимости от морфологического строения слова, которое необходимо определить. Некоторые русские грамматики упоминают, к примеру, парадигмы с «конечным ударением»: этот термин всегда некорректен, поскольку обусловленность ударения всегда морфологическая и никогда не зависит от границы слова. Вот две из так называемых парадигм с «конечным ударением»: настоящее время глагола *брать* и множественное число существительного *лес*:

ед. ч. 1 л. бер-'у	им. п. мн. ч. лес-'а
2 л. бер-'ёшь	вин. п. мн. ч. лес-'а
3 л. бер-'ёт	род. п. мн. ч. лес-'ов
мн. ч. 1 л. бер-'ём	дат. п. мн. ч. лес-'ам
2 л. бер-'ёте	пр. п. мн. ч. лес-'ах
3 л. бер-'ут	тв. п. мн. ч. лес-'ами

В каждой из этих парадигм всегда имеется форма, ударение в которой фактически падает не на конечный, а на предпоследний слог (*бер'ёте*, *лес'ами*); но оно везде падает на первую гласную окончания. Таким образом, термин «конечное ударение» является неправильным, нужно говорить об ударении на окончании.

Другой пример языка со свободным ударением представляет собой итальянский язык. В этом языке парадигма будущего времени кажется нам особенно регулярной с точки зрения ударения:

<i>cant-er-'o</i>	<i>cant-er-'emo</i>
<i>cant-er-'ai</i>	<i>cant-er-'ete</i>
<i>cant-er-'a</i>	<i>cant-er-'anno</i>

Между тем, если анализ проводить с точки зрения расстояния до конца слова, то никакой регулярности нет, поскольку все три формы единственного числа имеют ударение на последнем слоге, а все три формы множественного числа — на предпоследнем. Единство этой парадигмы проявляется только в том случае, если анализ проводится с точки зрения морфемного состава слова: в этом случае мы определим его одной формулой, сказав, что ударение всегда падает на первую гласную окончания. Так же в подвижной парадигме перемещение ударения экономичнее описывается с точки зрения морфем, а не с точки зрения расстояния до конца слова. В наборе форм настоящего времени глаголов *cantare* ‘петь’ и *dimenticare* ‘забывать’

<i>c'ant-o</i>	<i>di-m'ent-ic-o</i>
<i>c'ant-i</i>	<i>di-m'ent-ich-i</i>
<i>c'ant-a</i>	<i>di-m'ent-ic-a</i>
<i>cant-i'amo</i>	<i>di-ment-ich-i'amo</i>
<i>cant-'ate</i>	<i>di-ment-ic-'ate</i>
<i>c'ant-ano</i>	<i>di-m'ent-ic-ano</i>

если исходить из расстояния до конца слова, мы вынуждены будем насчитать семь форм с ударением на предпоследнем слоге, четыре на третьем и одну на четвертом от конца слоге. Правила, описывающие появление того или иного из этих типов форм, очень сложны. Напротив, при рассмотрении с точки зрения морфемного состава, эти правила очень просты: во всех формах 1-го и 2-го лица мн. ч. ударение падает на первую гласную окончания, в остальных — на корень.

В языках со свободным ударением, таких как итальянский или русский, определение места ударения всегда предполагает исследование морфологической структуры слова; в языках с фиксированным ударением, как чешский или латинский, место ударения, напротив, выводится из рассмотрения слова как фонологически членимой, но грамматически аморфной массы. Из этого вытекает, что в языках с фиксированным ударением два слова с идентичной фонологической структурой обязательно имеют одинаковое ударение, то есть не существует квазиомонимов, различающихся местом ударения. В языках с ударением свободным, наоборот, два слова с идентичной

фонологической структурой могут иметь разные ударения, если они не состоят из одних и тех же морфем.

Действительно, в языках со свободным ударением имеются пары квазиомонимов, отличающихся только местом ударения: рус. *м'ука*, *мук'a*, итал. *anc'ora* 'еще', *'ancora* 'краска' и т. д., что невозможно в языках с фиксированным ударением. Фонологи Пражской школы в этом свойстве различать омонимы видели главную функцию свободного ударения и, как отмечает А. Мартине, «забывали задать себе вопрос, не состоит ли реальная функция ударения в чем-то ином, нежели в различении нескольких дюжин пар слов или форм, которые чаще всего и не способны выступать в одном и том же контексте» (Martinet 1965a: 143).

В реальности, свободное ударение отличается от фиксированного тем фактом, что в некоторых случаях оно может помочь раскрыть морфологическую структуру слова, тогда как фиксированное ударение этого не может никогда. В немецких словах *Geb'et* 'молитва' и *g'ebet* 'дайте' ударение в первом случае выявляет корень *geb-*, во втором корень *bet-* (Trost 1964). В итальянском языке в словах *cont'ino* 'маленький граф' и *c'ontino* 'пусть считают' благодаря ударению обнаруживаются в первом именной ударный суффикс *-in-*, во втором — суффикс *-i-* сослагательного наклонения и окончание *-no* 3-го лица мн. ч., оба безударные. В русском языке то же самое происходит в словах *'уточка* и *ут'очка*. Благодаря ударению здесь обнаруживаются суффиксы *-очк-* (уменьшительный) и *-к-* (имен действия), и тот и другой преакцентные, то есть перетягивающие ударение на слог, им предшествующий. Корневые морфемы *ут-* (ср. *'утка*) и *точ-* (ср. *точ'ить*) выделяются достаточно. В новогреческом языке встречается пара [карам'ас] *καπαμᾶς* 'рагу', [к'арамас] *κάππα μας* 'наш плащ'. Ударение на *-mas* выявляет часто встречающийся суффикс, а отсутствие ударения на том же слоге — притяжательное слово — энклитику *mas* 'наш' (Mirambel 1959 : 37). Во всех случаях ударение играет эту роль идентификатора морфем: русский суффикс *-очк-* узнаваем по своему ударению не только в слове *'уточка*, но в каждом из около 150 слов на *-очка*, которые насчитывает обратный словарь; и только в одном случае

из 150, случайно, он оказывается дифференцирующим квазиомонимы на уровне слов.

Отсюда видно, что в языках со свободным ударением у морфем есть то, что можно назвать акцентными свойствами, то есть способность оказывать влияние на место ударения. Понятие «акцентные свойства морфем» появлялось уже, когда мы изучали языки с квазификсированным ударением: польский суффикс *-ik-* имеет акцентные свойства, которые можно назвать негативными, потому что они состоят в невозможности нести ударение. Но в языках со свободным ударением это понятие находит гораздо более широкую область применения. Оно всегда эмпирически признавалось грамматиками: нельзя описать русский язык без замечания, что префикс *вы-* перетягивает на себя ударение в глаголах совершенного вида (*выселить*) или что суффикс несовершенного вида *-ива-* перетягивает ударение на слог, ему предшествующий: *заглядывать*. Подобным образом, легко замечается, что в итальянском языке суффикс *-in-* перетягивает на себя ударение (*cont'ino* ‘маленький граф’, тогда как на суффикс *-is-* оно никогда не падает (*c'ivico* ‘гражданский’), или что в новогреческом языке суффикс страдательных причастий прошедшего времени *-μεν-* всегда перетягивает на себя ударение: *χαμένος* [xam'enos] ‘потерянный’, *αγαπημένος* [aɣapim'enos] ‘любимый’ (Mirambel 1959: 153).

Однако анализ акцентных свойств морфем должен идти дальше, нежели формулировка нескольких эмпирических замечаний, касающихся частных случаев. В русском языке перетяжка ударения на префикс *вы-* в глаголах совершенного вида является правилом без исключений: *выселить*, *выразить*, *выполнить* и т. д. Но этот же префикс уже не несет ударения в существительных, образованных с помощью *-ение* от тех же глаголов: *выселение*, *выражение*, *выполнение* и т. д. Ударение в этих существительных такое же, как и ударение в других абстрактных словах на *-ие*: *слитие*, *распятие* и т. д. Из этого мы делаем вывод, что здесь имеет место суффикс абстрактных существительных *-ий-* (исход, пишущийся как *-ие* и произносимый как [ijə], представляет собой суффикс *-ий-* и окончание), который имеет свойство перетягивать ударение на

слог, ему предшествующий. В таких словах, как *высел'ение*, акцентные свойства префикса *вы-* и суффикса *-ий-* вступают в конфликт, и на ударение начинают влиять свойства второго.

Подобным образом, в итальянском языке в словах на *-ura* ударение перетягивается суффиксом *-ur-*: *creat'ura* 'создание'. Но в слове *creatur'ina* 'малыш' тот же суффикс уже не несет ударения — он уступает его суффиксу *-in-*. Здесь для анализа акцентных свойств суффиксов *-ur-* и *-in-* ещё не достаточно сказать, что они «перетягивают ударение», — нужно еще выяснить, что происходит, когда две морфемы, «перетягивающие ударение», встречаются в одном слове. Для каждого языка нужно сформулировать правила разрешения конфликтов, существующих между акцентными свойствами морфем одного и того же слова.

Как мы видим, существование в языках со свободным ударением акцентных свойств морфем несколько не умаляет принцип, согласно которому ударение является свойством слова, а не морфемы. И именно в рамках слова (а точнее, акцентного единства) действуют правила, определяющие место ударения. Акцентные свойства, которыми обладают морфемы в языках со свободным ударением, являются лишь потенциальными, реализующимися в форме ударения только в рамках слова. В русском языке окончание дат. пад. мн. ч. *-ам* имеет потенциальные акцентные свойства, которые себя проявляют в том, что в некоторых словах оно перетягивает на себя ударение (*рук'ам*, *мечт'ам* и т. д.), в других же словах оно оставляет ударение другим морфемам (*р'озам*, *стар'ухам* и т. д.). Зная акцентные свойства морфемы, конкретные факты акцентуации можно предвидеть лишь при условии, что известно, в состав какого слова входит эта морфема. И наоборот, когда речь идет о не акцентном признаке, приписываемом морфеме, его конкретную реализацию можно, как мы видели, предсказать, не принимая во внимание рамки слова: окончание дат. пад. мн. ч. в чешском языке *-ám* всегда долгое, корневая гласная, предшествующая окончанию мн. ч. *-er* в немецком языке, всегда претерпевает умлаут.

Таким образом, только слова обладают ударением, морфемы же, с одной стороны, имеют отличительные признаки, а

с другой, акцентные свойства, совокупность которых образует то, что можно назвать акцентуацией морфемы. В языках со свободным ударением ударение в слове представляет собой реализацию акцентных свойств морфем, это слово составляющих.

В языках с фиксированным ударением морфемы не имеют акцентных свойств и нет никакой связи между местом ударения и различными морфемами языка. Таким образом, в этих языках морфология и акцентология четко отделены друг от друга: описывая различные морфемы, мы не упоминаем о фактах ударения; формулируя законы, определяющие место ударения, мы не обращаемся к морфологическим характеристикам. В чешской грамматике закон падения ударения на первый слог акцентного единства формулируется раз и навсегда в акцентологическом параграфе, являющемся приложением к фонологии; в морфологии же, где дается характеристика различных морфем, проблемы ударения больше не появляются.

В языке со свободным ударением разделение морфологии и акцентологии провести гораздо сложнее. Исследователи грамматики таких языков, как русский, итальянский, английский и т. д. традиционно соглашались со следующим решением. Фонология сопровождается акцентологическим параграфом, который дает чисто отрицательную информацию: в нем уточняется, что ударение не связано с границей слова; именно в этом и состоит изначальный смысл выражения «свободное ударение». В морфологии местами встречаются указания на место ударения в том или ином морфологическом образовании. Например, говорится, что в русском языке префикс *вы-* перетягивает на себя ударение в глаголах совершенного вида (но нет никакого правила, определяющего место ударения в существительных, образованных от этих глаголов); или что в итальянском языке в глаголах 3-го лица мн. ч. настоящего времени ударение падает на третий слог от конца (*c'antano*), правда обычно здесь не хватает замечания (формулировка которого, впрочем, весьма затруднительна), которое позволило бы предвидеть ударение в слове *dim'entiano* 'они забывают'. Короче, при общепринятом подходе, морфология и акцентология постоянно перемешиваются, и к тому же сумма характеристик,

представляемых в разных местах, не позволяет предсказать ударение во всех случаях. Отсюда проистекает распространенное мнение, согласно которому термин «свободное ударение» означает непредсказуемое и капризное ударение, а также серьезные педагогические трудности, испытываемые преподавателями русского, английского или итальянского языков, не имеющими другого выхода, кроме как прибегнуть к эмпиризму.

Если основываться на понятии акцентных свойств морфем, можно различить акцентологию и морфологию так же четко, как это имеет место в грамматике языков с фиксированным ударением, и сформулировать правила, определяющие место ударения в русском или итальянском языке таким же очевидным образом, как в чешском или французском языке. Необходимая процедура будет следующей:

1. Морфология предоставляет все данные относительно формы значимых единиц: она описывает их состав в терминах различительных признаков и вызываемые ими чередования. Она указывает также на их акцентные свойства. Окончание дат. пад. мн. ч. в чешском языке определяется как /a:m/ с всегда долгим звуком /a:/. Окончание дат. пад. мн. ч. в русском языке определяется как /am/ плюс некоторые акцентные свойства. Эти данные позволяют как в русском, так и в чешском языках предвидеть реализацию различительных признаков при условии, что известен непосредственный контекст. Они не позволяют ни в русском, ни в чешском предсказать место ударения;
2. Акцентология предоставляет законы, позволяющие предсказать место ударения в рамках слова. Во всех языках, как с фиксированным, так и со свободным ударением, применение этих законов предполагает, что известна вся информация о составе слова (акцентного единства). В языках с фиксированным ударением эти законы позволяют вывести место ударения из границ слова; в языках со свободным ударением они позволяют вывести место ударения из рассмотрения акцентных свойств всех морфем, представленных в слове.

В чешском языке морфология говорит нам, что *-am* — это окончание дат. пад. мн. ч., но не указывает, ударное оно или нет.

Акцентология говорит нам, что ударение всегда падает на первый слог. Таким образом, мы можем, в рамках одного слова, состав которого известен, предсказать, может ли это окончание нести ударение или нет: оно не несет его в слове *r'ukám* 'рукам', но несет в слове *hr'ám* 'играм'.

В русском языке морфология говорит нам, что *-ам* — это окончание дат. пад. мн. ч. и что оно обладает некоторыми акцентными свойствами, а именно, некоторой акцентной силой, то есть некоторой способностью перетягивать ударение. Эта акцентная сила не говорит нам, несет окончание ударение или нет. Акцентология указывает нам, как можно из акцентных свойств морфем, присутствующих в слове, вывести ударение этого слова. Место ударения выводится из акцентных свойств самой сильной морфемы, присутствующей в слове. Так, окончание *-ам* не будет ударным в присутствии суффикса *-ух-* (*стар'ухам*), или уменьшительного суффикса *-к-*, перетягивающего ударение на слог, ему предшествующий (*р'учкам*), или некоторых субстантивных корней (*р'озам*) — это морфемы, которые нужно было бы охарактеризовать в морфологии как «более сильные». Окончание *-ам* будет ударным в присутствии некоторых других корней, которые нужно охарактеризовать как «более слабые»: *ру'кам*.

Благодаря применению понятия акцентных свойств морфем, процедура, применяемая к языку со свободным ударением, параллельна процедуре, применяемой к языкам с фиксированным ударением, и результаты предсказания места ударения могут быть столь же удовлетворительными. Разница между двумя типами языков сводится к следующему: языки со свободным ударением — это те, в которых морфемы имеют акцентные свойства, а языки с фиксированным ударением — те, у морфем которых таких свойств нет.

Но в языках с фиксированным ударением акцентологические законы, позволяющие предсказать ударение на основе границы слова, от языка к языку различаются: на первом слого в чешском языке, на последнем во французском и т. д. Так же и в языках со свободным ударением законы, позволяющие предсказать место ударения на основании акцентных свойств морфем и, соответственно, сама

формулировка этих свойств, различаются от языка к языку. Разница будет даже намного больше, чем в языках с ударением фиксированным, поскольку здесь законы сложнее. В языке со свободным ударением все морфемы имеют акцентные свойства, но в слове есть только одно ударение. Таким образом, в каждом слове имеется конфликт между акцентными свойствами разных морфем, в нем встречающихся; акцентология предоставляет правила разрешения таких конфликтов, и эти правила сильно различаются в разных языках со свободным ударением.

Теперь мы должны проанализировать некоторое количество языков со свободным ударением и описать их акцентологию, то есть выяснить, в каких терминах для каждого из них должны быть определены акцентные свойства морфем, и сформулировать законы, позволяющие в каждом языке на основании этих свойств предсказать ударение в словах.

В) НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Мы начнем с немецкого языка, потому что его акцентологическая система является наиболее простой среди систем языков со свободным ударением. Проблема, которую мы здесь изучаем — это, разумеется, проблема места ударения внутри предварительно вычлененного акцентного единства. Проблема вычленения и иерархии акцентных единств была рассмотрена в главе IV. В таком слове, как *'unterge'ordneter* ‘подчиненный’ в главе IV мы выявили наличие 2-х акцентных единств: *'unter* и *ge'ordneter*; единственная проблема, которая нас интересует теперь, — это проблема места ударения на *un* в части *'unter* и на *ord* в части *ge'ordneter*.

Если рассматривать только слова германского происхождения, исключая заимствованную лексику, то правило, применяющееся в немецком языке, оказывается совершенно простым. Мы резюмируем его, сказав, что в немецком языке все акцентогенные морфемы всегда ударны и что неакцентогенные морфемы всегда безударны. Различие между акцентогенными и неакцентогенными морфемами выясняется в ходе анализа при вычленении акцентных единств: акцентогенны все корни, а также некоторые суффиксы и префиксы. В слове *ge-'ordn-et-er* —

акцентном единстве, включающем корень — именно он ударен (*ordn-*), при этом префикс *ge-*, суффикс *-et-* и окончание *-er* безударны. В слове *Erkl'är'ungen* ‘объяснение’ имеются две акцентогенных морфемы: корень *klar*, а также суффикс *-ung*, принадлежащий к классу акцентогенных суффиксов. Таким образом, различаются два акцентных единства; во втором (*-ungen*), ударение падает на гласную суффикса *-ung*.

Германисты иногда употребляют термин «логическое ударение» по отношению к ударению немецкого языка, противопоставляя его ударению соседних языков (романских, славянских и т. д.) и ударению романских заимствований в том же немецком языке, о которых мы поговорим далее. Под этим они подразумевают, что ударение всегда падает на корень, который является самым важным семантическим элементом. Но такая «логика» ударения в немецком языке идет еще дальше, поскольку в случае, когда появление отдельного акцентного единства обусловлено суффиксом, именно на этот суффикс и падает ударение. «Логика» немецкого ударения точно состоит именно в этой эквивалентности понятий «акцентогенная морфема» и «ударная морфема», которые в других языках оказываются разведенными. Таким образом, немецкий язык является языком, в котором акцентные свойства морфем выводятся из их синтаксических характеристик: именно синтаксис определяет корень путем противопоставления его аффиксам и выделяет из аффиксов список акцентогенных.

Из этой «логики» вытекает простота проблем определения ударения. Любая акцентогенная морфема предназначена для того, чтобы нести ударение, а любая неакцентогенная морфема — для того, чтобы оставаться безударной. Значит, каждое акцентное единство, по определению, имеет только одну акцентогенную морфему. Таким образом, в каждом акцентном единстве акцентные свойства различных морфем находятся в дополнительном распределении, и между ними не существует конфликта.

Эквивалентность акцентогенной морфемы и ударной морфемы в немецком — настолько фундаментальная характеристика языка, что грамматисту, работающему лишь с этим одним языком, даже не приходит в голову ее особо

отмечать, это кажется ему тавтологией. Лишь сопоставление с другими языками выявляет, что в общелингвистическом плане эти два понятия нужно различать, и с этого момента их объединение представляется фундаментальным типологическим признаком языка, в котором оно имеет место.

Между тем, германист располагает точками сравнения в самом немецком языке — их предоставляют ему заимствованные морфемы, особенно из латинского, греческого и романских языков. Для анализа акцентных свойств этих морфем необходимо различить три случая, в зависимости от того, являются ли другие морфемы, имеющиеся в слове, германскими или заимствованными.

1. Германский корень + заимствованный аффикс. — В словах с германским корнем заимствованный аффикс ведет себя как германский акцентогенный аффикс, то есть становится центром отдельного акцентного единства: в слове *B'äcker"ei* 'булочная' мы имеем германский корень *back-* и заимствованный суффикс *ei*. Отметим, что основное ударение падает на суффикс, но и среди немецких суффиксов также существует определенная иерархия (*'offen-b"ar* 'очевидный', см. главу IV).

2. Заимствованный корень + заимствованный аффикс. — В словах с заимствованным корнем закон «логического ударения» прекращает свое действие, то есть здесь не обязательно акцентогенная морфема является той, которая навязывает всему сочетанию свои акцентные свойства. Нужно учитывать акцентные свойства всех морфем слова, которые могут быть определены следующим образом:

- а) Большинство морфем такого типа перетягивают ударения на самих себя, как, например, суффиксы *-ei* (*Melod'ei* 'мелодия', *Poliz'ei* 'полиция'), *-ier-(en)* (*reserv'ieren* 'бронировать', *telephon'ieren* 'звонить по телефону'), *-ät* (*Fakult'ät* 'факультет', *Humanit'ät* 'гуманность') и т. д. Что касается корней, то они перетягивают ударение на свой последний слог: *Kan'on* 'канон', *Cous'in* 'двоюродный брат', *eleg'ant* 'элегантный' и т. д.;
- б) Небольшое их число имеет свойство перетягивать ударение не на себя, а на предпоследний слог слова: например,

суффикс *-or*: *D'oktor* ‘доктор’, мн. ч. *Dokt'oren*, ‘Автор’, мн. ч. *Aut'oren*. Некоторые корни имеют такое же свойство: *Char'akter* ‘характер’, мн. ч. *Charakt'eren*, *D'ämon* ‘демон’, мн. ч. *Däm'onen*. Здесь видно, как в рамках системы со свободным ударением акцентные свойства некоторых морфем могут выражаться в фиксированности ударения по отношению к границам слова. Это воздействие не может трактоваться как свойство окончания мн. ч. *-en*, поскольку это окончание не оказывает никакого подобного влияния на слова с германским корнем (ср. *N"achb'ar* ‘сосед’, мн. ч. *N"achb'aren*, без изменения места ударения по отношению к морфемам или, если угодно, с изменением по отношению к границе слова). Таким образом, речь идет именно о свойстве некоторых заимствованных суффиксов или корней.

Поскольку в акцентных единствах с заимствованным корнем автоматическое превосходство акцентогенной морфемы (логическое ударение) отменяется, возникают конфликты между акцентными свойствами разных морфем. Эти конфликты разрешаются согласно следующему правилу: морфемой, акцентуация которой реализуется, является та, что стоит последней в речевой цепи. Так, в слове *Kond'itor* ‘кондитер’, мн. ч. *Kondit'oren* реализуется акцентуация суффикса *-or* (ударение на предпоследнем слоге), но в слове *Konditor'ei* ‘кондитерская’ реализуется акцентуация суффикса *-ei* (перетягивающего ударение на самого себя), который стоит после суффикса *-or*. Это правило господства морфемы, стоящей последней в речевой цепи, заимствовано из романских языков одновременно с самими суффиксами.

3. Заимствованный корень + германский аффикс. — При наличии заимствованного корня, германские аффиксы ведут себя точно так же, как они вели бы себя в присутствии германского корня:

- а) Если аффикс акцентогенен, он остается таковым, и его наличие обуславливает появление нового акцентного единства: в слове *Isol"iert-h'eit* ‘изолированность’ имеется два акцентных единства, суффикс *-heit* ведет себя точно так же, как в слове *Sch"önh'eit* ‘красота’;

б) Если аффикс неакцентогенен, он остается неакцентогенным и безударным и его наличие так же не влияет на ударение в слове с иноязычным корнем, как оно не влияет на ударение в слове с германским корнем: таков случай окончания *-en* во множественном числе слов *Dokt'oren* (с ударением на предпоследнем слоге, как в слове *D'oktor*), *Konditor'eien* и т. д. (с ударением на суффиксе *-ei*, как в слове *Konditor'ei*).

Одним словом, при рассмотрении системы языка к двум классам корневых морфем (акцентогенным и, соответственно, всегда ударным, и неакцентогенным и, соответственно, всегда безударным) добавляются два других класса заимствованных морфем (перетягивающих ударение на самих себя и перетягивающих его на предпоследний слог) и небольшое число простых правил, позволяющих предсказать взаимодействие этих свойств во всех возможных комбинациях.

С) АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Для определения места ударения внутри английского акцентного единства необходимо вначале предположить, что разрешены проблемы вычленения акцентных единств и их иерархии: мы сделали это в главе IV.

Если мы рассматриваем только морфемы германского происхождения, то принцип акцентуации в английском языке такой же, как и в немецком: любая акцентогенная морфема ударна согласно принципу «логического ударения». Так, ударение падает на корень в слове *for-g'ott-en* ‘забытый’, *ch'ild-ish* ‘детский’ и т. д.; акцентогенный суффикс является «ударным» (в том смысле, в котором мы употребляли этот термин в английском языке в главе IV, то есть отмеченным негативным акцентным приемом) в слове [s'épər'eit] *separate* ‘разделять’, в котором присутствие дифтонга [ei] означает наличие второго акцентного единства [eit] на акцентогенном суффиксе [eit]. Акцентогенные суффиксы германского происхождения менее многочисленны в английском языке, чем в немецком.

Однако английский язык отличается от немецкого своим подходом к трактовке морфем иноязычного происхождения, которых здесь гораздо больше, чем в немецком, но которые

лучше интегрированы в языковую систему. Разница между двумя языками может быть обобщена следующим образом: в немецком языке, как мы видели, все заимствованные аффиксы ведут себя по-разному в зависимости от того, контактируют они с германским или заимствованным корнем. При наличии германского корня они всегда акцентогенны (*B'äcker-'ei*, с двумя акцентными единствами), при наличии же заимствованного корня они никогда таковыми не являются (*Konditor'ei*, с одним акцентным единством, в котором ударение падает на *-ei* согласно законам, свойственным словам такого типа, но в котором акцентогенной морфемой, естественно, является корень; несовпадение акцентогенной и ударной морфемы свойственно в немецком языке словам с заимствованным корнем). В английском языке, напротив, все заимствованные аффиксы в своем поведении постоянны: одни акцентогенны всегда, другие — никогда. Так, суффикс *aiz* акцентогенен как в слове [r'iəl'aiz] *realize* 'понимать' (заимствованный корень), так и в слове [t'eiləg'aiz] *taylorize* 'тейлоризовать'* (германский или ассимилированный корень), а суффикс [ətiv] *-ative* не акцентогенен никогда — ни в слове [n'ægətiv] *narrative* 'повествовательный' (заимствованный корень), ни в [t'ɔ:kətiv] *talkative* 'разговорчивый' (германский корень). Из этого следует, во-первых, что слова с заимствованным корнем имеют тенденцию распадаться на мелкие акцентные единства подобно германским словам с акцентогенным аффиксом: существующее в немецком языке различие между короткими акцентными единствами германских слов и длинными акцентными единствами слов заимствованных (*B'äcker-'ei*, *Konditor'ei*), не обнаруживается в английском языке. Во-вторых, из этого следует также, что законы, касающиеся места ударения при наличии заимствованных морфем, в английском языке формулируются по-другому, чем в немецком.

1. Германский корень + заимствованный аффикс. — Излишне говорить, что если аффикс акцентогенен, то он ведет себя как акцентогенный германский суффикс

---

* Глагол, образованный от имени Ф. У. Тейлора (1856–1915), американского инженера, основателя теории научной организации труда (Прим. перев.).

(*taylorize*, два акцентных единства, как в *realize*), если нет — как германский неакцентогенный суффикс (*talkative*, ударение на корне, как в *talking* ‘говорящий’);

2. **З а и м с т в о в а н н ы й к о р е н ь + з а и м с т в о в а н н ы й а ф ф и к с .** — В акцентном единстве, состоящем только из заимствованных элементов, закон «логического ударения» не действует, и поэтому видно, как проявляются акцентные свойства неакцентогенных морфем; в данном случае это аффиксы, поскольку корень является морфемой акцентогенной. С точки зрения своих акцентных свойств заимствованные морфемы подразделяются на три класса:

а) Большинство из них перетягивает ударение на третий от конца слог слова: *ph'otograph* ‘фотография’, *phot'ography* ‘фотографирование’, *photogr'aphical* ‘фотографический’; *c'atholic* ‘католический’, *cath'olicism* ‘католицизм’, *cathol'icity* ‘католичество’. Однако, применяя это правило, следует не считать центром слога ни гласные-сонанты, ни /i/, стоящее после /r/: в словах [kəθ'ɔlisizm] *catholicism*, [k'ɔmfətəbl] *comfortable* ‘удобный’, [t'eritəri] *territory* ‘территория’, [f'ounətəri] *phonatory* ‘фонационный’ ударным фактически является четвертый слог от конца, то есть, чтобы применить правило, надо не считать последний слог (содержащий /m/, /l/ или /ri/);

б) Небольшое число часто встречающихся суффиксов перетягивают ударение на предпоследний слог: *-ic* (*photogr'aphic* ‘фотографический’, *el'ectric* ‘электрический’), *-ious* (*prop'itious* ‘благосклонный’, *amb'itious* ‘честолюбивый’);

в) Небольшое число корней перетягивают ударение на последний слог: *Jap'an* ‘Япония’, *pol'ice* ‘полиция’.

Здесь, еще более явно, чем в заимствованных словах немецкого языка, мы наблюдаем морфемы, имеющие акцентное свойство фиксировать ударение на некотором расстоянии от конца слова. Мы не можем говорить о фиксированном ударении, поскольку эта фиксация ударения является не автоматической, а подчиненной свойствам некоторых морфем. Таким образом, английский язык остается языком со свободным ударением в полном смысле слова. Однако слова, состоящие только из

морфем одного класса, образуют, так сказать, подсистему с фиксированным ударением. Такая ситуация часто имеет место с морфемами класса (а) (ударение на третьем от конца слоге), потому что эти морфемы являются самыми многочисленными среди заимствованных морфем. Слова, приведенные в пример под рубрикой (а), абсолютно все состоят из морфем этого типа (кроме *photogr'aphical*, содержащего суффикс *-ic-*).

Если бы все слова, целиком состоящие из заимствованных морфем, были бы однородными, то есть образованными из морфем одного класса (а, в или с), проблема господства одной морфемы над другой не стояла бы, поскольку точкой отсчета ударения в каждом из трех классов является конец слова: в слове, целиком состоящем из морфем класса (а), как *cathol'icity*, невозможно определить, которая из морфем ответственна за ударение на третьем от конца слоге.

Однако существуют и многочисленные гибриды, то есть слова, содержащие морфемы различных классов, и в этих гибридах имеется конфликт между акцентными свойствами различных морфем. Эти конфликты разрешаются в соответствии с тем же правилом, действие которого мы видели в похожих случаях в немецком языке: морфемой, акцентные свойства которой реализуются, является последняя.

Например, в слове *photogr'aphic* у нас имеются морфемы *photograph-* (класс (а), ср. *ph'otograph*) и *-ic*, класс (b). Здесь реализуются акцентные свойства морфемы класса (b), то есть ударение падает на предпоследний слог.

3. Заимствованный корень + германский аффикс. — Германский аффикс добавляется к корню или к заимствованной основе, не меняя их ударения. Однако, поскольку место ударения в заимствованных словах считается от конца слова, этот счет изменяется после добавления германского аффикса, если он слоговой. Так, слово *photogr'aphically* имеет ударение на том же слоге, что и в слове *photogr'aphical*, но в слове *photogr'aphically* это ударение падает уже не на третий от конца слог, а на 4-й. Добавленные германские аффиксы играют по отношению к подсистемам с фиксированным ударением английских заимствованных слов ту же роль, что энклитики по

отношению к системе с фиксированным ударением польского языка.

Итак, английский язык, как и немецкий, является языком со свободным ударением, внутри которого существуют подсистемы с фиксированным ударением. В центральной области системы царит, как в немецком языке, «логическое ударение», то есть абсолютное совпадение акцентогенной и ударной морфемы. В анализе ударения как в английском, так и в немецком языке, нам пришлось уделить больше внимания изучению периферийных подсистем заимствованных слов, потому что они более сложны. При этом, однако, не следует забывать, что область «логического ударения» занимает центральную зону системы. Похоже, что этот принцип является общим для всех германских языков и позволяет, в итоге, определить «германский тип» свободного ударения, характеризующийся тем фактом, что акцентные свойства морфем выводятся из их синтаксических характеристик.

Д) ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК

В итальянском языке, как и в исконных частях словаря немецкого и английского языков, морфемы делятся только на два класса, которые мы назовем «акцентными морфемами» и «анакцентными морфемами». Принадлежность той или иной категории предугадывается только частично, основываясь на синтаксической природе морфем:

1. Всегда акцентны корни;
2. Всегда анакцентны:
  - а) окончания имен существительных и имен прилагательных: *n'uoṽ-o* 'новый', *n'uoṽ-a* 'новая', *n'uoṽ-i* 'новые (м. р. мн. ч.)', *n'uoṽ-e* 'новые (ж. р. мн. ч.)';
  - б) энклитики: *d'a-te-me-lo* 'дайте мне это';
  - в) префиксы и проклитики;
3. Могут быть как акцентными, так и анакцентными:
  - а) окончания глаголов. Например, в настоящем времени: окончания ед. ч. и окончания 3-го лица мн. ч. анакцентны: *c'anto* 'пою', *c'anti* 'поёшь', *c'anta* 'поёт', *c'antano* 'поют'; окончания 1-го и 2-го лица мн. ч. акцентны: *cant-i'amo* 'поём', *cant-'ate* 'поёте'. В будущем

времени все окончания акцентны: *cant-er-'o* ‘буду петь’, *cant-er-'ai* ‘будешь петь’ и т. д.;

- б) суффиксы. Примеры акцентных суффиксов: *-in-* (*cont-'in-o* ‘маленький граф’), *-an-* (*rom-'an-o* ‘римский’), *-ur-* (*cre-at-'ur-a* ‘создание’); примеры анакцентных суффиксов: *-ic-* (*c'iv-ic-o* ‘городской’), *-il-* (*f'ac-il-e* ‘легкий’).

Многосложные акцентные морфемы могут иметь ударение на том или ином из своих слогов. Например, корни слов *matt'in-a* ‘утро’, *virt'ù* ‘добродетель’ несут ударение на последнем слоге; в словах же *'oper-a* ‘дело’, *'asin-o* ‘осел’ ударение падает на первый.

В итальянском языке акцентогенны только корни, но не только они бывают акцентными: совпадения ударения с акцентогенной морфемой, являющегося принципом в германских языках, здесь не отмечается. Из этого вытекает, что одно и то же акцентное единство может содержать несколько акцентных морфем, и тогда в слове возникает конфликт между этими морфемами. Такие конфликты разрешаются согласно следующему правилу: морфемой, которая перетягивает ударение, является всегда та из акцентных морфем, которая стоит последней.

Например, в слове *'oper-a* ‘произведение’ имеется только одна акцентная морфема, корень: именно на него падает ударение; в слове *oper-'os-o* ‘трудолюбивый’ есть две акцентные морфемы: корень и суффикс *-os-*: и именно он, стоящий последним, перетягивает ударение. В слове *oper-os-it'à* ‘трудолюбие’ появляется третья акцентная морфема, суффикс *-ita*: этот суффикс перетягивает ударение, потому что он стоит последним.

То же явление наблюдается в словах *f'us-o* ‘веретено’, *fus-'ell-o* ‘то же’, *fus-ell-'at-o* ‘обтекаемый’, *fus-ell-at-'ur-a* ‘фюзеляж’.

В слове *di-m'ent-ic-a* ‘он забывает’ ударение падает на корень, единственную акцентную морфему; в слове *di-ment-ich-er-'a* ‘он забудет’ оно переходит на акцентное окончание глагола будущего времени *-a*. Суффиксы *-ic-* и *-er-* анакцентны.

Законы, приведенные выше, адекватно описывают поведение ударения в итальянском языке. В частности, нужно отметить, что ударение является совершенно свободным и что не

существует закона ограничения его тремя последними слогами слова, как это иногда ошибочно утверждается (Трубецкой 1939: 235). Без сомнения, слова с ударением перед третьим от конца слогом, относительно редки, потому что все корни акцентны, а три слога подряд, состоящие из анакцентных аффиксов, встречаются редко. Но когда это все-таки имеет место, сформулированный нами закон применяется строго, без каких-либо ограничений: так, к примеру, происходит в форме *di-m'ent-ic-ano* 'они забывают'. Именно морфологии принадлежит последнее слово в определении места ударения — речь идет о языке с неограниченной свободой ударения.

Конечно, правила, сформулированные выше, не отменяют основной педагогической трудности обучения ударению в итальянском языке, которая состоит в том, чтобы определить, в каких из корней ударение падает на последний слог (*matt'in-a, virt'ù*), а в каких на предпоследний (*'oper-a*). Это уточнение должно фигурировать в определении морфем и, поскольку речь идет о лексических морфемах, в лексике. Но эти правила обеспечивают, на основании таких первичных данных, более точное и более простое описание совокупности фактов.

В целом, фундаментальной для определения места ударения характеристикой итальянского языка является господство последующей акцентной морфемы над предшествующей, то есть релевантность порядка следования морфем в речевой цепи. Важность этого факта, возможно, ускользнула из поля зрения романистов; насколько нам известно, до сих пор он никогда не упоминался. Это означает, что, как и совпадение ударения с акцентогенной морфемой в немецком языке, он является неотъемлемой принадлежностью романской системы и связан с особенностью, характеризующей ее внутреннюю работу. Но большой типологический интерес такого господства последующей морфемы над предшествующей связан с тем, что оно свойственно романским языкам и не наблюдается в соседних лингвистических областях: ни в германских языках, где принцип логического ударения снимает конфликты между морфемами одного слова, ни в славянских языках со свободным ударением, где конфликты между морфемами разрешаются по совершенно иным правилам, не дающим никаких привилегий морфеме,

стоящей последней. Романский принцип господства морфемы, стоящей последней, проникает в славянские и германские языки только в отношении заимствований: мы уже констатировали это для немецкого и английского языков, а ниже увидим и для русского.

Этот принцип свойственен не только итальянскому, но и всем другим романским языкам со свободным ударением (то есть всем за исключением французского, имеющего фиксированное ударение, и провансальского, имеющего ударение ограниченной свободы, см. с. 131). Без сомнения, акцентуация в испанском или румынском языках не полностью идентична акцентуации итальянского языка. Статистика, несомненно, выявит, что испанское слово, в среднем, имеет ударение ближе к концу, а итальянское или румынское слово — дальше от конца. Это связано с особенностями морфологии данных языков: испанский язык утратил большее число анацентных аффиксов или безударных слогов в корнях, румынский же, напротив, развил анацентные аффиксы, обогатившись суффиксами славянского происхождения и допустив употребление энклитического артикля в постпозиции, поэтому в нем встречаются слова, в которых ударение падает на 5-й слог от конца, как в слове *b'ivol-iț-e-le* 'буйволицы'. Но если предполагаются известными акцентные свойства различных морфем, то правила, фиксирующие на их основании место ударения, оказываются совершенно одинаковыми для всех языков. Разница между ними относится к области морфологии, а не акцентологии. Поэтому очевидна важность четкого разграничения двух этих областей.

Е) РУССКИЙ ЯЗЫК

В русском языке акцентные свойства морфем не зависят ни от их синтаксической природы, как в немецком языке, ни от их порядка, как в итальянском. Они непредсказуемы. Но если предположить, что они известны, то ударение в словах становится предсказуемым, как и в других рассматриваемых языках. Каждая русская морфема характеризуется двумя акцентными свойствами: местом акцентуации и акцентной силой.

1. Место акцентуации в морфеме — это не то же самое, что место ударения в слове. Это место, которое морфема пытается навязать ударению слова, в состав которого она входит. С точки зрения места акцентуации, русские морфемы делятся на четыре категории:

- a) Автоакцентные морфемы — морфемы, которые перетягивают ударение на самих себя. Например: суффиксы несовершенного вида *-а-*, *-ва-*: *за-пи-р'-а-ть*, *раз-би-в'-а-ть*, окончание предл. пад. *-у* в слове *в лес-у*, суффикс, обозначающий детенышей животных *-ён-*: *тел'-ён-ок*. В двусложной автоакцентной морфеме ударение может падать на один из ее слогов: таким образом, различаются корень *дор'ог-* в слове *дор'ог-а* и корень *дóрог-* в слове *д'орог-о* (ср. р. краткой формы прилагательного).
- b) Преакцентные морфемы — морфемы, которые перетягивают ударение на слог, стоящий перед ними. Например: суффикс несовершенного вида *-ыва-* (*за-гляд-ыва-ть*), суффикс сравнительной степени *-е* (*дор'ож-е*), уменьшительный суффикс существительных ж. р. *-к-* (*гол'ов-к-а*), уменьшительный суффикс *-очк-* (*'ут-очк-а*);
- c) Постацентные морфемы — морфемы, которые перетягивают ударение на слог, следующий за ними, если таковой имеется. Например: *-як-* (*мор'як*, род. пад. *моряк'а*); *-ец-* (*кузн'ец*, *кузнец'а*); суффикс причастия *-ён* (*приглаш'ён*, ж. р. *приглашен'а*, ср. р. *приглашен'о*). Поскольку постацентные морфемы всегда заканчиваются на согласную, можно сказать, что в действительности речь идет о морфемах, ударение в которых падает на согласную.
- d) Рецессивные морфемы — морфемы, которые перетягивают ударение на первый слог слова. Например: корень *да-* ‘дать’ (*'от-да-л*), корень *жи-* ‘жить’ (*п'ере-жи-л*), суффикс *-ен'* (*р'оз-лив-ень* ‘половодье’, *п'ере-ч-ень*), нулевой суффикс с палатализацией предыдущей согласной, служащий для образования производных женского рода, который мы видим в словах *л'ет-о-пись*, *н'е-нависть*, *п'о-честь*;

2. Акцентной силой называется склонность морфемы получать ударение в словах, в состав которых она входит. В

каждом слове реализуется акцентуация самой сильной морфемы; ударение других морфем остается скрытым. В примерах, приведенных выше для иллюстрации места акцентуации морфемы, нам пришлось в каждом случае выбрать слово, в котором морфема рассматриваемого типа была бы наиболее сильной. Так, в слове *д'орог-о* корень *д'орог-*, имеющий ударение на первом слоге, сильнее, чем окончание *-о*, но в форме сравнительной степени *дор'ож-е* этот корень менее сильный, чем суффикс сравнительной степени *-е*, являющийся преакцентным.

Понятия места акцентуации и акцентной силы находятся, так сказать, в диалектических отношениях, они имеют смысл только одно по отношению к другому. Место реализуется, только если это позволяет сила, сила же проявляется только через реализацию места.

Возьмем, например, слово *вытрезв'итель*. Оно включает в себя 5 морфем: приставку *вы-*, корень *трезв-*, глагольный суффикс *-и-*, суффикс предмета действия *-тель-*, нулевое окончание. Отбросив пока последнюю (к нулевым морфемам мы вернемся позже), займемся четырьмя остальными.

- а) В слове *вы-трезв-'и-тель* ударение объясняется свойствами суффикса *-тель*, как показывает сравнение со многими другими словами на *-итель*. Самой сильной морфемой является, таким образом, преакцентная морфема *-тель*;
- б) Если мы уберем суффикс *-тель*, у нас получится глагол *в'ы-трезв-и-ть*. Здесь ударение объясняется автоакцентной приставкой *вы-*, как это показывает сравнение со всеми другими глаголами совершенного вида на *вы-*. Таким образом, *вы-* сильнее, чем морфемы *трезв-* и *-и-*;
- с) Если мы уберем приставку *вы-*, у нас получится глагол *о-трезв-'и-ть*. Значит, самой сильной морфемой здесь является суффикс *-и-*, который сильнее, чем корень *трезв-*.

Иерархия морфем слова может, таким образом, устанавливаться следующая (значок > употребляется в значении «сильнее чем»):

-тель > вы- > -и- > трезв-

Если обозначить акцентную силу цифрой, чтобы самая сильная морфема, имела наибольшую цифру, и место

акцентуации отметить значком (автоакцентная — без значка; преакцентная: -'тель, постакцентная: -ак'-, рецессивная: -"ень-), слово можно записать так:

вы₃-трезв₁-и₂-'тель₄

Эта формула, где каждая морфема имеет указание своих акцентных свойств, проявляющихся и во всех других ее употреблениях, позволяет предопределить ударение в слове.

Определив акцентные свойства четырех морфем, мы делаем предсказуемым ударение небольшого количества слов, в которых эти морфемы фигурируют. Если мы предположим, что согласно тем же методам определены акцентные свойства всех морфем языка, то сможем аналогичным образом предугадать ударение во всех словах.

Конечно, действуя в рамках всей языковой системы, мы должны использовать более широкую цифровую шкалу, нежели от 1 до 4, которую мы использовали для 4-х морфем. Но не нужно считать, что каждая новая морфема будет добавлять новый ранг: морфемы группируются в ранги одинаковой силы, которые могут обозначаться одинаковой цифрой. Например, окончания дат., предл., тв. пад. -ам, -ах, -ами принадлежат одному ряду, поскольку во всех словах без исключения в этих трех случаях ударение одинаково. Морфология выявляет множество таких же эквивалентных отношений, как те, что традиционная грамматика выражает, показывая, что можно вывести ударение одной формы из ударения другой (например, ударение повелительного наклонения из ударения 1-го лица настоящего времени: *говор'ю, говор'и*, но *бр'ошу, брось*) или что парадигмы группируются по типам акцентуации (например, слова *голов'а, бород'а* и многие другие принадлежат к одному «типу», то есть во всех падежных формах их ударение одинаково; это означает, что акцентные свойства корней *голов-*, *бород-* и т. д. идентичны). Учитывая все факты такого рода, мы можем оперировать небольшим количеством рангов иерархии морфем. Мы получим достаточно удовлетворительную приблизительную картину, выделив 6 рангов, которые будут обозначены цифрами от 0 до 5, при условии введения, кроме того, правила, гласящего, что, если две морфемы одного ранга встречаются в одном слове,

верх одерживает морфема, стоящая первой. Это правило подтверждается такими словами, как *ц'елостность*, в котором преакцентная морфема *-ость* встречается два раза, и верх одерживает первая из них. Таким образом, порядок играет роль и в русском языке, но в гораздо меньших пределах, чем в итальянском (поскольку рангов больше), и в обратном направлении: верх одерживает морфема, стоящая первой, тогда как в итальянском языке наиболее главная морфема последняя.

Акцентные свойства морфем лишь частично предугадываются на основании их синтаксических характеристик. Например, все префиксы и проклитики имеют наименьшую акцентную силу, исключая *вы-*. Каждый раз, когда ударение падает на префикс (кроме *вы-*) или на проклитику, его нужно объяснять воздействием преакцентной (*п'о-сл-а-нн-ый*, *пер'е-г-ну-т-ый*) или, чаще всего, рецессивной морфемы (*пр'о-да-л*, *п'ере-жи-л*, *н'а рук-и*, *'от-тепель*). Корни могут быть только автоакцентными или рецессивными (*пр'о-да-л* — рецессивный корень; *за-бр'а-л* — автоакцентный корень).

Акцентные свойства не являются чем-то, свойственным только слоговым морфемам, то есть морфемам, содержащим гласную. Морфемы, состоящие исключительно из согласных, имеют их также: например, две формы глагола *отдать* — прошедшее время *'от-да-л* и инфинитив *от-д'а-ть* — имеют разное ударение, а различаются они только своими неслоговыми морфемами *-л* и *-ть*: в слове *'от-да-л* наблюдается господство корня с рецессивной акцентуацией *да-*, а в слове *от-д'а-ть* — господство окончания инфинитива *-ть*, не являющегося, однако, слоговым. Таким же образом в слове *гол'ов-к-а* реализуется преакцентность уменьшительного суффикса *-к-*, ведь при реализации акцентуации корня ударение оказывается на первом его слоге: *г'олов-у* (вин. пад.).

Нулевые морфемы также имеют акцентуацию. То же слово *голова* в род. пад. мн. ч. имеет форму *гол'ов*: ударение на втором слоге корня объясняется акцентными свойствами нулевого окончания род. пад. мн. ч., которые идентичны свойствам дат., предл., твор. пад. мн. ч.: окончание перетягивает ударение на самого себя в словах *гол'ов* (род. пад.), *голов'ам*, *голов'ах*, *голов'ами* (дат., предл., твор. пад.). В производных именах

существительных женского рода типа *л'етопись*, *п'омощь*, *'оттпель* проявляется нулевой суффикс с рецессивной акцентуацией и очень большой акцентной силой, поскольку производные такого типа все, без исключения, имеют ударение на первом слоге во всех падежах.

Может показаться странным факт приписывания акцентных свойств морфемам, не стоящим в центре слога. Следует помнить, однако, что морфема и слог представляют собой две единицы разного плана. Слог, фонологический элемент, является акцентной единицей: он несет на себе ударение. Морфема, сегмент первого членения, в языках со свободным ударением является определяющим фактом для установления места ударения. Ударение «вырабатывается» в морфемах и падает на слоги. Превосходство в области акцентной силы одной морфемы над другой реализуется в фонологическом плане через акцентный контраст одного слога с другим. Именно отсутствие различия этих двух планов было, без сомнения, источником трудностей, которые долгое время служили препятствием правильному описанию функционирования ударения в русском языке.

Прогнозируемость ударения основывается на постоянстве акцентных свойств морфем. Это постоянство не абсолютно: некоторые морфемы предстают в двух алломорфах, имеющих разные акцентные свойства. Однако свойства того и другого всегда могут быть точно описаны, и поэтому границы неопределенности могут быть существенно сужены.

Например, окончания настоящего времени, кроме окончания 1-го лица ед. ч., имеют два варианта, один автоакцентный, другой преакцентный: *говор-'ит*, но *мол'от-ит*. Речь идет именно о реализации акцентуации окончаний, поскольку корень реализует свою собственную акцентуацию на первом слоге: *г'овор*, *м'олот*. То есть, существует два варианта окончания, выбор которых нельзя предугадать. Этот дублет отвечает за подвижное ударение и за ударение на окончании в настоящем времени глаголов.

В именах прилагательных существует два варианта полных окончаний: автоакцентное *-ой* и преакцентное *-ой* (пишется *-ый*) *слеп-'ой*, но *н'ов-ый*; *времен-н-'ой*, но *вр'емен-н-ый*. Здесь отмечается некоторая семантическая разница между двумя

вариантами, причем автоакцентный (более редкий) вариант часто имеет уничижительное или техническое значение. Таким образом, речь идет не о двух вариантах одной морфемы, а о двух разных морфемах.

Подобные случаи являются источником самых труднопреодолимых препятствий в обучении русскому ударению. Они также соответствуют тем областям, в которых язык проявляет колебания или имеет дублеты¹. Поэтому правомерно рассматривать их отдельно; метод, предложенный здесь, не полностью исключает область непредвиденного, но значительно ее ограничивает.

Теперь мы можем показать, как этот метод позволяет описать ударение в некоторых морфологических категориях. В качестве примера мы выберем склонение существительных женского рода на *-а*. Совокупность существующих форм может быть представлена следующей таблицей (каждое существительное является представителем всех существительных того же типа, а каждое окончание — всех окончаний того же типа).

Им. п. ед. ч.	<i>к'омнат-а</i>	<i>земл'-я</i>	<i>голов'-а</i>
Вин. п. ед. ч.	<i>к'омнат-у</i>	<i>з'емл-ю</i>	<i>г'олов-у</i>
Им. п. мн. ч.	<i>к'омнат-ы</i>	<i>з'емл-и</i>	<i>г'олов-ы</i>
Дат. п. мн. ч.	<i>к'омнат-ам</i>	<i>з'емл-ям</i>	<i>голов'-ам</i>
Им. п. ед. ч.	<i>борозд'-а</i>	<i>сирот'-а</i>	<i>резед'-а</i>
Вин. п. ед. ч.	<i>борозд'-у</i>	<i>сирот'-у</i>	<i>резед'-у</i>
Им. п. мн. ч.	<i>б'орозд-ы</i>	<i>сир'от-ы</i>	<i>резед'-ы</i>
Дат. п. мн. ч.	<i>борозд'-ам</i>	<i>сир'от-ам</i>	<i>резед'-ам</i>

Морфемы, фигурирующие в этой таблице, распределяются с точки зрения акцентной силы по следующим рангам:

Ранг 3: *комнат-*, *-а*, *-ам*

Ранг 2: *земл'-*, *голов-*, *-у*

Ранг 1: *борозд-*, *-и*

Ранг 0: *сирот-*, *резед-*

Кроме того, все окончания множественного числа имеют два варианта: один автоакцентный *-и*, *-ам*, другой преакцентный *-*

¹ См. Kiparsky 1962.

'и, -'ам. Преакцентные окончания присутствуют в типах *земл'я*, *сирот'а* (которые отличаются этим от типов *голов'а*, *резед'а*).

Если рассматривать формы с автоакцентными окончаниями (все формы единственного числа и формы множественного числа всех типов, кроме *земл'я* и *сирот'а*), видно, что если корень принадлежит к такому же или более сильному рангу, чем окончание, то ударение падает на него; если же он принадлежит более слабому рангу, ударение падает на окончание.

В дат. пад. мн. ч. таких слов, как *земл'я* и во всех формах мн. ч. таких слов, как *сирот'а*, реализуется именно акцентуация окончания, но, поскольку это окончание выступает в форме преакцентного, ударение падает на слог перед окончанием: *з'емлям*, *сир'оты*, *сир'отам*. Мы, по мере возможности, выбрали примеры с двуслоговыми корнями, чтобы показать разницу между ударением, падающим на слог перед окончанием (*сир'оты*, *сир'отам*) и накоренным ударением (*г'олову*, *б'орозду*). Корень слова *земл'-я* в большинстве падежей односложный, но в род. пад. мн. ч. он выступает в двусложной форме (*зем'ель*), и здесь видно, что ударение именно на слоге перед окончанием, а не на корне.

Эта таблица учитывает все склонения любых существительных на *-а*.

Для каждой морфологической категории можно начертить частные таблицы, а затем сгруппировать их в сводную таблицу для всей совокупности языка. Так можно определить акцентные свойства всех морфем и предсказать ударение в любом слове.

В русском языке, как и в немецком или английском, некоторые заимствованные морфемы имеют особые акцентные свойства. Речь идет о суффиксах, выступающих в «европеизмах» (словах греческого, латинского, французского и т. п. происхождения). Когда несколько суффиксов такого рода следуют друг за другом, именно последний из них навязывает свою акцентуацию. Таким образом, серии слов *аспир'ант*, *аспирант'ура* или *интерв'ент*, *интерв'енция*, *интервенци'онный*, *интервенцион'ист* представляют собой то же явление господства морфемы, стоящей последней, что и серии итальянских слов *f'uso*, *fus'ello*, *fusell'ato*, *fusellat'ura*. Здесь, как и в немецком или английском языке, одновременно с морфемами был заимствован и принцип романской акцентуации.

Трудность русской акцентной системы в глазах иностранца состоит в том, что ни один из ориентиров, помогающих определить ударение в других языках, не работает в русском: нельзя опереться ни на границу слова, являющуюся релевантной в языках с фиксированным ударением, ни на синтаксическую природу морфем, определяющую ударение в германских языках, ни на последовательность, играющую важную роль в романских языках. Здесь мы имеем дело со свободной игрой акцентных свойств морфем.

Такой тип акцентуации свойственен не только русскому языку, — он без каких-либо изменений обнаруживается почти во всех славянских языках со свободным ударением, например, в белорусском, украинском, болгарском и сербохорватском с их различными диалектами. Только словенский язык имеет несколько отличную систему. Мы не можем еще проанализировать акцентные системы сербохорватского или словенского языка, потому что в этих языках, кроме прочего, встают проблемы вычленения акцентной единицы (слога или моры), которые будут проанализированы в главе VI. Но мы можем уже отметить, что германской системе (с логическим ударением) и романской системе (с господством последней акцентной морфемы) противопоставляется славянская система акцентуации (со свободной конкуренцией акцентных свойств морфем).

Г) ДРУГИЕ СИСТЕМЫ СО СВОБОДНЫМ УДАРЕНИЕМ

Существует еще много других систем со свободным ударением, каждая из которых имеет свои собственные критерии для определения места ударения на основе акцентных свойств морфем и, вследствие этого, для описания последних. Мы не задаемся целью проанализировать все их здесь. Приведем в качестве примера турецкий язык, по поводу которого Ж. Дени пишет: «В основах, если они выступают без окончаний, ударение падает на конец; ...что касается окончаний, некоторые из них перетягивают ударение, другие же оставляют его на основе» (Deny 1955 : 142). Эти замечания указывают на систему свободного ударения, похожую на ту, которая действует в итальянском языке.

Акцентные свойства морфем японского языка были описаны Й. В. Неуступным (Neustupný 1959). Из этого описания можно сделать вывод, что, как в японском языке, так же как и в русском, следует различать место акцентуации и акцентную силу. С точки зрения места, существуют автоакцентные морфемы, перетягивающие ударение на себя, например, *-mas* (суффикс вежливости), *-mai* (отрицательный суффикс настояще-будущего времени), преакцентные морфемы, перетягивающие ударение на конечный слог предыдущей морфемы, например, *-tsutsu* (деепричастие), а также другие категории.

С точки зрения акцентной силы, можно различать морфемы «доминантные» и «относительные», «атонические» и «тонические» и формулировать правила, описывающие пересечение этих различных категорий.

Из этого видно, что разнообразие акцентных систем не имеет границ. Нужно провести немало исследований, чтобы описать с этой точки зрения максимально возможное количество языков, выявляя в каждом действительно релевантные факторы и различая универсальные черты и черты, свойственные частным системам. Без всякого сомнения, эта область исследований еще таит в себе неожиданности.

IV. — УДАРЕНИЕ С ОГРАНИЧЕННОЙ СВОБОДОЙ

Фиксированное ударение — это такое ударение, место которого зависит от границы слова, а свободное ударение — такое, место которого зависит от акцентных свойств морфем. Там, где правила определения места ударения одновременно опираются на акцентные свойства морфем и на границы слова, мы имеем дело с ударением с ограниченной свободой.

В языке с ограниченной свободой ударения морфемы обладают акцентными свойствами, на основании которых формулируются законы, определяющие место ударения. Но эти законы действуют только внутри «акцентной зоны», вычисляемой исходя из границы слова. Наиболее известными являются примеры из древнегреческого языка, где «акцентная зона» включает в себя три последних моры слова, и из новогреческого, где она включает три последних слога.

Поскольку проблема мор еще не затрагивалась (мы рассмотрим ее в главе VI), остановимся на случае новогреческого языка.

В этом языке место ударения имеет морфологическое значение. Существуют, например, суффиксы, перетягивающие ударение на самих себя (*πεῖρασμός* [p'iraz-m'os] 'желание', *ὀλιγάκι* [oliγ-'aki] 'чуть-чуть'), и суффиксы, оставляющие его на корне (-*μα* в слове *πέρασμα* [p'eraz-ma] 'проход'). Короче говоря, в греческом языке можно определить, как в русском или итальянском языках, акцентные свойства морфем¹.

Однако свободной морфологической игре ударения препятствует закон ограничения ударения тремя последними слогами слова. Констатировать существование этого закона, можно на основании наблюдения, что ударение действительно всегда падает на один из трех последних слогов. Но нужно отметить, кроме того, что это происходит не вследствие простой игры морфологических законов, в некоторых же случаях, даже вопреки им. Так, суффикс *-μα* не перетягивает ударения на себя, оставляя его корню. Таким образом, наличие этого суффикса обычно не влечет за собой какого бы то ни было перемещения ударения в парадигмах: *χρῶμα* [xg'oma] 'цвет', мн. ч. *χρώματα* [xg'omata]. Но в словах этого типа форма множественного числа (и другие падежные формы) имеет на один слог больше, чем форма им. пад. ед. ч.; если в им. пад. ед. ч. ударение уже падает на третий слог от конца, то во множественном числе оно уже не может оставаться на том же слоге, который становится 4-м от конца, — оно снова переходит на 3-й слог: *φόρεμα* [f'orema] 'одежда', мн. ч. *φορέματα* [for'emata].

Мы уже отмечали два типа неподвижности ударения, которые могут существовать: неподвижность по отношению к данной морфеме, которая свойственна языкам со свободным ударением (рус. *распр'ава*, *распр'ав*), и неподвижность по отношению к границе слова, что характерно для языков с фиксированным ударением (пол. *rozpr'awa*, *r'ozpraw*). Новогреческий язык в одном и том же морфологическом образовании представляет оба типа: неподвижность по отношению к морфеме в словах [xg'oma, xg'omata], неподвижность

¹ Примеры цитируются по Mirambel 1959 : 25 и сл.

по отношению к границе слова в словах [f'orema, for'emata]. Таким образом, речь идет именно о промежуточном типе между фиксированным и свободным ударением.

Как промежуточные типы можно также рассматривать системы с квазификсированным ударением, которые мы наблюдали в польском, македонском, латинском и др. языках, или английский язык, в котором внутри системы со свободным ударением в некоторых заимствованных словах существует подсистема с фиксированным ударением (на третьем от конца слоге). Но принцип ударения с ограниченной свободой в греческом языке коренным образом отличается от вышеназванных. В польском, македонском, латинском языке, с одной стороны, и в английском, с другой, свободное и фиксированное ударение делят между собой словарный состав языка. Каждое из них действует в своей области, определяется наличием той или иной морфемы, и легко заметить, какая из систем является доминантной: в польском, македонском, латинском языках — это фиксированное ударение, в английском языке — свободное. Таким образом, мы можем без каких-либо сомнений отнести эти языки к той или иной категории. В греческом языке, наоборот, оба принципа не исключают друг друга, — и тот и другой проявляются одновременно во всей совокупности языковой системы: нет ни одного слова, где ударение ставилось бы независимо от морфологической структуры, но нет и ни одного слова, где оно не подчинялось бы закону ограничения. Невозможно трактовать какой-либо из принципов как доминантный, и это вынуждает нас классифицировать этот тип языка не как переходную категорию, а как абсолютно самостоятельный тип.

Ударение с ограниченной свободой наблюдается также в провансальском языке, где оно ограничено двумя последними слогами. Но фонологическое и морфологическое разнообразие того, что может находиться в конечном безударном слоге, здесь очень ограничено, а морфологическая функциональность свободного ударения весьма ограничена. Мы уже совсем близко подошли к фиксированному ударению, представленному во французском языке.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

АКЦЕНТНАЯ ЕДИНИЦА И СЛОГ

До сих пор мы всегда отождествляли акцентную единицу со слогом. Для этого нам пришлось временно абстрагироваться от тех языков, в которых установление акцентной единицы представляет определенные трудности. Мы хотим поговорить о языках «с несколькими типами ударения», где для того, чтобы определить ударение, недостаточно уточнить, на какой слог оно падает, — нужно в каждом случае указать, о каком типе ударения идет речь. Вот несколько примеров.

В древнегреческом языке существует два типа ударения: «острое» и «облеченное» (выше мы установили, что «тупое» ударение является лишь комбинаторным вариантом острого). Распределение двух типов ударения предугадывается во всех кратких и во всех неконечных слогах: краткие ударные слоги всегда имеют острое ударение, долгие предпоследние слоги имеют облеченное ударение, если они стоят перед конечным кратким слогом, долгие предпоследние слоги, стоящие перед конечным долгим, как и долгие третьи от конца слоги имеют острое ударение. Но если ударение падает на конечный долгий слог, возможны оба типа ударения, и два слова, являющиеся в других отношениях омонимами, могут отличаться наличием в одном из них острого ударения, а в другом облеченного: ἤν ‘если’ и ἦν ‘он был’. Такое же различие ударения может иметь грамматическое значение: им. пад. Ζεύς, зват. пад. Ζεῦ. Из описаний античных грамматиков мы узнаем, что облеченным называли ударение с понижающимся тоном, а острым — с повышающимся.

В сербохорватском языке различают два типа ударения, восходящее и нисходящее, которые могут падать на долгую или краткую гласную. Восходящее ударение на долгой гласной

обозначается значком ´, а на краткой — значком `; нисходящее ударение на долгой гласной отмечается значком ^, а на краткой — значком ˘. В односложном слове возможно только нисходящее ударение, а во внутренних слогах многосложного слова — только восходящее; на конечном же слоге многосложного слова ударения не бывает. Когда же ударение падает на начальный слог многосложного слова, оно может быть как восходящим, так и нисходящим: *grádu* ‘город’ (местн. пад.) и *grâdu* ‘город’ (дат. пад.); *nòsak* ‘носик’ и *nõsak* ‘носский’.

В словенском языке также существует восходящее и нисходящее ударение в долгих слогах: *lâs* ‘вóлос’ (им. пад. ед. ч.), *lás* ‘волóc’ (род. пад. мн. ч.); *pôt* ‘пот’ и *pót* ‘дорога’.

Подобным образом в скандинавских языках (шведском и норвежском) различается два ударения, традиционно называемые «акцент первый» и «акцент второй». В стокгольмском диалекте шведского языка акцент первый характеризуется постепенным подъемом голоса в течение всего ударного слога, тогда как при акценте втором голос вначале поднимается, затем очень быстро опускается и вновь поднимается к концу слога (Кацнельсон 1966: 20). Таким образом, в шведском языке имеются минимальные пары слов: *búren* ‘клетка’ и *bùren* ‘носимый»; *áxel* ‘плечо’ и *àxel* ‘ось’ и т. д.

Аналогичные явления встречаются в балтийских языках (литовском и латышском), а также в многочисленных германских диалектах («рейнские акценты»). В некоторых языках существует даже не два, а три типа ударения; так, в некоторых сербохорватских говорах Славонии имеется одно нисходящее и два восходящих ударения — одно с постепенным повышением голоса, другое с повышением резким (Ivić 1958: 285).

Факты такого рода теоретически можно интерпретировать двояко (Martinet 1954). Можно рассматривать увеличение силы или высоты, характеризующее первую часть слога при нисходящем акценте и вторую часть при восходящем, как позитивный акцентный прием. При такой гипотезе акцентной единицей, несущей ударение, будет не слог целиком, а только его часть, которая называется м о р о й.

Однако можно отметить также, что изменение высоты (или даже силы) внутри одного слога оказывается весьма похожим на

тоны, встречающиеся во многих азиатских, африканских языках или языках американских индейцев, например, тайском, эве или миштекском. Единственное различие состоит в том, что в этих языках (не имеющих ударения) тоны имеют все слоги; в древнегреческом же, сербохорватском, словенском, литовском, шведском и других языках тоны имеют только ударные слоги (или даже только некоторые из них). Нейтрализация тональных оппозиций в безударных слогах этих языков может сближаться с нейтрализацией некоторых тембровых оппозиций гласных в безударном положении, например, нейтрализацией открытости гласных в русском языке. Подобные нейтрализации можно рассматривать как отрицательный акцентный прием. При такой гипотезе акцентной единицей, то есть фонологическим сегментом, несущим ударение, будет слог, а не мора.

Специалисты в области того или иного языка произвольно выбирали то или иное решение в зависимости от степени соответствия особенностям описываемого языка. Так, морная интерпретация характерна для древнегреческого языка, а тональная — для китайского (с нейтрализацией тональных оппозиций в форме «легкого тона» в безударных слогах, см. с. 56). Но в общелингвистическом плане остается еще выявить принцип, по которому в конкретном языке мы сможем выбрать одно из двух решений.

Этот принцип выводится из определений акцентного признака, которые мы дали выше (глава II). Акцентным мы считаем любой признак, который должен анализироваться как свойство акцентного единства, то есть значимой единицы, большей, чем морфема. Добавление такого признака ударному слогу является позитивным акцентным приемом. И наоборот, любой признак, появляющийся как свойство отдельно взятой морфемы, является не акцентным, а различительным, и нейтрализация признака такого рода в безударном слоге представляет собой негативный акцентный прием.

Таким образом, чтобы определить, должны ли рассматриваться оппозиции мелодической кривой, существующие в ударных слогах, как перемещения ударения с одной моры на другую или как тональные оппозиции, нейтрализующиеся в безударных слогах, фонологических

критериев недостаточно, необходимо прибегнуть к грамматическим критериям. Если появление той или иной мелодической кривой более экономично предсказывается путем введения указания на эту кривую в характеристику отдельно взятой морфемы, то такие кривые должны анализироваться как тоны. Если же, напротив, мелодическая кривая более экономично описывается, исходя из законов, формулируемых на уровне слова, то оппозиция двух кривых должна рассматриваться как перемещение ударения, описываемое при помощи понятия моры или каким-либо другим способом.

Этот вопрос должен изучаться отдельно для каждого языка «с несколькими типами ударения» и опираться на точный анализ распределения различных типов ударения и их морфологической роли.

А) ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Именно для древнегреческого было введено понятие моры, и этот язык остается классическим примером применения данной концепции.

В аттическом диалекте распределение двух типов ударения — острого и обличенного — в кратких ударных слогах, как и в долгих неконечных механически регулируется количеством и положением: любой краткий ударный слог несет острое ударение, любой долгий предпоследний ударный слог, стоящий перед кратким конечным — обличенное, любой другой долгий неконечный ударный слог (долгий предпоследний, стоящий перед долгим конечным, или долгий третий от конца) несет острое ударение.

Но оба ударения вступают в соперничество в долгих конечных ударных слогах, которые могут нести как одно, так и другое. Эти слоги являются единственными, которые в аттическом диалекте должны рассматриваться как слоги с тоном.

Именно на основании этих данных в греческом языке может быть определено понятие моры. Согласно формуле Вандриеса, м о р о й следует называть «любую гласную или любую часть гласной, способную самостоятельно нести тон» (Vendryès 1929: 55) (под «тоном» в этой фразе нужно понимать ударение). Так, в

греческом слове две моры насчитываются в конечных долгих слогах — единственных, которые могут нести ударение либо на первой части (облеченное), либо на второй (острое), либо не нести его вовсе. Другие же слоги (долгие неконечные или краткие) имеют только две возможности: нести ударение или нет, и поэтому считаются одной морой.

Если понятие моры и было введено из-за греческого языка, то именно потому, что применение этого понятия и трактовка острого и облеченного ударений как падающих на 2-ую или 1-ую мору долгого конечного слога в значительной мере способствуют облегчению описания грамматических правил, определяющих место ударения.

Они помогают, прежде всего, экономично описать закон ограничения. В греческом языке этот закон очень строг: ударение не может смещаться дальше предпоследнего слога, если последний слог долгий, и дальше третьего от конца, если конечный слог краткий. Следует отметить, что в этом определении фигурирует только количественный показатель последнего слога, насчитывающего две моры, а не предпоследнего, не несущего тона и поэтому составляющего только одну мору. Таким образом, этот закон можно сформулировать проще при помощи понятия моры, сказав, что ударение обязательно падает на одну из трех последних мор слова. В словах с кратким последним слогом три последних моры совпадают с тремя последними слогами; в словах с долгим конечным слогом ударение может падать на последнюю мору (острое ударение на последнем слоге), на предпоследнюю мору (облеченное ударение на последнем слоге), или на третью от конца мору, которая совпадает с предпоследним слогом.

Этот закон ограничения имеет морфологическое значение, решающее для греческого языка, поскольку он напрямую управляет ударением большинства глагольных форм, а точнее, всех личных глагольных форм за исключением форм стяженных; во всех этих формах ударение оттягивается «так далеко, как только позволяет закон ограничения» (Vendryès 1929: 111). Это означает, что место ударения в глагольной парадигме со всеми его возможными перемещениями полностью определяется этим законом: *ἀρπάζω* ‘граблю’, *ἤρπαζον* ‘я грабил’ (имперфект),

ἡρπάσομεν ‘мы грабили’ (имперфект), *ἄρπασοίμην* ‘грабил бы я’ (оптатив) и т. д.

Действие этого закона в глагольных формах еще более заметно, когда речь идет об односложных словах: во всех личных нестяженных односложных глагольных формах с долгой гласной ударение является облеченным: *βῆς* ‘ты ушел бы’, *στῆ* ‘ты встал бы’, *σχῶ* ‘я имел бы’ (конъюнктив аориста) и т. д. Если рассматривать облеченное ударение как ударение на первой море, становится очевидным, что здесь мы имеем дело с частным случаем того же правила: ударение отодвигается максимально далеко. Было бы невозможно рассматривать здесь облеченное ударение как характеристику конкретной морфемы, поскольку оно самым естественным образом описывается простейшим акцентуационным законом, действующим в рамках слова. Действие этого закона проявляется еще лучше при сравнении личных форм глагола, в которых ударение отодвигается максимально далеко (рецессивное ударение), с именными формами, не подчиняющимися этому правилу. Перемещение ударения одинаково как между *βᾶς* ‘ушедший’ (причастие активного аориста) и *βῆς* ‘ты ушел бы’ (конъюнктив аориста), так и между *λίπών* ‘оставивший’ и *λίπης* ‘ты оставил бы’: в обоих глаголах причастие имеет конечное ударение, а конъюнктив — ударение рецессивное (отодвигающееся максимально далеко). В многосложных формах ударение перемещается с одного слога на другой, а в односложных — с одной моры на другую, заменяя облеченное ударение на острое.

Другой морфологической категорией, иллюстрирующей тот же факт, является звательный падеж. В нем, как в глагольных формах, ударение рецессивно (отодвигается максимально далеко): *ἄδελφός* ‘брат’, зват. пад. *ἄδελφε*. Такое же перемещение ударения имеет место в односложных формах в виде оттяжки ударения со второй моры на первую, то есть замены острого ударения на облеченное: *Ζεῦς* ‘Зевс’, зват. пад. *Ζεῦ* (Vendryès 1929: 47).

Таким образом, в древнегреческом языке существует целая серия морфологических фактов, экономично рассмотреть которые можно только при помощи понятия моры. Другие главы греческой морфологии можно описать равно как при помощи

понятия моры, так и тона. Так, окончания 1-го склонения имен существительных (на $-\bar{\alpha}$ или $-\eta$) могут быть ударными или безударными, но если они ударные, то прямые падежи всегда несут острое ударение, а косвенные — облеченное: $\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\acute{\alpha}$ ‘собрание’, $\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\acute{\alpha}\nu$ (вин. пад. ед. ч.), $\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\acute{\alpha}\iota$ (им. пад. мн. ч.), $\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\acute{\alpha}\varsigma$ (вин. пад. мн. ч.) но $\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\acute{\alpha}\tilde{\varsigma}$ (род. пад. ед. ч.), $\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\acute{\alpha}$ (дат. пад. ед. ч.), $\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\acute{\alpha}\nu$ (род. пад. мн. ч.), $\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\acute{\alpha}\iota\varsigma$ (дат. пад. мн. ч.). Таким образом, можно рассматривать острое ударение как внутреннее свойство окончаний прямых падежей, а облеченное ударение — как свойство окончаний косвенных падежей, то есть и то и другое как тоны, оппозиция которых нейтрализуется в безударном положении: $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\epsilon\acute{\iota}\bar{\alpha}$ ‘мужество’, $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\epsilon\acute{\iota}\bar{\alpha}\varsigma$ (род. пад.). Но можно с тем же успехом предположить, что окончания имеют акцентные свойства, состоящие в притяжении ударения на одну из своих мор, так же, как многосложная морфема может перетягивать ударение на один из своих слогов.

Итак, анализируя греческую морфологию, мы выявляем два типа форм: формы с рецессивным ударением, то есть отодвигающимся максимально далеко (особенно нестяженные глагольные формы и звательный падеж), и формы со свободным ударением, то есть не отодвигающимся максимально далеко (большинство форм склонения). В формах со свободным ударением обе интерпретации оппозиции между острым и облеченным ударениями одинаково приемлемы (как тоны, характеризующие морфемы, или как перемещение ударения с одной моры на другую в рамках слова). Но для форм с рецессивным ударением только интерпретация через перемещение ударения на ту или иную мору учитывает все факты. Из этого вытекает, что, если нужно выбрать интерпретацию, подходящую для всей языковой системы, приемлема только интерпретация через моры.

Оппозиция между острым и облеченным ударениями в греческом языке является, таким образом, не чем иным, как реализацией места ударения. Акцентной единицей в греческом языке является не слог, а мора. Если конечный слог долгий, мора представляет собой половину слога; во всех остальных случаях она совпадает со слогом.

Отметим, что в вышеприведенном анализе мы не прибегли ко всем известным аргументам, связанным со стяжениями и фактами лесбосского диалекта (Vendryès 1929: 46–47). В общегреческом языке до стяжений рецессивное ударение характеризовало все личные глагольные формы. В лесбосском это ударение распространялось на все слова языка. Два этих языка представляют нам, таким образом, еще более богатые иллюстрации вышеприведенных тезисов. Однако мы хотели избежать полного исторического или сравнительного анализа, ограничившись синхроническим исследованием аттической системы.

В связи с лесбосским отметим лишь, что в противоположность аттическому он не является «моросчитающим языком», поскольку ударение всегда отодвигается «максимально далеко», ни в одном многосложном слове ударение не падает на конечный слог, а любое односложное слово обязательно несет облученное ударение (лесб. *Zēŷ* = аттич. *Zēŷ*). В результате последний слог не является тоновым, а значит, понятие моры не имеет никакого смысла. Закон ограничения ударения, который в лесбосском становится законом ударение фиксирующим, должен формулироваться в терминах слогов.

В) ЧАКАВСКИЙ ДИАЛЕКТ СЕРБОХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА

Другим замечательным примером языка, считающего моры, является чакавский диалект сербохорватского языка. В качестве примера этого диалекта мы выбрали наречие Нови, по его описанию, сделанному Беличем (Белич 1909: 181–266).

В этом наречии ударение является свободным без каких-либо ограничений, и любой ударный слог, стоящий непосредственно перед ударением или после него может быть кратким или долгим. Краткие слоги имеют только один тип ударения, нисходящее, отмечаемое значком ˘ , а долгие слоги могут иметь два типа ударения: нисходящее ˘ и восходящее ˊ , последнее характеризуется резким повышением голоса между 1-й и 2-й частью долгого слога. Распределение двух типов ударения в долгих ударных слогах ничем не ограничивается. Можно сказать

поэтому, что все долгие слоги являются тональными (а не только долгие конечные слоги, как в греческом языке), или что во всех долгих ударных слогах оппозиция двух типов ударения имеет различительную функцию.

Для того, чтобы узнать, можно ли интерпретировать эту оппозицию как акцентный факт, то есть понижающееся ударение как ударение на 1-й мере, а повышающееся как ударение на второй мере, нужно проанализировать парадигмы, существующие в этом наречии.

Существуют парадигмы с конечным ударением, например, настоящее время глагола *peć* 'печь': *pećén*, *pećěš*, *pećě*, *pećetò*, *pećetè*, *peki*. Ударение везде падает на последний слог; этот слог может быть кратким или долгим. Количество является внутренним свойством окончания, проявляющимся и в том случае, когда окончание находится в безударном положении: *odàhnēn*, *odàhneš* и т. д., наст. вр. глагола *odahnùti* 'вздыхнуть'. Каждый раз, когда ударная гласная окончания является долгой, она несет восходящее ударение. Значит, если восходящее ударение интерпретировать как ударение на второй мере, парадигма будет характеризоваться единственной формулой: ударение на конечной мере. Графически природу этого ударения можно легко представить, записав долгие гласные двойными буквами и отметив ударение на первой букве, если оно нисходящее, и на второй, если оно восходящее. Таким образом, мы напишем: *peće'en*, *peć'eš*, *peć'e*, *pećem'o*, *pećet'e*, *peki'u* — видно, что ударение всюду конечное.

Существуют также парадигмы с ударением на начальном слоге, например, в склонении слова *kràva* 'корова': им. пад. ед. ч. *kràva*, вин. пад. *kràvu* и т. д., род. пад. мн. ч. *krâv*. Здесь корневая и начальная гласная является краткой во всех формах, кроме род. пад. мн. ч., где она долгая; там, где она долгая, она нисходящая. Если нисходящее ударение рассматривать как ударение на первой мере, эта парадигма может быть (отвлекаясь от количества) резюмирована одним словом: ударение на начальной мере; в графическом изображении, предложенном выше: *kr'ava*, *kr'avu*, *kr'aav*. Что касается самого количественного чередования (удлинение гласной в род. пад. мн. ч.), это не

акцентный факт, а грамматическое чередование, то есть, фактически, свойство нулевого окончания род. пад. мн. ч.

Среди подвижных парадигм, некоторые, такие как *brādà* ‘борода’, вин. пад. *brādu*, им. пад. мн. ч. *brāde*, род. пад. мн. ч. *brád*, дат. пад. мн. ч. *brādán* и т. д., содержат одновременно формы с корневым и конечным ударением. К первым относятся *brādu*, *brāde*: ударение нисходящее, оно, таким образом, падает на начальную мору (*br'aadu*, *br'aade*). Вторыми являются *brādà*, *brád*, *brādán* — в тех формах, где конечный слог является долгим, ударение восходящее; таким образом, речь идет об ударении, падающем на конечную мору: *braad'a*, *bra'ad*, *braada'an*.

Другие подвижные парадигмы содержат одни формы с ударением на окончании или суффиксе, а другие — с ударением перед окончанием или суффиксом. Это видно в глаголах *ženìt* ‘женить’, наст. вр. *žèñin* и *pālìt* ‘жечь’, наст. вр. *pālìn*. В формах *žènin* и *pālìn* ударение падает на мору перед окончанием. В форме *pālìn*, где стоящая перед окончанием гласная *a* является долгой, это ударение на море перед окончанием реализуется как восходящее: *ž'en-iin*, *pa'al-iin*.

Как мы видим, в чакавском имеется не одно морфологическое явление, чье описание упрощается при использовании понятия моры. Количественные оппозиции являются свойствами морфем, а оппозиции двух типов ударений представляют собой реализации ударения на той или иной море долгого слога. Здесь, еще в большей степени, чем в греческом языке, эта интерпретация оказывается не только теоретически возможной, — ее требует вся грамматическая система языка, позволяющая определить наличие одного или другого ударения только исходя из законов, формулируемых на уровне слова.

С) ШТОКАВСКИЙ ДИАЛЕКТ СЕРБОХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА

Штокавский диалект имеет особенность, препятствующую применению в нем понятия моры: дело в том, что краткие слоги в нем являются такими же тональными, как и долгие. Поэтому считается, что штокавские говоры (мы говорим о тех, которые обладают новой акцентуацией и которые лежат в основе литературного сербохорватского языка) имеют «систему четырех

ударений»: долгого нисходящего $\hat{\text{~}}$, долгого восходящего $\acute{\text{~}}$, краткого нисходящего $\grave{\text{~}}$ и краткого восходящего $\check{\text{~}}$. Как и в чакавском диалекте, количество свободно (кроме слогов, предшествующих ударному, в которых количественные оппозиции нейтрализуются) и должно рассматриваться просто как оппозиционный признак, который необходимо ввести в характеристику различных морфем.

Что касается двух типов ударения (восходящего и нисходящего), рассматриваемых независимо от количества, то их распределение совершенно особенно. Нисходящее ударение встречается только в начальных слогах, а восходящее ударение только в неконечных слогах. Вследствие этого:

- a) Начальные неконечные слоги (начальные слоги многосложных слов) могут иметь оба типа ударения (см. примеры на с. 133). Эти слоги являются единственными, в которых два ударения вступают в соперничество;
- b) Слоги, одновременно начальные и конечные (односложные слова), могут иметь только нисходящее ударение: *nòz* ‘нос’, *grôd* ‘город’;
- c) Слоги, неначальные и неконечные (внутренние слоги многосложных слов) могут иметь только восходящее ударение: *odàhnuti* ‘вздохнуть’, *predávanje* ‘лекция’;
- d) Неначальные конечные слоги (конечные слоги многосложных слов) не могут иметь никакого ударения.

Такое очень необычное распределение наводит на мысль, что оппозиции мелодических кривых в штокавском диалекте являются не чем иным, как реализацией места ударения. Соответствие между различиями места ударения и их реализацией в форме оппозиций мелодических кривых можно установить при помощи двух следующих правил:

1. Акцентное выделение начального слога реализуется в форме нисходящей мелодической кривой, относящейся к этому слогу;
2. Акцентное выделение неначального слога осуществляется при помощи восходящей мелодической кривой, затрагивающей предыдущий слог.

Таким образом, мы заменим в нашей книге традиционную запись «четырех ударений», рассматриваемую как простая

фонетическая транскрипция реализации акцентных и количественных признаков, на фонологическую запись, помечающую отдельно акцентное выделение (') и долготу (ˉ):

дат. пад.	<i>grādu</i>	=	/gr'ādu/
местн. пад.	<i>grādu</i>	=	/grād'u/
	<i>nòsak</i>	=	/n'osak/
	<i>nòsak</i>	=	/nos'ak/

Такая интерпретация учитывает распределение двух мелодических кривых. Восходящая мелодия предназначена для начальных слогов, выделение которых она производит. Восходящая мелодия свойственна неконечным слогам, поскольку она всегда выполняет выделение последующего слога.

Такая интерпретация не противоречит фонетическим данным. Фонетически слог, следующий за восходящим ударением, сам является «высоким, сравнимым в вершине с ударной гласной, а иногда даже более высоким» (Ivić, Lehiste 1965: 116). Таким образом, можно считать, что в группе из двух высоких слогов, которые обязательно встречаются при «восходящем» ударении, ударение падает на второй слог, а на первый — только отзвук, но не наоборот, как предполагает традиционный взгляд.

Но самое главное, что эта интерпретация является единственной, способной интегрироваться в морфологию языка. Большинство парадигм можно описать более просто, если определить ударение так, как мы это только что сделали.

Возьмем, к примеру, перемещение ударения, имеющее место между неопределенной формой и настоящим временем во многих глаголах: *písati* ‘писать’, наст. вр. *pīšēm*, *zapísati* ‘записать’, наст. вр. *zàpīšēm*, *jaùkati* ‘стонать’, наст. вр. *jàuičēm* и т. д. Правила, управляющие этими изменениями ударения, трудно сформулировать, если исходить непосредственно из форм в том виде, как они записываются при традиционном обозначении ударений. Но если применить транскрипцию, предложенную выше, они, напротив, очень просты:

<i>písati</i>	=	/pīs'ati/
<i>zapísati</i>	=	/zapīs'ati/
<i>jaùkati</i>	=	/jauk'ati/
<i>pīšēm</i>	=	/pīšēm/
<i>zàpīšēm</i>	=	/zapīšēm/
<i>jàučem</i>	=	/ja'učēm/

Мы видим, что во всех формах инфинитива выделяется слог, содержащий суффикс неопределенной формы *-a-*, а во всех формах настоящего времени слог, предшествующий окончанию: *-ēm*. То есть, достаточно сказать, что суффикс *-a-* автоакцентный, а окончание *-ēm* преакцентное. Таким образом, легко устанавливается связь между ударением и акцентными свойствами морфем.

Так же и в склонении слов *bèrāč* 'сборщик винограда', род. пад. *beráča* и *pùšāč* 'курильщик', род. пад. *pušáča* перемещение ударения (краткое падает на корневой слог имени существительного в номинативе, а долгое на суффиксальный слог в других падежах) можно описать гораздо легче, основываясь на предложенной транскрипции:

им. пад. ед. ч.	<i>bèrāč</i>	=	/ber'āč/
	<i>pùšāč</i>	=	/puš'āč/
род. пад. ед. ч.	<i>beráča</i>	=	/berāč'a/
	<i>pušáča</i>	=	/pušāč'a/
дат., местн., тв. пад. мн. ч.	<i>beráčima</i>	=	/berāč'ima/
	<i>pušāčima</i>	=	/pušāč'ima/

Выделяется слог, который идет за суффиксом *-āč-*, если таковой имеется, и слог самого суффикса, если он последний. Можно сказать, что суффикс *-āč-* постакцентный.

Из этих примеров (выбранных из множества других) видно, что интерпретация ударения в штокавском диалекте, предложенная здесь, является единственной, дающей возможность описать акцентные свойства различных морфем и, вследствие этого, позволяющей экономично сформулировать законы, определяющие место ударения.

Итак, в штокавском диалекте различия в изменении высоты не являются тонами, которые были бы свойствами морфемы, — это, как в греческом языке и чакавском диалекте, случаи

реализации места ударения. Однако, в противоположность греческому языку и чакавскому диалекту, штокавский диалект не представляет собой «моросчитающий язык». Акцентным единством в нем является не мора, а слог. Оппозиция между восходящей и нисходящей мелодией проявляется не в оппозиции ударения, падающего на 1-ю или 2-ю мору тонального слога, а в оппозиции ударения, падающего на тональный слог и на слог, следующий за ним.

Что касается места ударения, то интерпретация, предложенная здесь, позволяет проанализировать в сербохорватском языке (как в чакавском, так и в штокавском диалекте) акцентные свойства морфем в тех же терминах, которые мы использовали для русского языка. Акцентологическая система та же, морфемы подразделяются на те же группы с точки зрения места ударения (автоакцентные, преакцентные, постакцентные, рецессивные) и акцентной силы. Различия касаются только деталей морфологии, то есть акцентных свойств той или иной морфемы. Главное, что в сербохорватском языке имеются рецессивные окончания, которых нет в русском языке: оконч. *-e* звательного падежа (*potósnik* ‘помощник’, зват. *pòtošniće*), оконч. *-e* 2–3-го лица ед. ч. аориста (*ispèkoh* ‘я испек’, 2–3 л. ед. ч. *ìspeće*).

Д) СЛОВЕНСКИЙ ЯЗЫК

В словенском языке имеются оппозиции по силе, количеству и мелодической кривой. Распределение этих явлений своеобразно, и его можно резюмировать следующим образом:

1. **Интенсивность.** — В каждом слове есть один и только один сильный слог. Этот слог может занимать любое положение по отношению к границам слова.
2. **Количество.** — Все слоги, как сильные так и нет, содержащие гласную /ə/, являются краткими. Среди слогов, содержащих другую гласную, наблюдается следующее:
  - а) все не сильные слоги являются краткими;
  - б) все сильные неконечные слоги являются долгими;
  - с) сильные конечные слоги могут быть краткими и долгими.

3. Мелодические кривые. — Существует оппозиция между восходящей (ˊ) и нисходящей (ˋ) мелодической кривой. Эта оппозиция проявляется только в долгих слогах (как мы отметили, они все сильные). Эти слоги также являются единственными, в которых проявляется оппозиция между 2-й и 3-й степенью открытости: /e/ ~ /ɛ/, /o/ ~ /ɔ/.

Из этого следует, что:

а) Сила в любой позиции является акцентным признаком, и сильная гласная может называться ударной. Речь идет о свободном ударении.

б) Количество в неконечном слоге связано с силой, поскольку в этой позиции любой сильный слог долгий (если только он не содержит гласной /ə/) и любой долгий слог сильный. Таким образом, количество, в данной позиции, является не отличительным и автономным признаком, а вторичным акцентным приемом, добавляющимся к силе. Слог такого типа должен называться ударным, но он не является фонологически долгим, поскольку находится в позиции (по отношению к ударению и концу слова), где краткий слог невозможен.

с) Мелодические кривые противопоставляются только в долгих слогах, конечных или не конечных. Однако, мы только что отметили, что «долгие» неконечные слоги не являются долгими фонологически. Таким образом, словенский является языком, который интонирует слоги, не являющиеся фонологически долгими, точно так же, как штокавский диалект; то есть это язык, в котором понятие моры неприменимо. Понятие моры действительно предполагает, что долгий слог рассматривается как два кратких, — как в греческом языке и чакавском диалекте. Там, где долгий слог находится в таком положении, где краткий слог был бы невозможен, такое соответствие невозможно. Итак, в словенском языке мы не можем употреблять понятие моры.

Зато, никакой сложности не представляет интерпретация восходящей и нисходящей мелодических кривых как тонов, то есть как свойств различных морфем. Возьмем, к примеру, падежные окончания существительных мужского рода: *môž* ‘мужчина’, род. пад. ед. ч. *tožâ*, вин. пад. мн. ч. *tožê*, дат. пад.

мн. ч. *možém*, твор. пад. мн. ч. *možmí*, предл. пад. мн. ч. *možéh*, дат., твор. пад. дв. ч. *možéma*. Окончания, которые являются ударными и долгими в этой парадигме, в склонении других слов могут быть безударными (*ràk* ‘рак’, *ràka*, *ràke*, *ràkom* и т. д.) или тоже ударными, но краткими (*stàbàr*, ‘столб’, *stàbrà*, *stàbrè*, *stàbròm* и т. д.) и, в обоих этих случаях, у них нет мелодических отличий. Но если они ударные и долгие, мы видим у них одну и ту же мелодию. Таким образом, вполне возможно анализировать эту мелодическую кривую как свойство соответствующих морфем, то есть как тон, а его нейтрализацию в безударном положении как негативный акцентный прием.

Если же, наоборот, мы попытаемся учесть вариации мелодической кривой как перемещения ударения, описание у нас получится чрезвычайно сложным. Если прибегнуть к понятию моры, мы должны говорить об ударении на последней море в словах *možém*, *možmí*, *možéh*, но не в словах *možâ*, *možê*, *možéma*; об ударении на первой море окончания в словах *možâ*, *možê*, но не в других формах. Короче, ни считая с конца слова (как в чакавском диалекте), ни с начала окончания (как в русском языке), мы не получаем экономичного решения для описания особенностей мелодической кривой при помощи понятия моры. Это понятие, отвергнутое уже по фонологическим соображениям, отклоняется также из-за своей неспособности описывать морфологические факты.

Таким образом, мы будем рассматривать мелодические кривые словенского языка как тоны, свойства морфем, и будем писать эти морфемы с указанием их тона: *-â*, *-ê*, *-ém*, *-mí*, *-éh*, *-éma*. Эти тональные оппозиции нейтрализуются либо в безударном положении, либо в кратком ударном слоге, как нейтрализуется в тех же положениях оппозиция двух средних степеней открытости: *-ê*, *-ém*, становятся *-è*, *-èт* или *-e*, *-em*.

Конечно, неверно, что в словенском языке конкретная морфема, если она ударная и долгая, всегда выступает одним и тем же тоном. Окончания, выбранные нами в качестве примера, до настоящего момента представляли собой частные случаи. Многие корни и суффиксы могут иметь восходящую мелодию в одних формах и нисходящую мелодию в других. Так, корневая гласная слова *ràk* ‘рак’, краткая в форме им. пад. ед. ч., является

долгой восходящей в большинстве других случаев (род. пад. ед. ч. *ráka*, им. пад. мн. ч. *ráki* и т. д.), но долгой нисходящей в форме род. пад. мн. ч. *râkov*. Такое же изменение мелодической кривой претерпевает корневая гласная некоторых глаголов в форме супина: *trésti* ‘трясти’, супин *trêst*; *plésti* ‘плести’ супин *plêst*. Но такое изменение мелодической кривой не является перемещением ударения, это просто чередование просодического различительного признака (см. гл. II, с. 35–39), и оно должно анализироваться в каждом случае как свойство отдельно взятой морфемы. В словах *ráka*, *ráku* восходящий тон является свойством морфемы *rak-*, а в слове *râkov* его изменение в нисходящий тон — свойство окончания род. пад. мн. ч. *-ov*; такое чередование мы постоянно видим в род. пад. мн. ч. Так же в словах *plésti*, *trésti* восходящий тон является признаком корневых морфем, а в словах *plêst*, *trêst* появление нисходящего тона — это свойство окончания супина. Это явление аналогично немецкому умлауту, чешским удлинениям и сокращениям, чередованиям тона в миштекском языке (см. гл. II). Тот факт, что какой-либо признак подвергается такому чередованию, не препятствует его интерпретации как характеристики морфемы, то есть как тона.

d) Количество в конечном слоге. — Мы видели, что в неконечном слоге ударение реализуется одновременно при помощи нескольких неразделимых приемов — силы, количества, — к которым нужно добавить негативные акцентные приемы: сохранение тоновых противопоставлений и противопоставлений 2-й и 3-й степени открытости, нейтрализующихся в безударном положении. Но бывает так, что в конечном слоге эти приемы оказываются разделенными: они могут быть объединены, и это называется долгим ударением (помечается значком $\hat{\ }^{\ }^{\ }$ или $\acute{\ }^{\ }^{\ }$ в зависимости от мелодической кривой), но можно также обнаружить только силу, без долготы и негативных акцентных приемов, и это называется кратким ударением, помечаемым значком $\grave{\ }$.

Свойство нести «долгое» или «краткое» ударение не может быть интерпретировано как свойство отдельно взятой морфемы, поскольку в большинстве случаев одно и то же окончание получает то или иное ударение в зависимости от парадигмы, в состав которой оно входит: *možâ*, *možê*, *možém*, *možéma*, но *stãbrã*,

stàbrè, stàbròm, stàbromà. Можно отметить, что в данном типе склонения долгое ударение связано с парадигмой, имеющей ударение на окончании (на первом слоге окончания), а краткое ударение — с парадигмой, имеющей конечное ударение (на последнем слоге слова): ср. слова *možéta* и *stàbromà*. Таким образом, законы, позволяющие предвидеть выбор между кратким и долгим ударением, должны формулироваться на уровне слова — это акцентные законы. Количество, даже в конечном слоге, является не отличительным, а акцентным признаком.

Итак, словенский язык представляет нам очень оригинальную акцентную систему, систему языка с двумя уровнями ударения:

- а) «Долгое ударение», возможное в любой позиции (конечной или неконечной) и характеризующееся четырьмя одновременными акцентными приемами: двумя позитивными, силой и долготой, и двумя негативными, сохранением тоновых противопоставлений и противопоставлений 2-й и 3-й степени открытости;
- б) «Краткое ударение», возможное только в конечном слоге и отмечаемое только силой.

Ударение, будь оно кратким или долгим, является свойством слова, но, как в любом языке со свободным ударением, оно зависит от акцентных свойств морфем. Последние должны формулироваться при помощи терминов, существенно отличающихся от тех, что используются для других славянских языков со свободным ударением (русский, сербохорватский). Действительно, категории не являются теми же самыми и к тому же принадлежность морфемы к той или иной категории можно частично предвидеть на основании различительных признаков ее гласных (восходящий или нисходящий тон, наличие гласной /ə/). Среди корневых морфем различаются следующие типы.

- а) Автоакцентные корни (это наиболее многочисленная группа). В основном, они имеют восходящий тон. Напр.: *líp-a* ‘липа’, *měst-o* ‘город’.
- б) Корни, которые можно назвать «рецессивными»; они перетягивают ударение не на первый слог акцентного единства, как русские или сербохорватские рецессивные

морфемы, а на второй: *vodô* ‘воду’ (вин. пад.), *na vôdo* ‘на воду’. В основном, они имеют нисходящий тон.

- с) Корни с конечным ударением, то есть перетягивающие ударение на последний слог слова. Ударение, которое они вызывают, является кратким. Речь идет именно о корнях, содержащих гласную /ə/: *stəbàr* ‘столб’, род. пад. *stəbrà*; *stəzà* ‘тропинка’ и т. д.;

К этим свойствам корней нужно добавить свойства аффиксов и сформулировать законы, определяющие господство той или иной морфемы в слове. В любом случае, мы видим, что акцентная система словенского языка достаточно сильно отличается от системы других славянских языков.

Е) ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК

Своей просодической системой литовский язык ставит проблемы, весьма близкие к проблемам словенского языка. Эта система включает в себя:

1. Явления ударения, поскольку в каждом слове имеется один и только один выделенный слог, который несет то, что называется одним из трех ударений: восходящее $\sim$, нисходящее $\acute{}$ или краткое $\grave{}$. Это ударение может падать на любой слог слова и является, таким образом, свободным.
2. Количественные оппозиции, поскольку существуют краткие гласные /a/ = орфогр. *a*, /æ/ = *e*, /i/ = *i*, /u/ = *u* и долгие гласные /a:/ = *ą*, /æ:/ = *ę*, /e:/ = *ė*, /o:/ = *o*, /i:/ = *y*, *į*, /u:/ = *ū*, *ų*, а также дифтонги. Группы гласный + сонант рассматриваются как дифтонги.
3. Оппозиции мелодических кривых всех ударных гласных, кроме /i/ или /u/, которые несут всегда «краткое ударение». Долгие гласные и дифтонги могут иметь либо восходящее $\sim$, либо нисходящее $\acute{}$ ударение: *žōdis* ‘слово’, *óras* ‘воздух’. Краткие гласные /a/ и /æ/ могут нести либо восходящее $\sim$, либо краткое $\grave{}$ ударение: *vākaras* ‘вечер’, *ràsti* ‘найти’.

Синхронические проблемы просодической системы литовского языка разбирались Л. Ельмслевым в его статье

«Ударение, интонация, количество» (Hjelmslev 1936–1937). Эта работа удовлетворительным образом решает вопросы количества и тона, показывая, что эти признаки являются свойствами морфем (в концепции автора они приписываются «кенемам»). Но она несостоятельна, как нам кажется, в освещении вопросов, касающихся самого ударения.

1. Количество. — То, что количество в литовском языке представляет собой различительный признак, принадлежащий конкретным морфемам, очевидно: одна и та же гласная, входящая в состав данной морфемы, выступает обычно с одним и тем же количеством. Исключения малочисленны и легко описываются. Во-первых, речь идет о гласных /a/ и /æ/, которые в безударном положении являются краткими, а под ударением получают восходящее ударение и, как следствие, удлиняются: *namè* ‘в доме’, но *nãmas* ‘дом’. Во-вторых, речь идет о нейтрализации количественных оппозиций в дифтонгах, поскольку первый элемент дифтонга всегда краток: *kỹla* ‘поднимается’, инф. *kĩlti*; *šãla* ‘мерзнет’, инф. *šãlti*. Во всех этих случаях морфемы должны записываться с указанием определенного количества: /nam/ (/a/ краткое); /ki:l/, /ša:l/ (гласные долгие).

2. Тоны также являются свойствами конкретных морфем. Гласные /i/ и /u/ не имеют тональных оппозиций, они ведут себя точно так же, как гласная /ə/ в словенском языке. Другие гласные: краткие /a/ и /æ/, долгие и дифтонги имеют такие оппозиции и, как показал Ельмслев (Hjelmslev 1936–1937: 28), используя другую терминологию, достаточно различать два тона:

- а) восходящий тон / $\sim$ /, реализующийся повсюду как восходящий [$\sim$];
- б) нисходящий тон / $\prime$ /, реализующийся на долгих гласных и дифтонгах как нисходящий [$\prime$] и на кратких гласных /a/ и /æ/ как краткий [$\grave$].

Приняв такие определения тонов, можно констатировать, что тоновые оппозиции нейтрализуются в безударном положении, но что одна и та же морфема, как только на нее падает ударение, выступает в общем случае с одним и тем же тоном. Так, в склонении слова *knyg-à* ‘книга’ корень *knyg-* может быть безударным (им. пад. *knyg-à*, твор. пад. *knyg-à*), но всюду,

где на него падает ударение, он имеет восходящий тон: род. пад. *knỹg-os*, дат. пад. *knỹg-ai* и т. д. Так же окончание род. пад. *-os* может быть безударным, например, в словах *knỹg-os* ‘книги’, *sien-os* ‘стены’, но всюду, где на него падает ударение, оно имеет восходящий тон: *galv-õs* ‘головы’, *taut-õs* ‘народа’. Таким образом, есть все основания записывать эти морфемы *knỹg-* и *-õs*, что очень похоже на систему записи Ельмслева. Но когда морфемы *knug-* и *-os* встречаются в одном слове, одна из них должна обязательно лишиться своего тона: *knỹg-os*. Именно в этом состоит негативный акцентный прием; так же и русском языке, если морфемы *вод-* и *-ой* (окончание твор. пад.) встречаются в одном слове, одна из них должна обязательно потерять среднюю открытость своей гласной: [vad-'oj]. И наконец, тоны могут подвергаться грамматическим чередованиям. Если в глаголах корневая гласная имеет нисходящий тон в настоящем времени, она остается таковой и в неопределенной форме: *alksta* ‘хочет есть’, инф. *alkti*; *kanda* ‘кусает’, инф. *kasti*. Но если тон гласной в настоящем времени восходящий, очень часто в неопределенной форме он становится нисходящим: *lẽmia* ‘решает’, инф. *lẽmti*; *žũva* ‘гибнет’, инф. *žũti*. Тонем, составляющим характеристику гласной корневой морфемы, является тот, который представлен в настоящем времени (восходящий или нисходящий); трансформация восходящего тона в нисходящий должна рассматриваться как свойство суффикса инфинитива. Во всех этих чертах (принадлежность тонов морфемам, нейтрализация тонов в безударном положении, существование тональных чередований) литовский язык ведет себя точно так же, как словенский.

3. У д а р е н и е . — Начиная с этого момента, мы перестаем следовать Ельмслеvu. Действительно, этот автор, показывая, как и мы вслед за ним, что мелодические кривые в литовском языке могут приписываться гласным различных морфем, даже когда на эти гласные в действительности не падает ударение, называет их не тонами, а ударениями. Он признает в литовском языке не два тона, а три «ударения»: акут (= нисходящее), циркумфлекс (= восходящее) и «низкое ударение», то есть отсутствие ударения. Последнее «ударение» — это ударение в морфемах, которым невозможно приписать какую-либо мелодическую

кривую, потому что на них никогда не падает ударение, например, окончание вин. пад. ед. ч. *-q*: *sienq*, *knỹgq*, *gálvq*, *taĩtq* и т. д. Ельмслев считает, что из серии «ударений» (акута, циркумфлекса или низкого), приписанных различным слогам одного и того же слова, можно узнать который слог является «доминантным», то есть в действительности несущим ударение слова. Ему удается это в случаях, подчиняющихся закону де Соссюра, то есть в двусложных последовательностях «восходящий слог + нисходящий слог» или «краткий слог + нисходящий слог», где ударение переносится с первого из двух слогов на второй. Это касается ударения в некотором количестве двусложных форм: *raĩk-* (ср. род. пад. *raĩkos*) + *-á* = *rankà* ‘рука’ (нисходящий тон реализуется на /a/ в виде краткого ударения, см. выше), тогда как *líep-* + *-á* = *líepa* ‘липа’. Эти две формы описываются в рамках одной парадигмы. Так же *žĩẽm-* (ср. вин. пад. *žĩẽmą*) + *-á* (окончание твор. пад.) = *žiemà* ‘зимой’, тогда как *gálv-* + *-á* = *gálva* ‘головой’. И здесь две парадигмы сводятся к одной.

Но в других случаях, и в частности в словах, состоящих из многих слогов и сложных морфологически, таких как *at-kalb-in-ě-ji-m-as* ‘разубеждение’, ударение нельзя предсказать на основании правил такого рода, и, чтобы остаться верным отождествлению понятий тона и ударения, Ельмслев был вынужден отказаться от приписывания «ударения» безударным слогам: «Было бы неправильным... приписывать некоторому слогу ударение, которое ему свойственно в других условиях» (Hjelmslev 1936–1937: 37). Таким образом, безударным гласным слова *atkalbinėjimas* оказывается приписанным «низкое ударение», несмотря на то, что известна мелодическая кривая, характеризующая те же морфемы, когда они фигурируют в других словах: *kalb-* в слове *kalba* ‘говорит’, *ãt-* в слове *ãtdaras* ‘открытый’ и т. д.

Здесь мы ясно видим последствия ошибки, совершенной Ельмслевым в стремлении объединить под одной рубрикой две различных категории фактов. То, что Ельмслев называет ударением, должно одновременно выполнять две функции: 1) служить постоянной характеристикой данной морфемы; 2) отмечать «доминантный слог» акцентного единства. Обе эти

функции не могут выполняться одновременно, кроме тех исключительных случаев двусложных слов, которые подчиняются закону де Соссюра. В более длинных словах для сохранения акцентной функции ударения Ельмслеву приходится пожертвовать функцией характеристики морфемы.

Решение, очевидно, состоит в том, чтобы развести две функции, как мы сделали это в других изученных нами языках. На тоны (восходящий или нисходящий), которые мы анализировали выше, налагается ударение, падающее только на один слог слова. В безударных слогах тоны нейтрализуются. Это ударение является свободным, и законы, которые им управляют, должны, как и любой акцентный закон, формулироваться на уровне слова, но действуют они на основании акцентных свойств морфем.

Так, ударение в слове *at-kalb-in-ě-ji-m-as* 'разубеждение' полностью объясняется акцентными свойствами суффикса *-ě-*, который всегда перетягивает ударение: *maž-ě-ti* 'уменьшаться', *ra-žum-ě-j-im-as* 'свидетельство' и т. д. Эти свойства не связаны с тональными характеристиками этого суффикса.

В то же время, закон де Соссюра (в своей синхронической форме, как его переформулировал Ельмслев) устанавливает вторичную связь между тонами и акцентными свойствами некоторых морфем. В определенных двусложных последовательностях, характеризующихся тональной и количественной схемой ($\sim \acute{\text{}}$) или ($\sim \grave{\text{}}$), ударение может падать только на второй слог, и никогда первый. Если обычные акцентные законы приводят ударение на первый слог такой последовательности, оно перемещается на второй. Эти последовательности ведут себя по отношению к ударению, как если бы они составляли единый слог.

Так, в склонении существительных женского рода в единственном числе можно, действуя, как в русском языке, разделить морфемы на два ранга по их акцентной силе:

- более сильные морфемы: корни *liep-*, *rañk-*, окончания *-à* (им. пад.), *-òs* (род. пад.), *-ojè* (местн. пад.);
- более слабые морфемы: корни *gálv-*, *žičm-*; окончания *-ã* (вин. пад.), *-ái* (дат. пад.), *-à* (твор. пад.).

Из этой сводки выводится все склонение слов *liepa* (корневое фиксированное ударение) и *galvà* (корневое ударение

при слабом окончании и ударение на окончании при сильном окончании). Парадигма *rankà* похожа на парадигму *lièpa*, а парадигма *žietà* — на парадигму *galvà*, за исключением форм *rankà* (им. пад. и твор. пад.) и *žietà* (твор. пад.). Эти формы имеют тональную схему, указанную выше (~'), и хотя акцентные законы приводят ударение на первый слог, закон де Соссюра заставляет его перейти на второй.

Закон де Соссюра в своей синхронической форме — это закон, предполагающий безударность некоторых слогов в некоторых позициях. Он действует после обычных акцентных законов и устанавливает вторичную связь между ударением и тонами. Но в принципе эти два явления необходимо строго различать.

Таким образом, литовский язык представляет нам картину языка, где существует, с одной стороны, свободное ударение, которое характеризует слово, но место которого определено акцентными свойствами морфем, а с другой стороны, количественные и тональные оппозиции, являющиеся различительными признаками, характеризующими морфемы. Тоны нейтрализуются в безударном положении. И ни разу нам не пришлось прибегать к понятию моры: акцентной единицей в литовском языке является слог.

Ф) ДРУГИЕ ЯЗЫКИ С НЕСКОЛЬКИМИ ТИПАМИ УДАРЕНИЯ

Существуют и другие языки с несколькими типами ударения. Ни в одном из них морная интерпретация не представляется обязательной, и всюду предпочтительной кажется интерпретация тональная.

В латышском языке ударение фиксированное, оно падает на первый слог. Если к нему применить понятие моры, нам придется отказаться от такой простой формулировки закона, определяющего место ударения, и заменить его на формулировку, значительно более сложную, предложенную Трубецким: «может выделяться только одна из первых двух мор слова и только при условии, если она относится к первому слогу» (Трубецкой, 1939: 235). То же понятие моры, которое приводит к простоте в греческом языке, разрушает ее в латышском.

В шведском и норвежском языках существует два типа ударения, называемые «акцент первый» и «акцент второй», напр., швед. *bùren* ‘клетка’, *bùren* ‘носимый’. Эти две мелодические кривые, хотя и реализуются в ударном слоге, противопоставляются только в словах, насчитывающих как минимум один слог после ударного. Слова с ударением на конечном слоге (то есть, главным образом, односложные, поскольку ударение очень часто падает на первый слог) могут нести только акцент первый. Исходя из этого наблюдения, можно показать, что мелодические кривые, реализующиеся в ударном слоге, должны рассматриваться как тоны, характеризующие морфему, выступающую в слоге, следующем за ударным (Rischel 1953: 154–164). Значит, и здесь тоже нужно использовать именно понятие тона.

Итак, из всех языков «с несколькими типами ударений», которые мы изучили, только в двух, древнегреческом и чакавском диалекте, как нам кажется, требуется использование понятия моры. Во всех остальных случаях факты легче описываются в терминах слогов. Таким образом, именно слог остается акцентной единицей в подавляющем большинстве языков. Понятие моры далеко от такого широкого применения, какое предполагал Трубецкой. Кроме того, и сама мора, там, где она существует, определяется только на основе слога.

Исследование в области общего языкознания не может претендовать на подтверждение выдвигаемых положений индуктивным путем, на основании анализа материала всех языков мира. Но оно не может идти и дедуктивным путем и претендовать на выводы о фактах, некоторые из которых хорошо известны, на основе часто неопределенных принципов. Здесь мы основывали наши рассуждения на небольшом количестве языков, но иногда анализировали их детально. Мы лишь старались провести этот анализ, используя по отношению ко всем рассматриваемым языкам одни и те же понятия и одну и ту же терминологию — таким образом, из этого анализа возникает теория ударения. Остается только убедиться, имеет ли, как есть основания ожидать, эта теория общее значение, а также учитывает ли она факты, которые не были рассмотрены при ее разработке.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов 1956 — Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. Москва, 1956.
- Белич 1909 — А. Белич. Заметки по чакавским говорам // Известия отделения русского языка и словесности императорской академии наук, XIV, 1909, 2, — с. 181–266.
- Кацнельсон 1966 — С. Д. Кацнельсон. Сравнительная акцентология германских языков. Москва — Ленинград, 1966.
- Мартине 1963 — А. Мартине. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике, III. Москва, 1963 — с. 366–566 (= A. Martinet. *Éléments de linguistique générale*. Paris, 1960).
- Толстая 1960 — Н. И. Толстая. Язык панджаби. Москва, 1960.
- Трубецкой 1934 — Н. С. Трубецкой. Морфонологическая система русского языка // Н. С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. Москва, 1987. — с. 67–142 (= N. S. Trubetzkoy. *Das morphonologische System der russischen Sprache* // *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 5₂, Prague, 1934. — S. 164–183).
- Трубецкой 1939 — Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. Москва, 1960 (= N. S. Trubetzkoy. *Grundzüge der Phonologie* // *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 7, Prague, 1939).
- Шаумян 1965 — С. К. Шаумян. Структурная лингвистика. Москва, 1965.
- Bloch, Trager 1942 — V. Bloch, G. L. Trager. *Outline of linguistic analysis*. Baltimore, 1942.
- Bourciez 1937 — E. Bourciez. *Précis historique de phonétique française*. Paris, 1937.
- Chigarevskaja 1966 — N. Chigarevskaja. *Traité de phonétique française*. Moscou, 1966.
- Daneš 1960 — F. Daneš. Sentence intonation from a functional point of view // *Word*, 16, 1960, 1. — p. 34–54.
- Decaux 1955 — E. Decaux. *Morphologie des enclitiques polonais*. Paris, 1955.
- Deny 1955 — J. Deny. *Principes de grammaire turque*. Paris, 1955.
- Fouché 1956 — P. Fouché. *Traité de prononciation français*. Paris, 1956.
- Grappin 1963 — H. Grappin. *Grammaire de la langue polonaise*. Paris, 1963.
- Hála 1962 — V. Hála. *Uvedeni do fonetiky češtiny*. Praha, 1962.
- Halle 1959 — M. Halle. *The sound pattern of Russian*. The Hague, 1959.

- Havránek, Jedlička 1963 — B. Havránek, A. Jedlička. Česká mluvnice. Praha, 1963.
- Hetzron 1962 — R. Hetzron. L'accent en hongrois // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, LVII, 1962. — p. 192–205.
- Hjelmslev 1936–1937 — L. Hjelmslev. Accent, intonation, quantité // Studi Baltici, 6, 1936–1937. — p. 1–57.
- Itkonen 1955 — E. Itkonen. Über die Betonungsverhältnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, 5, 1955, 1–2. — S. 21–34.
- Ivić 1958 — P. Ivić. Die serbokroatischen Dialekte. 's-Gravenhage, 1958.
- Ivić, Lehiste 1965 — P. Ivić, I. Lehiste. Prilozi ispitavanju fonetske i fonološke prirode akcenta u savremenom srpskohrvatskom jeziku, II // Зборник за филологију и лингвистику, VIII, 1965. — с. 75–117.
- Jakobson 1931 — R. Jakobson. Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie // Travaux du Cercle linguistique de Prague, 4, Prague, 1931. — S. 164–183.
- Juret 1921 — A.-C. Juret. Manuel de phonétique latine. Paris, 1921.
- Kallioinen 1966 — V. Kallioinen. Les fonctions de l'intonation et la phrase interrogative en finnois // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, LXI, 1966, 1. — p. III–V.
- Kiparsky 1962 — V. Kiparsky. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.
- Lunt 1952 — H. Lunt. Grammar of the Macedonian literary language. Skopje, 1952.
- Marouzeau, Dauzat 1934 — J. Marouzeau, A. Dauzat. Accent affectif et intellectuel // Le français moderne, II, 1934. — p. 123–126.
- Martinet 1954 — A. Martinet. Accent et tons // Miscellanea phonetica, II, 1954. — p. 13–24.
- Martinet 1965a — A. Martinet. La linguistique synchronique. Paris, 1965.
- Martinet 1965b — A. Martinet. Le mot. // Diogène, 51 (juill.-sept. 1965). — p. 39–53.
- Martinet 1967 — A. Martinet. Syntagme et syntème // La linguistique, 1967, 2, p. 1–14.
- Mirambel 1959 — A. Mirambel. La langue grecque moderne, description et analyse. Paris, 1959.
- Neustupný 1959 — J. V. Neustupný. Accent in Japanese and Russian, a typological study // Archiv Orientální, 27, 1959. — p. 122–142.
- Newman 1946 — S. S. Newman. On the stress system of English // Word, 2, 1946, 3. — p. 171–187.

- Ondráčková 1961 — J. Ondráčková. On the problem of the function of stress in Czech // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*, 14, 1961. — S. 45–54.
- Pike 1948 — K. L. Pike. *Tone languages*. Ann Arbor, 1948.
- Pike, Kindberg 1956 — K. L. Pike, W. Kindberg. A problem in multiple stresses // *Word*, 12, 1956, 3. — p. 415–428.
- Pilch 1967 — H. Pilch. Nebenakzent und Wortableitung im Englischen // *Phonologie der Gegenwart*. Wien, 1967. — p. 46–58.
- Prieto 1954 — L. J. Prieto. Traits oppositionnels et traits contrastifs // *Word*, 10, 1954, 1. — p. 43–59.
- Rischel 1953 — J. Rischel. Morphemic tone and word tone in Eastern Norwegian // *Phonetica*, 10, 1953. — p. 154–164.
- Rischel 1964 — J. Rischel. Stress, juncture and syllabification in phonemic description // *Proceedings of the 9th International Congress of linguists, Cambridge, Mass., 1962*. The Hague, 1964. — p. 85–93.
- Trost 1964 — R. Trost. Funktion des Wortakzents // *Travaux linguistiques de Prague*, I, 1964. — p. 125–127.
- Vendryès 1929 — J. Vendryès. *Traité d'accentuation grecque*. Paris, 1929.

УКАЗАТЕЛЬ

- акцентная группа, 71
акцентная единица, 13–17, 132–156
акцентное единство, 14, 17–21, 64–91
акцентные свойства морфем, 104–106
акцентогенная морфема, 65, 109–117
акцентогенная синтагма, 19, 64
акцентогенное слово, 20
акцентологическая система, 27–28
английский, 6, 41, 51, 55–56, 76–87, 113–117
баритонирование окситонов, 89
белорусский, 55, 128
болгарский, 128
венгерский, 45
восходящее ударение, 132
второстепенное ударение, 51, 53–54, 72–88
галльский, 98
гармония гласных, 25, 59–63
говоры Славонии, 133
граница слога, 15
динамическое ударение, 50
древнегреческий, 15, 68–69, 88–89, 129–130, 132, 135–139
заимствования, 95–96, 97, 98–99, 111–117, 127
закон де Соссюра, 153–155
закон ограничения, 130, 135–139
иерархия ударений, 72–88
интонация, 39–47
испанский, 15, 54, 120
итальянский, 5–6, 8, 55, 57–58, 101–105, 117–120
кампа, 38–39
квазификсированное ударение, 95–99
китайский, 25–26, 34, 56, 134
клитика, 20, 67–70
количество гласного, 34–37, 145, 148–149, 150, 151
латинский, 7–8, 21–22, 68, 94, 97–99
латышский, 133, 155
легкий тон, 56
лесбосский, 94, 135–139
литовский, 133, 150–155
логическое ударение, 110
македонский, 69–70, 93, 96–97
место ударения, 14, 21–22, 92–131
миштецкий, 37–38, 40, 134
мора, 15–16, 133–141, 145, 146–147, 155–156
морфема, 22–28
музыкальное ударение, 50
негативные акцентные приемы, 54–58
нейтрализация, 54–58
немецкий, 8, 24, 35, 53, 56, 65–67, 72–75, 103, 109–113
нисходящее ударение, 133
новогреческий, 103, 104, 129–130
северные диалекты, 55
норвежский, 133, 156
облеченное ударение, 132
общегреческий, 139
ортотоническое слово, 20
острое ударение, 132
отзвук ударения, 51–54
открытость гласного, 48, 54–55
панджаби, 94
позитивные акцентные приемы, 48–50

- польский, 7, 15, 93, 95–97, 100–101
португальский, 50, 54
провансальский, 131
проклитика, 21, 67, 97, 98
проклитические местоимения, 67–68
проклитические предлоги, 68, 70
просодема, 16
просодический признак, 34–39
различительный признак, 7, 23–28, 34
рейнские акценты, 133
рецессивная акцентуация, 121, 138, 145, 149
румынский, 120
русский, 6, 8, 9, 10–11, 15, 17, 22, 24, 26, 32–34, 37, 48, 50, 52, 54, 55, 58, 65–67, 68, 87–88, 100–101, 103–105, 120–128
свободное ударение, 7, 8, 21, 100–129
сербохорватский, 53, 54, 68, 128, 132–133, 139–145
силовое ударение, 50
словенский, 54, 57, 128, 133, 145–150
слово, 14, 17–21, 22–28, 64–70
    определение, 21
слог, 14, 23–28, 132–156
стяжения (в греческом), 139
тайский, 71, 134
тон, 34, 37–39, 56–57, 134–135, 146–148, 151–152
тональное ударение, 50
тупое ударение, 89, 132
турецкий, 25, 26, 63, 128
ударение на клитике, 68
ударение с ограниченной свободой, 129–131
украинский, 54, 128
умлаут, 24, 35
фиксированное ударение, 7–8, 21, 91–94
финский, 40, 51–52, 59–63, 75–76
фонема, 13, 23–28
фраза, 23–28
французский, 5–6, 7–8, 10, 17, 24, 26, 31, 42–45, 65–66, 67–69, 93
центр слога, 15
чакавский, 139–41
чередования, 24, 34–39
чешский, 7, 10–11, 24–25, 34, 36–37, 45–46, 50, 51–52, 69–70, 88, 93
шведский, 133, 156
штокавский, 53, 141–145
эве, 134
эмфатические приемы, 41–47
энклитика, 20, 67, 95, 96–97, 98
энклитические глаголы, 68
языки с несколькими типами ударения, 132–135
японский, 25, 26, 52–53, 129

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: КОНСТАНТЫ УДАРЕНИЯ.....	5
Глава первая: ФУНКЦИЯ УДАРЕНИЯ.....	5
I. — КОНТРАСТИВНАЯ ФУНКЦИЯ УДАРЕНИЯ	5
II. — ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АКЦЕНТНОГО КОНТРАСТА	13
A) Акцентная единица и слог	15
B) Акцентное единство и слово	17
C) Место ударения.....	21
III. — ВЫВОД: ЗАДАЧИ АКЦЕНТОЛОГИИ	22
Глава вторая: СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	
АКЦЕНТНЫХ ПРИЗНАКОВ.....	30
A) Ударение и различительные признаки	30
B) Перемещения ударения и чередования различительных	
признаков.....	34
C) Ударение и интонационные оппозиции	39
D) Ударение и интонационные контрасты.....	41
Глава третья: АКЦЕНТНЫЕ ПРИЕМЫ	48
A) Позитивные акцентные приемы: сила, высота, долгота.....	48
B) Отзвуки ударения	51
C) Негативные акцентные приемы	54
D) Является ли гармония гласных акцентным приемом?	59
ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ПЕРЕМЕННЫЕ УДАРЕНИЯ.....	64
Глава четвертая: АКЦЕНТНОЕ ЕДИНСТВО И СЛОВО	64
I. — ВЫЧЛЕНЕНИЕ АКЦЕНТНОГО ЕДИНСТВА.....	64
A) Принципы вычленения	64
B) Клитики	67
II. — ИЕРАРХИЯ АКЦЕНТНЫХ ЕДИНСТВ	71
A) Немецкий язык.....	72
B) Финский язык.....	75
C) Английский язык	76
D) Русский, чешский языки	87
III. — ВИРТУАЛЬНОЕ АКЦЕНТНОЕ ЕДИНСТВО.....	88
A) Древнегреческий язык.....	88
B) Французский язык	89

Глава пятая: МЕСТО УДАРЕНИЯ	92
I. — ФИКСИРОВАННОЕ УДАРЕНИЕ: ЧЕШСКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ И Т. Д.	92
II. — КВАЗИФИКСИРОВАННОЕ УДАРЕНИЕ	95
A) Польский язык	95
B) Македонский язык	96
C) Латинский язык	97
III. — СВОБОДНОЕ УДАРЕНИЕ	100
A) Общие положения	100
B) Немецкий язык	109
C) Английский язык	113
D) Итальянский язык	117
E) Русский язык	120
F) Другие системы со свободным ударением	128
IV. — УДАРЕНИЕ С ОГРАНИЧЕННОЙ СВОБОДОЙ	129
Глава шестая: АКЦЕНТНАЯ ЕДИНИЦА И СЛОГ	132
A) Древнегреческий язык	135
B) Чакавский диалект сербохорватского языка	139
C) Штокавский диалект сербохорватского языка	141
D) Словенский язык	145
E) Литовский язык	150
F) Другие языки с несколькими типами ударения	155
Литература	157
Указатель	160